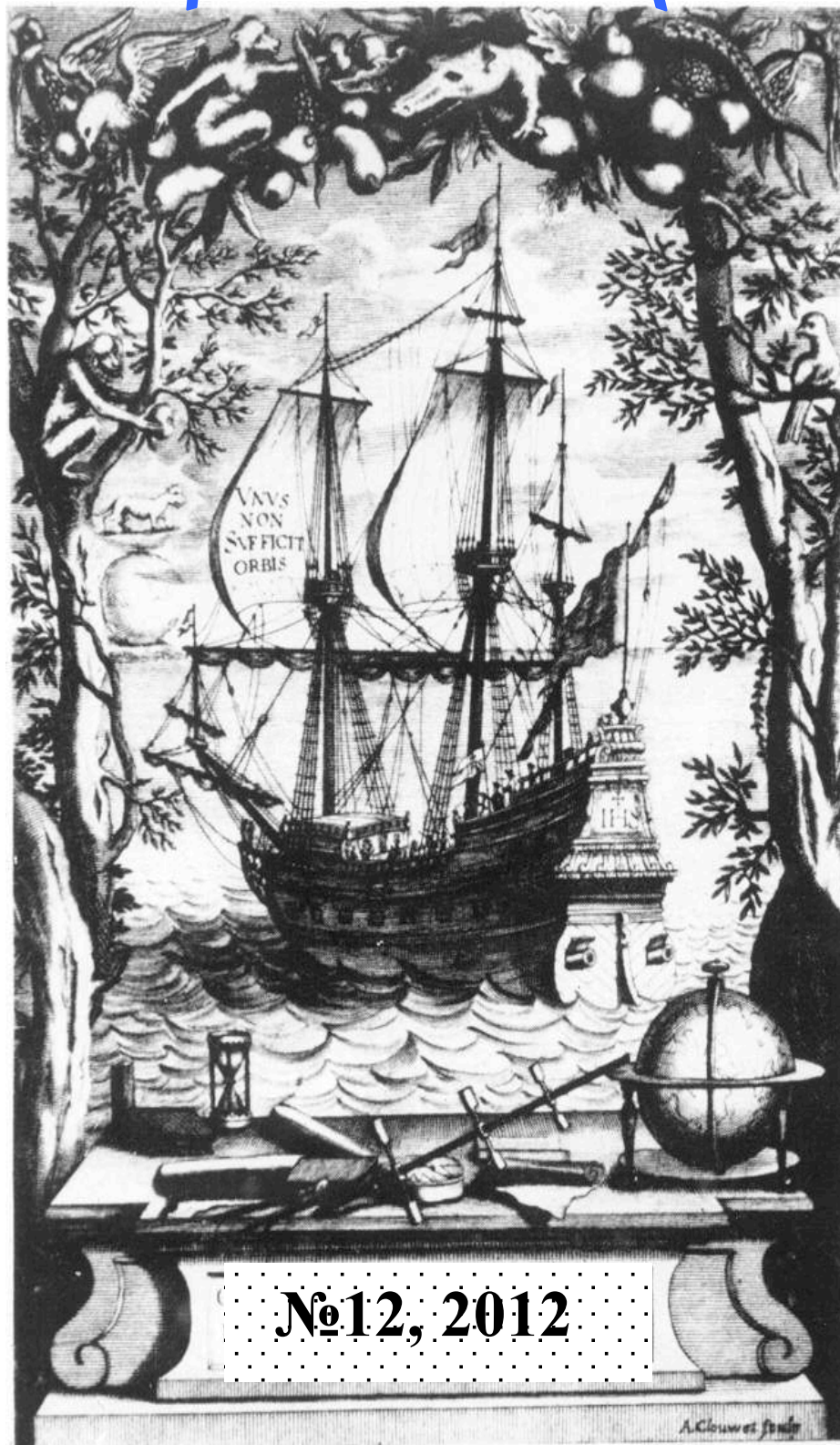

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№12, 2012

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

**№ 12
2012 г.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А.Щелчков

(ответственный редактор)

Е.А.Ларин

Н.С.Иванов

А.С. Шишков

**Москва
2012**

**ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA
INSTITUTO DE HISTORIA UNIVERSAL
CENTRO DE INVESTIGACIONES LATINOAMERICANAS**

**ALMANAQUE
HISTORICO
LATINOAMERICANO**

**№ 12
2012**

CONSEJO DE REDACCION

**A.A.Schelchkov
(redactor principal)**

E.A.Larin

N.S.Ivanov

A.S. Shichkov

**MOSCU
2012**

ББК 63.3
Л 272

Л 272 Латиноамериканский исторический альманах,
№12. – М., ИВИ РАН, 2012. – 217 с.

© Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012

Научное издание

**Латиноамериканский
исторический альманах**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 18.07.2012
Гарнитура Таймс. Объем – 14 п.л.
Тираж 150 экз.

Светлой памяти

Людмилы Юлиановны Кораблёвой

посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила Юлиановна Кораблёва 7

Латинская Америка в XIX веке

- Селиванова И.В.** Начало освободительного процесса в Мексике. Чильпансингский конгресс и Апацинганская конституция 27
- Казаков В.П.** Альберди Х.Б. и Сармьенто Д.Ф.: два проекта модернизации Аргентины 58
- Щелчков А.А.** Социальный консерватизм и христианский социализм в Латинской Америке в XIX веке. 87

Россия и Латинская Америка

Ульянова О.В. Русские в Чили, XIX в. 116

Латинская Америка в XX веке

- Росс С.** Японские иммигранты в Чили (1897-1943): от торговли к шпионажу? 146
- Шишков А.С.** Институционно-революционная партия Мексики: история возникновения и перспективы в XXI в. 168
- Родригес Острия Г.** Цикл партизанской борьбы в Боливии в 1963 – 1970 гг. Преемственность и различия 186
- Шубин А.В.** Че Гевара. Вооружённый радикал на фоне народа 201

CONTENIDO

Larin E. A.	Igor Ivanovich Yanchuk Medio siglo del Centro de estudios latinoamericanos del Instituto de Historia Universal	7 20
<i>América Latina en el siglo XIX</i>		
Selivanova I.V.	La sociedad mexicana en vísperas de la Emancipación	35
Ivkina L.A.	Ramón Pauer-y-Jiralt y las Cortes de Cádiz (1810-1813)	65
Ivanov N.S.	Mitos sobre Artigas	96
Aguilera Manzano J.M.	El «problema» de la esclavitud y la población de color en el proceso de construcción de la identidad cubana, siglo XIX	136
Kazakov V.P.	La Confederación Argentina en búsqueda de la política económica.	153
<i>América Latina y Rusia</i>		
Schelchkov A.A.	El precursor del socialismo peruano Juan Bustamante	180
<i>América Latina en el siglo</i>		
Shishkov A.S.	La lucha ideológica y la elite política en México en 1919 – 1929, su dinámica, peculiaridades y los resultados.	206
Iwanowski Z.W.	Colombia: el Estado y la oposición armada	234
Rastorgueva N.E.	Las elecciones presidenciales del 2000 en México	259
<i>La Internacional Comunista y América Latina</i>		
Ortiz R.	La Internacional Comunista y los conflictos internos en el Partido Comunista Mexicano, 1925 – 1926.	272
<i>Reseñas</i>		
Korableva L.Y.	Igor Fleischer Shevelev. Combatientes	284

rusos en la Guerra del Chaco. Heroes del
Paraguay. Asunción, 2010.

Памяти Людмилы Юлиановны Кораблёвой

Людмила Юлиановна Кораблёва проработала в Институте всеобщей истории добрых три десятка лет. Она пришла в Сектор истории стран Латинской Америки незадолго до моего зачисления в аспирантуру института. Вся её научная деятельность проходила в коллективе сектора. За долгие годы совместной работы бывали разные периоды, вначале наши отношения с ней были более формальными, а в последние десять лет они окончательно переросли в дружеские. Людмила умела быть скромным, кротким, почти незаметным, но всегда востребованным и необходимым членом нашего небольшого коллектива. Вспоминаются её душевные и участливые беседы во время «походов» в ДНД, полные юмора и тонкого вкуса тосты и замечания на столь любимых всеми празднествах и чествованиях. Она была человеком открытым, но невероятно скромным. Каким же было откровением и удивлением узнать, что ко всем своим известным нам (сотрудникам и коллегам по институту) достоинствам так много из её талантов осталось вне нашего внимания и знания. Её литературные увлечения, напряжённая духовная работа и просто многочисленные благородные и высокие поступки часто оставались вне поля нашего зрения. И теперь мы горестно сожалеем о том, что потеряли, а могли бы приобрести, будь мы более внимательны и заинтересованы друг в друге.

Людмила Юлиановна всегда удивляла оригинальностью суждений, острым и точным определением и словом. Никогда и никто не мог упрекнуть ее в излишне строгом суждении или предвзятости. Уважение к людям, любовь к жизни и ко всему живому было, возможно, самой главной чертой её характера. Её привязанность к домашним животным, трепетное отношение ко всем «друзьям человека» порой вызывали улыбку у коллег. Она сама с большим юмором относилась к этому своему увлечению, рассказывала невероятные истории, всегда наполненные ярким юмором и любовью к своим питомцам. Несколько лет назад в лютый мороз она обнаружила выброшенных на помойку новорождённых котят, обречённых чей-то «доброй» рукой на мучительную смерть. Людмила подобрала всех несчастных котят, но смогла выходить только одного. Для спасённого она стала «мамой кошкой» и свершила чудо, вернув жизнь этому крохотному существу, оплатившему ей огромной любовью. До самых последних минут жизни он не отходил от смертельно больной хозяйки, лежал, обняв её руку. Родственники опасались, что животное не переживёт трагедии, и незадолго до ее

конца отвезли кота знакомым.

Помочь советом, действием, состраданием было частью её личности. Автор этих строк свидетельствует на собственном опыте, что никто, как Людмила, не находил нужных слов утешения в горе, а в сложных обстоятельствах она всегда стремилась помочь не просто советом, но и делом. Свои же собственные проблемы всегда держала при себе, никогда никто не слышал от неё жалоб или сетований на жизнь или здоровье, а, как теперь мы знаем, повод для этого был более чем серьёзным. Даже в последние месяцы жизни на вопросы коллег о здоровье по телефону, она весьма коротко и с неизменным юмором отвечала: «Да ничего, вот ем лекарства, жду результата, а мне статью надо дописать. Впрочем, это не интересно, вы же не за этим звонили?»

В профессиональной жизни историка-исследователя главной её характерной чертой был строгий счёт к самой себе, невероятная требовательность и скрупулёзность в научной работе, вплоть до малейших деталей, что порой мешало ей больше, чем все другие обстоятельства. Однако если уж Людмиле поручалась какая-то работа, касавшаяся всего коллектива, можно было быть спокойным за её качество. Свою диссертацию, посвящённую дипломатической истории боливийско-парагвайской войны в Чако в 30-е годы XX века, она обсудила ещё в конце 80-х годов. Все отзывы коллег были сугубо позитивными, однако она считала недостаточно глубоко исследованный один аспект темы, который она собиралась специально проработать дополнительно. Но оказалось, что она положила свою работу в очень долгий ящик. В 90-х наступили тяжёлые времена, и чтобы выжить, Людмила работала в нескольких местах, что отрывало её от основного дела. В последние годы она все-таки завершила своё исследование и подготовила к печати монографию на тему диссертации, однако тяжёлая болезнь и не менее тяжёлое лечение прерывали эту работу. В данный момент готов полный макет книги, который мы, её коллеги надеемся всё-таки издать, ибо это исследование Л.Ю. Кораблёвой будет серьёзным вкладом в отечественную науку, в латиноамериканистику, и наша дань ее памяти.

В Центре латиноамериканских исследований Людмила Юлиановна писала все главы в коллективных трудах, относящиеся к истории Парагвая. Одна из лучших глав издания 3 тома «Истории стран Латинской Америки» - это её глава о Парагвае. В центре её интереса, помимо событий войны в Чако, находилась так называемая Фебреристская революция в Парагвае. Фактически это един-

ственное исследование в нашей стране этого периода парагвайской истории. Во время научной командировки в Мексике Людмила Юлиановна работала в архиве секретариата (министерства) иностранных дел этой страны, где она нашла богатый и никем не использованный материал для исследования движения фебреристов. Немало времени она провела в архиве Коминтерна в Москве. Во многом благодаря её труду увидела свет публикация документов «Коминтерн и Латинская Америка», осуществлённая силами Центра латиноамериканских исследований.

Не менее замечателен её вклад в общую работу над коллективной монографией «История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI – XIX веков». (Наука, 2010). В этой книге перу Людмилы Юлиановны принадлежит интересная и уникальная по содержанию глава о парагвайской исторической науке. В нашей историографии это первое и единственное исследование по этой тематике.

Вместе с ней мы делали небольшой научный проект, издание «Латиноамериканского исторического альманаха», который ежегодно выходит в нашем институте с 2000 года. Она была активным членом редколлегии, ответственным секретарём издания. Помимо большой редакторской работы Людмила Юлиановна много писала для издания собственные исследовательские статьи.

Последние годы Людмила Юлиановна интересовалась историей русского зарубежья, что, конечно же, было связано с её исследованиями Парагвая, где в 30-е годы собралось немало наших соотечественников, сыгравших видную роль в жизни этой страны. Такие фигуры, как генерал Беляев, оставили заметный след в истории Парагвая. Людмила Юлиановна любила эту страну, хотя никогда там и не была. Увы, это была ещё одна её так и несбывшаяся мечта...

Уход близкого человека всегда невосполним. Остаётся печаль друзей и близких, остаётся вакуум общения, нет больше ежедневных разговоров по телефону и обсуждения всех и всяческих тем, нет больше её дружеской поддержки и невероятного человеческого сочувствия и сопричастности, которыми так щедро она одаряла своих друзей и близких. Останется лишь память, остаются её работы, навсегда с нами останется её улыбка, образ доброго, кроткого и мудрого человека, друга.

А.А. Щелчков

* * *

Вспоминая Люду, трудно привести один какой-то яркий пример, который бы в полной мере характеризовал ее как человека неординарного, подлинно интеллигентного, удивительно светлого. Вся её повседневная жизнь состояла из, казалось бы, незначительных поступков, свидетельствовавших о неизменной доброжелательности и внимательном отношении к людям, готовности прийти им на помощь.

Ее отличало редкое сочетание ума, доброты, глубокой порядочности и исключительной честности, обострённого чувства справедливости, деликатности, мудрого, я бы сказала, философского отношения к жизни. И все это окрашивалось лёгкой иронией, придававшей ее облику неповторимое обаяние. И это несмотря на все возрастающий груз физических страданий, вызванных тяжёлыми болезнями, которые она переносила стоически и в то же время со смирением. Несмотря на испытания, Люда до последних дней продолжала любить и ценить жизнь, остро переживать каждое ее мгновение. Страдания не только не сломили ее, но, возможно, даже укрепили ее прекрасные человеческие качества.

Зная Люду со студенческой скамьи, могу сказать, что эти качества не были даны ей от природы, а явились результатом глубокой работы над собой, осмысления жизни и своего места в ней. Люди, которых судьба свела с Людмилой позже, вероятно, удивятся, узнав, что в студенческие годы она отличалась неуравновешенным, взрывным характером, обострённым восприятием действительности, повышенной, даже болезненной эмоциональностью, чрезмерной душевной ранимостью. Вспоминаю, как тяжело (почти как личную трагедию) она переживала свержение правительства Народного единства в Чили в сентябре 1973 года, как страстно приветствовала однокурсников-латиноамериканцев призывом «¡Venceremos!».

Замкнутость и страдание от одиночества в молодости (свидетельство чему – ее стихи того периода) на моих глазах сменились (неожиданно для многих) открытостью внешнему миру, жаждой общения, стремлением к расширению круга знакомств, к поискам новых форм деятельности и творчества. Именно тогда завязались ее многочисленные связи в самых разных кругах, прежде всего, в литературных – ведь она страстно любила поэзию и писала замечательные стихи (но из скромности называла это занятие «поиграть в слова»). Некоторые из новых знакомств переросли в тесную и многолетнюю дружбу.

Исключительная отзывчивость Людмилы, ее готовность помочь проявились, когда из жизни ушла ее близкая подруга, наша однокурсница Светлана Карагодина. У Светы осталось двое детей: дочку она успела вырастить, но мальчику было всего пять лет. Люда стала их опекать – часто звонила, приезжала, помогала советом и деньгами, дарила подарки. Помогать она умела по-настоящему, словом и делом. Когда я долго лежала в больнице, она не только постоянно меня навещала, но и следила за составленным ею графиком посещений других знакомых, была связующим звеном между больницей и остальным миром. Не случайно одна из моих институтских коллег сказала тогда: «Кораблёва у тебя золотая!». Так оно и было.

Обладая тонким чувством юмора, Люда была человеком весёлым, даже озорным. Например, она никогда не упускала случая подшутить над друзьями 1 апреля, разумеется, остроумно и по-доброму. Каждый год накануне этого дня я говорила себе и ей: «На этот раз ни за что не поверю, буду начеку!». И каждый раз «покупалась»! А Люда радовалась, как ребёнок... А какие прекрасные письма она писала, когда ещё не было электронной почты и мобильных! Настоящие образцы эпистолярного жанра.

Трогательным было ее отношение к «братьям нашим меньшим», некоторых она в буквальном смысле вернула к жизни. Однажды, в день своего рождения, в морозный январский вечер, она нашла около мусорного бака коробку с новорождёнными котятками. Люда начала трогательно их выхаживать, но выжил только один, которого она нежно любила до конца своих дней, как и прочих питомцев, несмотря на мелкие неприятности, которые они ей доставляли в тесной квартире. А ещё Людмила была сторонником Всемирного фонда дикой природы в России. Десять лет назад мы с ней приобщились к этому доброму и по-настоящему важному делу – помогать сохранять природу. Она делала это с удовольствием и надеждой, что наша скромная лепта хоть как-то содействует борьбе против загрязнения окружающей среды, охране редких видов: «Наши «дикари» (так она остроумно называла сотрудников WWF России) просят помочь снежному барсу» (белому медведю, бело-вежскому зубру, дальневосточному леопарду и т.д.). И мы шли на почту отправлять денежные переводы.

Говорить о Людмиле как научном сотруднике - дело ее коллег-латиноамериканистов. Но не подлежит сомнению, что она являлась квалифицированным специалистом в своей области, человеком широкой эрудиции, с творческой искрой. Ее учителями были

выдающиеся учёные и замечательные педагоги – А.И. Строганов, Э.Э. Литаврина, М.С. Альперович, о которых Людмила всегда высказывалась с глубочайшим уважением и признательностью. Будучи прекрасным стилистом, она без конца редактировала свои тексты – в компьютере сохранилось множество «последних» вариантов ее работ. Вероятно именно высокая требовательность к себе (наряду с некоторой, чего уж скрывать, неорганизованностью) не позволила ей довести до конца работу над практически готовой и уже рекомендованной к печати монографией о Чакской войне между Боливией и Парагваем. Но ее опубликованные статьи и главы в коллективных трудах свидетельствуют о глубоком профессионализме и безупречном стиле изложения. После неё остались богатая библиотека и научный архив – результат многолетней работы в области истории Парагвая.

Люда была для меня, конечно, ближайшей подругой. Мы даже жили рядом (свою последнюю квартиру она купила через дорогу от меня) – чтобы можно было чаще заходить друг к другу на чашку чая, угостить чем-то вкусным, поделиться впечатлениями, обсудить что-то важное и не очень (мало нам было телефонных звонков по несколько раз в день!). Способность внимательно выслушать, подбодрить, в тактичной форме убедить собеседника – это был великий дар Люды. В последний год, увы, она заходила все реже, а я прибегала все чаще – с лекарствами и рецептами. Теперь, когда ее нет, я не могу без боли даже посмотреть на другую сторону улицы Гарибальди, где стоит ее дом.

Память фрагментарна. Неожиданно всплывают обрывками воспоминания о том, как во время турпохода на озере Селигер (в годы аспирантуры) она, сидя в лодке, вдохновенно читает стихи Вознесенского, Ахмадулиной, и, немного стесняясь, свои. Вспоминаю ее на студенческой археологической практике в Гнездово под Смоленском, с лопатой в руках на раскопе, с длинной косой или «конским хвостом», перехваченным резинкой. Вспоминаю встречу Нового (кажется, 2005) года за городом, заснеженный переделкинский лес, где мы гуляем втроём – Люда, ее любимая такса Сема и я. Люда обожала зимний лес, вообще больше любила зиму, и все мечтала снять где-нибудь домик на зимний период. А лыжные прогулки в Подмосковье с фотоаппаратом – фотографирование было ещё одним её увлечением! Как давно это было. И как недавно.

Е.Л. Валева,
Институт славяноведения РАН

* * *

Воспоминания, как форма констатации «того, что было», являются лишь извлечением из широкого поля памяти о людях и событиях. Если пишешь их вскоре после ухода человека, они, вероятнее всего, окажутся далеко не всеобъемлющими. С другой стороны, только что случившаяся утрата обостряет представление о том, что было значимым в этом человеке, что ушло с ним, а что осталось близким, друзьям, коллегам. Это первое, непосредственное ощущение. В нем, наверное, и заключается смысл приводимых ниже воспоминаний.

Знакомство. Впервые мы встретились с Л. Кораблёвой в 1974 году, когда пришли в качестве сотрудников в Институт содержания и методов обучения Академии педагогических наук. Тогда формировалась группа, которой предстояло заниматься сопоставительным анализом школьных учебников истории, издаваемых в ряде социалистических стран. Для этого были приглашены специалисты, имеющие как историческую, так и соответствующую языковую подготовку.

Так получилось, что все мы оказались выпускниками исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Тех, кто занимался учебниками Болгарии, ГДР, Кубы, Польши, Чехословакии, объединяло сознание родства по *alma mater*. Оно основывалось на воспоминаниях о профессорах, однокурсниках, университетской жизни. И хотя в нашем научно-педагогическом коллективе старейшие сотрудники, имевшие ещё дореволюционное гимназическое, а потом уже и последующее образование, обращались к нам, молодым и зелёным новобранцам, исключительно по имени и отчеству, Людмила Юлиановна Кораблёва навсегда стала для меня младшей однокашницей, Людой.

А что там в Латинской Америке? В упомянутой рабочей группе Л. Кораблёва занималась кубинскими учебниками. Но пространство, в котором она существовала как профессионал и человек, не сводилось к страноведческому углу зрения. Она несла в себе знание и ощущение Латинской Америки – ее политической истории, культуры, психологии людей. Существует мнение, что объект изучения в той или иной мере воздействует на исследователя. В случае с Людой можно сказать, что это так. В ее увлечении историей региона чувствовалась несомненная страстность, ей нравилось отвечать на вопросы, относящиеся к Латинской Америке, объяснять испаноязычные термины.

Для меня Люда стала проводником, помогающим лучше узнать

и понять эту часть «Нового света». Занимаясь школьным курсом новейшей истории зарубежных стран, я нередко обращалась к ней за консультацией. При этом помимо отсылок к научным работам можно было услышать оценки специалиста, человека критично и тонко мыслящего. Если в наши дни в регионе происходили какие-либо события, ее суждения привлекали взвешенностью, основанной на глубоком знании материала и диалектическом взгляде на вещи. Подаренные ею книги по латиноамериканской истории и культуре живут в моем доме, как открытое окно в этот мир.

Переход Л. Кораблёвой в Институт всеобщей истории представлялся совершенно закономерным шагом. В то же время не было сотрудника в нашей группе, который не сожалел бы о том, что больше не будет совместной работы и повседневного общения с нею. Спустя много лет упоминание о Кораблёвой вызывало самые тёплые чувства у помнивших ее сотрудников. А мне посчастливилось сохранить дружеские отношения с ней на все последовавшие годы. Основу их, как мне кажется, составили присущие Люде дар понимания людей и чувство товарищества.

Прогулки по Москве. Люда любила и очень хорошо знала Москву. С присущей ей увлечённостью она собирала материал о московских храмах, составила картотеку. Существовала также производившая сильное впечатление карта города, на которой она отмечала церкви разными значками – по векам, а иногда и меньшим периодам.

Дело не ограничивалось изучением и систематизацией. Особенно увлекательными были наши прогулки по городу. Чаще всего – по старым московским улицам и переулкам от Моховой и Никитской до Садового кольца (очевидно, притягивал старый университет), по бульварному кольцу. Стержень путешествия составляла беседа. Мы неспешно шли, а скорее плыли, как в лодке, по импровизированному маршруту, и встречные дома то притягивали нас («А здесь жил...», «Это построил...», «Посмотри, какой эркер!»), то подталкивали в ещё какой-то переулок. Так ходили не один час, пока не заплетались ноги или не начинался дождик. Както, когда мы попали под особенно увесистый снегопад и даже местами обледенели, появилась шутка: созваниваясь, говорили друг другу: «Кажется, грядёт непогода, нельзя упустить, пора выходить на прогулку».

Беседы. Она была замечательным собеседником: много знала, о многом размышляла, имела особый вкус к диалогу. Обладая все реже встречающимся талантом слушать и слышать, которым, как

подозреваю, окружающие не раз злоупотребляли, Люда не оставалась в пассивной позиции, тактично, но твёрдо высказывала своё мнение. Отстаивала последнее весьма упорно, в чем проявлялось свойство ее натуры, подкреплённое, как мне казалось, влиянием латиноамериканской страстности. А увенчивалось все удивительным, присущим только ей чувством юмора. В ней был драгоценный дар смешливости, иронии и самоиронии. В то же время одна фраза, часто сопровождаемая улыбкой или характерным смешком, могла раскрыть, буквально «раздеть» и «пригвоздить» ситуацию или человека.

Круг друзей. Общаясь с Людой много лет, я видела, какое широкое пространство дружеского общения она создала вокруг себя. По роду занятий, характеру, увлечениям это были очень разные лица – историки, педагоги, поэты, люди церковного служения. С каждым у неё существовал отдельный доверительный диалог в его буквальном смысле – разговор двоих. Но когда мы собирались в ее доме, как правило, в день ее рождения 7 января, можно было почувствовать (с неудивительным в наше время индивидуумов удивлением), что разные люди все-таки – сестры и братья. И связующим звеном была она.

Занимаясь много лет школьными курсами истории, я немало писала в своих учебниках и других публикациях об исторических личностях. Это непросто, но увлекательно. А теперь в первый раз пытаюсь написать о человеке, с которым много лет дружила, сказать то, что не говорилось при жизни. Оказывается, это гораздо сложнее – перелить личное отношение и чувства в слова на бумаге.

Прибегая к историческим ассоциациям, вижу в своих воспоминаниях кусочки смальты, из которых составляется мозаичный портрет. Пусть так закрепится сохраняющаяся в нас память о Людмиле Кораблёвой. А мозаики живут тысячелетиями...

Л.Н. Алексашкина,
доктор педагогических наук, Российская Академия
образования.

* * *

«Когда кто-то умирает... во истину скажу вам, мы по-настоящему чувствуем, что означает... слово Никогда», - М. Барбери

Мы вспоминаем в человеке разное, я же хочу поговорить о дружбе, о той тесной и приятной нити, которая связала меня с Лю-

дой, несмотря на время и расстояния, нас разделявшие. В начале 80-х годов жизненные перипетии привели меня на улицу Дмитрия Ульянова в Москве, где в присутственные дни собирались сотрудники сектора истории стран Латинской Америки. Там, в почти семейной, сердечной обстановке я познакомилась с Людмилой Кораблёвой. Наша дружба становилась все больше, питаюсь щедростью и юмором Людмилы.

Я помню как первый раз неформально мы долго болтали, стоя в каком-то открытом летнем кафе, выпив тёплого пива и закусив мельчайшими креветками. Потом уже были посиделки в старой «Шоколаднице» на Октябрьской, тогда я заметила её любовь к сладкому, к чему я была весь равнодушна. И уже позже стали встречаться дома. Мы говорили и говорили, сначала о истории, потом о Москве, о городе, который обе любили. Вскоре я поняла, что мой русский не всегда был достаточен для понимания её тонкой иронии. Людмила мне предложила тогда свою помощь в совершенствовании моего русского, а также лучше узнать город, Москву.

Вместе мы долго ходили по городу, который я открывала для себя, новые фасады домов, скульптуры, надписи, и открывала для себя её как друга, который мало говорил о себе, может быть, потому, что знала: дела больше слов.

Людмила была сама тактичность, определяемая как дар выражать себя с глубиной, образностью и уместностью. Огромное наслаждение доставляла простая беседа с ней, нас многое одинаково нравилось: литература, хорошая кухня. Она обучила меня понимать звук и краски поэзии, она читала мне поэтом, и не только русских, но Лорку, например. Она вызвала во мне интерес к современным авторам, всегда дарила книги, из которых я понимала и новые выражение, новые слова и иные эпохи. Мы часто говорили об обычаях и традициях разных народов, но которые отличали и сближали их, так мы сокращали огромные дистанции и культурные отличия между Мексикой и Россией. Всегда было что-то, что нас объединяло, мы прекрасно понимали друг друга. Для ещё лучшего понимания от слов она перешла к делу и подарила мне изумительную книгу «Русское застолье. Кулинарные рецепты от русских писателей».

Она обладала другим важным качеством – умением чувствовать сопричастность, солидарность, её интерес к жизни других был подлинный, и она не считалась ни со своим временем, ни с трудами, если требовалась помощь. В трудные 90-е я часто посещала

архив Коминтерна, и однажды засидевшись, оказалась на улице слишком поздно, когда было уже невозможно поменять деньги. Без рубля в кармане я вернулась в гостиницу, позвонила Люде и рассказала о своих несчастьях. Мне и в голову не могло прийти, что она тут же приедет ко мне с ужином, завтраком и дала денег, хотя я знаю, что она тогда сама очень нуждалась.

Вспомнив работу в архиве, воспоминания меня вернули к нашей общей профессии, к историческому исследованию. Людмила была очень требовательным и тщательным профессионалом. И если она бралась профессионально помочь, то полностью погружалась в это дело. Мне это было особенно важно тогда в связи со сложностями, связанными с языком, со знанием порядков и обычаев другой страны. Не очень часто мы задумываемся о нашей профессиональной деятельности, но наряду с анализом связей событий и фактов, их объяснением история с большой буквы должна объединять разные частные истории. Эта тема никогда не будет завершена. Сейчас я думаю об нашей истории как о ткани, которую смогла соткать наша дружба, которая для меня была большой честью. Gracias Liuda.

Рина Ортис Перальта,
Мехико, июнь 2012 г.

* * *

Дружба, как известно, требует времени. И уж на что, а на дружбу она времени никогда не жалела. За долгие годы общения она ни разу — ни разу! — не дала почувствовать, что на разговоры нет времени, что она куда-то торопится, что у неё дела. Посиделки за чаем, многочасовые и многокилометровые прогулки, в последние годы — обязательно с заходом в кафе и кондитерские, потом, когда на прогулки у неё не осталось сил — почти ежедневные разговоры по телефону.

Она не только не торопила собеседника, но, напротив, обычно извинялась за то, что сама все болтает и болтает, отнимает время... Часто наши телефонные разговоры заканчивались тем, что она вдруг спохватывалась:

— Всё, знаешь, сколько мы говорим? Сорок пять минут (час, полтора). Всё, я тебя отпускаю!

Время на дружбу она находила всегда, на многое другое — нет. Что поделаешь — в сутках всего 24 часа, и приходится выбирать

главное. И она выбирала — не быт, с которым вечно не справлялась, даже не работу, которую очень любила — она выбирала людей, общение с людьми. И — удивительное дело — казалось бы, никогда не умевшая точно рассчитать время, вечно опаздывавшая, она всегда успевала сделать главное — вовремя прийти на помощь (однажды, когда со мной случилась беда, она ночью примчалась ко мне с другого конца города), сдать очередную статью или главу, поздравить с днём рождения каждого из своих многочисленных знакомых, подарить подарок.

А подарки она очень любила — и дарить, и получать. Во время прогулок мы не пропускали ни одного магазинчика, где можно было купить что-то кому-то в подарок: «Это я подарю Рине, это — племяннице Аришке, а это... потом решу, кому». Зная, что я не особенно люблю «бессмысленные вещи», как мы это называли, она всегда задолго до моего дня рождения начинала меня пытаться: «Ну что тебе подарить такого... полезного?». А для неё было совсем нетрудно купить подарок — это могло быть что угодно, лишь бы забавное и достаточно «бессмысленное». Все это ставилось на многочисленные полочки, пряталось в ящички и комодики. С игрушками, купленными в подарок детям своих родных и друзей, она и сама была не прочь поиграть...

Есть меня альбомчик для фотографий, на нём нарисован кораблик. Кораблики Кораблёва очень любила, и я всё хотела отдать ей этот альбомчик, да всё забывала... Забавно, но кораблик приплыл к ней после смерти. В нём хранятся фотографии Люды.

Как-то раз мы вместе зашли в магазин, и я засмотрелась на игрушечную собачку-миттельшнауцера, очень славную, похожую на моего миттеля Буську. Повертев игрушку в руках (дорогая!), я положила её на полку. Когда мы подошли к кассе, оказалось, что Люда незаметно сунула «Буську» в корзинку. Не слушая никаких возражений, она оплатила покупку и тут же вручила собачку мне. С тех пор пёсик живёт у меня...

Удивительно, как в воспоминаниях одно цепляется за другое. Вскоре после нашего знакомства я узнала, что у Люды тоже есть — нет, не один, а целых четыре шнауцера — три ризена и миттель. «Собачники» поймут меня: порода собаки многое говорит о ее владельце. Шнауцеры — собаки умные (даже слишком!), весёлые, совершенно не агрессивные, очень общительные и немного хулиганистые. И ещё они очень любят длительные прогулки...

Я впервые увидела Люду году этак, кажется, в 1986-м, уже в разгар перестройки. В то время при московской организации Союза писателей работали группы (семинары) для молодых поэтов и прозаиков. Я попала в группу, которую вёл поэт Вадим Кузнецов. Народ собрался самый разный, и я, привыкшая к университетско-академического окружению (в знаменитом тогда ИМЭМО РАН работали лучшие представителей научного сообщества), немного растерялась. И вдруг увидела сидящую напротив молодую женщину. Она смотрела на меня с сочувствием и интересом. Потом что-то такое сказала, мы рассмеялись. «Свои, — подумала я. — Академия наук. МГУ. Экономический факультет? Нет, скорее филфак или истфак».

Я почти не ошиблась. И влюбилась в неё с первого взгляда.

Она писала удивительные стихи, где все строилось на тончайшей игре слов и смыслов. Это была интеллектуальная поэзия, как бывает интеллектуальная проза. Стихи были изданы лишь однажды, в 1995 году, в сборнике «Стихи по средам», который, к сожалению, по каким-то причинам пошёл под нож.

Издание книги требует известных организационных усилий, чего Люда очень не любила. К тому же она была чрезвычайно требовательна к себе, считала свои стихи недостойными печати. Правда, в последние годы говорила, что не против издания книги. Наверное, надеялась, что подготовку сборника к печати возьмут на себя друзья. Но мы этого не сделали.

...Но рукописи, как известно, не горят. Стихи Люды сохранились. Я храню лишь малую их часть, но остался архив, и я надеюсь, что эти стихи будут опубликованы. Или, по крайней мере, выложены в Интернете.

Глупо комментировать стихи¹, Людины стихи — тем более, потому что все они непосредственно обращены к собеседнику — чи-

---

¹ Хочу только заметить, что приводимая здесь подборка стихов — разумеется, чистой воды вкусовщина. Выбирала из того, что у меня хранится (а это, естественно, самое любимое), учитывая ограниченный объем текста и отчасти — специфику издания. К сожалению, стихи вырваны их «контекста» — Люда выстраивала весьма сложные по композиции циклы («Цыганка музыка», «Из стихов Авеля Барока», «По миру», «Назывное предложение»). Наконец, я не уверена, что «мои» экземпляры — последние варианты. Как и научные работы, Люда долго и тщательно редактировала и правила свои стихи.

тателю. Имеющий уши да услышит...

Открытым текстом (Второй приход Авеля)

Браво, братья мои.
По первому разу
Слово «братья»
Выговорить страшно.
И я говорю: «Бра-во.
Браво, братья мои,
вы слышите так же, как я,
и как я, говорить стесняетесь
об общности нашей крови,
о наших общих истоках,
о пролитых нами реках
крови своей и чужой.
Чужой? Браво, братья.
Мы поймём, что чужой не бывает.
Мы уймём все животные страсти.
Мы умом...
Да где взять его, братья?
Да и что он там понимает?»
Я боюсь своего монолога:
слова так часто подложны.
Я не жду ещё диалога.
Может, многоголосье поможет?
Может, просто нам спеть хором
Что-то простое, как колыбельная детства.
Не сразу получится, но мы будем надеяться.
И заранее я говорю: «Браво!» —
Общее слово всех поклонников мира,
общее слово всех поклонников счастья.
Слушать и душой возноситься к небу,
К нашему общему небу, братья.
Браво.

(Л. Кораблёва, 1988 г., цикл «Из стихов А. Барока»)

Очень сентиментальное

Я из тех, кто будет плакать по ночам,
после смерти будет плакать по ночам:
так люблю я эту землю, где причал
Бог мне так и не поставил, подкачал.

Как медлительно и вольно воды льнут
к берегам, и им не больно, сладко тут.
И цветы, как бы невольно, так цветут,
что едва взгляну — довольно, сердце жмут
острожною рукою, но в горсти
неуютно, тяжело сердцу,
отпусти.

...Отпусти дублёной кожи мне хоть метр,
чтобы было чем прикрыться,
мочи нет.

(Л. Корablёва, 1982-1990 гг., цикл «По миру»)

В час пик

1

Коль душа была крылата...
Эта странная утрата.
Эта лёгкая утрата.
Сумасбродная судьба.

Отчего болит заплата?
Горизонт тоской залатан.
И уходят косолапо,
не прощаясь, облака.

А душа была крылата?
Отбыла. Не виновата.

2

Крохотный шорох крыльев
крыли и перекрыли
грохотом автомобилей,
кроющих милью за мильей,
режущих надвое время,
в крошку дробящих пространство.

Слово забытое — «братство».
Слово сокрытое — «страшно».

Ну, побороли. Ну, победили.
Жизнь — моторалли в облаке пыли.
Времени пытка — каплями в темя.

Так истекает истории время.
Так торжествует истории время.
Так торжествует безумное племя.
Жизнь

истекает
душой.

(Л. Корablёва, 1982-1990 гг., цикл «По миру»)

...А ещё были прогулки-беседы. С этими прогулками связаны несколько самых счастливых дней моей жизни.

Сентябрь, тёплое осеннее солнце, кристально прозрачный воздух. Москва, центр. Выходные, ни народа, ни машин. Мы стоим у стены какого-то храма, здесь ведутся раскопки, снимают «культурный слой». Молчим... Счастье!

Заснеженный московский парк, мартовский морозец, синие тени. Болтаем ни о чем. Смеёмся. Счастье!

Заброшенный переулок где-то в Замоскворечье, заросший травой дворик. Ведём неспешную, можно сказать, академическую беседу «о высоком». На душе покой. И это тоже счастье.

Меж городом и озареньем,
меж голодом и вдохновеньем,
меж голосом и немотой
замри, мгновение постой.
Постой, впитай, запомни разом,
переступая через разум,
душой открытой и пустой
весь мир, прекрасный и простой.
(Л. Корablёва, 1983 г.)

Люда не просто любила Москву, она хорошо её знала. По московским храмам могла водить экскурсии. Материалы о храмах собирала по крохам: литературы в те годы не было, «Сорок сороков» привозили из-за границы.

Школьники 60-х (2)

1

Кровавый времени замес
хлеба сырые цвета мыла.
И слово «Родина» саднило
меж рёбрами, как в небе — крест.
Хромой покой колоколов

полуразбитой колокольни.
Чугунные осколки боли.
И рвущий ноздри запах бойни.
И ропот... слёз.

2

Дежурный символ — воронье.
Верёвки, мокрое бельё.
Вокзал. Отечество моё.
Пар, лязг состава.
И стук колёс, и плач детей.
Усмешки голых королей.
И тысячи бездомных дней.
— Надгробье Родины моей
без пьедестала.

(Л. Корablёва, 1982-1990 гг., цикл «По миру»)

Вскоре после нашего знакомства Люда крестилась. Потом в начале 1990-х крестилась и я. Теперь мы часто заходили в восстанавливающиеся храмы и монастыри — Новоспасский, Зачатьевский, Андреевский. Менялись времена года, архитектурное окружение, города (мы как-то раз ездили на Мальту), но неизменным было одно: душевный покой и одновременно острое ощущение хорошо осознаваемого счастья...

За все приходится платить. Сегодня, когда Люды нет, о ней напоминают не какие-то отдельные вещицы или места, а вся Москва, весь огромный город, исхоженный когда-то вместе вдоль и поперёк, с всеми московскими храмами, монастырями, особняками, бульварами, дворами, подворотнями и парками.

Что скажешь ты?
Что я тебе отвечу?
Всех тянет к вечу,
к громогласью «мы».
А я молю
единственную встречу
двух светлых лиц
среди безумья тьмы.

(Л. Корablёва, 1990 г., цикл «Назывное предложение»)

Она притягивала к себе людей, причём самых разных — по возрасту, профессии, происхождению. И я подозреваю, что каж-

дый из них чувствовал себя *самым* близким, *единственным* её другом. Впрочем, каждый человек и был для неё единственным и неповторимым. Все дело в том, что она любила людей — людей вообще, любила не за заслуги и достоинства, а просто так, за то, что они люди. Редчайший дар.

Люди, которые собирались вокруг неё, со временем начинали дружить друг с другом. Ещё бы — ведь они так много знали друг о друге с её слов. Она рассказывала друзьям о других своих друзьях, и незнакомым между собой людям начинало казаться, что они давно друг друга знают, причём с самой лучшей стороны — ведь Люда никогда не сплетничала, не раскрывала чужих секретов. Просто делилась с друзьями самым дорогим — другими своими друзьями.

... «Да ну вас», — скажет обычный человек, —
«Да ну вас».

Да где же взять его, обычного?

Ты обычен? Или, может быть, ты?

Ах, ты обычен?

Ты хочешь выделиться своё обычностью?

(Л. Короблёва, 1988 г., цикл «Из стихов А. Барока»)

А какое у неё было чувство юмора! Она ценила шутку, любила посмеяться. Шутки её обычно строились на игре слов, они были свежи, оригинальны, и никогда — не обидны.

Она была очень умна, суждения ее были неожиданными и острыми. Я всегда думала, что ум у неё не женский. Но нет — именно женский, тончайший, глубокий и очень добрый. Не бабский, а именно женский ум.

Адамантовые глаза веков
из-под приспущенных век
глядят в глаза тебе,
дитя человеческого.

И ты не отводишь взгляд.

Твои — голубые, безоблачные —
безумно в ответ горят.

Детей человеческих отряд
в зоопарке представлен приличною.

Вход бесплатный:
оплачено раньше,
навечно.
Крысы водят сюда дошколят
в назиданье — когда шалят.

Дитя человечесьё скалится хищно,
оно не любит крысиных ребят
за приспособляемость их, конечно.
(Л. Кораблёва, 1987 г., цикл «Из стихов А. Барока»)

Она была христианкой. Любила Бога, любила ближних. Никогда не превозносилась, хотя могла бы — при её-то уме и талантах! Никого не обижала, никому не досаждала. Была кристально честна и правдива. Помогала Церкви и людям.

С удивительным смирением переносила тяжёлую болезнь. Никогда не жаловалась. Не унывала. «Скоты миловала»: каждого из своих многочисленных животных — пса Семена, кота Январия и попугаиху Рику, которые так досаждали тем, кто приходил к ней в дом (и ей самой), — она в свое время спасла от смерти. Пса, если бы его не взяла Люда, просто усыпили бы. Котёнок в январский мороз (отсюда его имя) был найден полуживым на помойке и выкормлен из соски. Попугаиху кто-то оставил у Люды на время, да так и не забрал.

Она жила как христианка и умерла как христианка. Родилась на Рождество, отошла ко Господу на Троицу, в 10.35, когда в храмах выносят Чашу. Хоронили её в день памяти святой блаженной Ксении Петербургской. Сорок дней выпали на Петров день. Батюшка, который отпевал её, назвал кончину блаженной.

В гробу она была удивительно красива — следы болезни сошли с лица, и стало видно, какие у неё тонкие черты лица, какая она светлая, мудрая и красивая. Наверное, она была похожа на свою небесную покровительницу, святую мученицу Людмилу, княгиню Чешскую.

Заметки на полях. Рецепт

Карай, крои, выделявай себя,
Обтёсывай чудовищные грани
Иль поливай родимые герани
И умирай, в себя не приходи.
(Л. Кораблёва, 1990 г., цикл «Назывное предложение»)

(Вместо послесловия)

Простыми словами,
Господь,
Ради Бога — простыми словами,
без изыска ритма
и даже почти что без рифм,
Вселенский толмач,
если можно, простыми словами
переведи
мой хрип.

(Л. Кораблёва, 1990 г., цикл «Назывное предложение»)

Я пишу, а сама думаю: «А что сказала бы на это Люда?». Наверное, посмеялась бы, пошутила, сказала что-то вроде: «Ну, знаешь ли, это уж, пожалуй, немного чересчур!».

Большая честь была быть её другом.

Мы никогда не говорили о том, что мы друзья, просто общались почти каждый день. Не знаю, была ли ей настоящим другом я. А она мне — была.

В.Г. Башкирова,
ИМЭМО РАН, ИД «Коммерсантъ»

Селиванова И.В.
I.V. Selivanova

**Начало освободительного процесса в Мексике.
Чильпансингский конгресс и Апацинганская
конституция.**

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки Войны за независимость в Новой Испании, освещаются противоречия между различными слоями общества, анализируются основные направления либерально-освободительного движения. Автор подробно разбирает политические взгляды представителей умеренного и радикального лагеря мексиканских патриотов, описывает основные этапы освободительного движения, рассматривает деятельность Чильпансингского конгресса и анализирует содержание Апацинганской конституции, одного из самых прогрессивных документов Войны за независимость в Мексике.

Ключевые слова: Война за независимость, креольское движение, Чильпансингский конгресс, Апацинганская конституция, аюнтамьенто, аудиенсия, кабильдо, отмена рабства, М. Идальго, Х. М. Морелос.

Abstract: The author focuses on the preconditions of the War of Independence in New Spain, describes the contradictions between various sectors of Mexican society, reveals the basic directions of the liberation movement, analyzes political views of the autonomists, moderate liberals and radicals. The second part of the article examines the main stages of the liberation movement, the activity of Congress in Chilpancingo and analyzes the Apatsingan's constitution, one of the most advanced documents of the Independence Era in Mexico.

Keywords: the War of Independence, creole movement, congress in Chilpancingo, the Apatsingan's constitution, ayuntamiento, audiencia, cabildo, abolition, M. Hidalgo, J. M. Morelos.

Война за независимость, несомненно, является ключевым событием всей мексиканской истории. Во время освободительной борьбы были заложены основы будущего независимого национального государства, базовые элементы политической системы страны. Война за независимость стала своеобразным рубежом между колониальной историей и эпохой самостоятельного разви-

тия нового государства – Мексиканских Соединённых Штатов. Предпосылки освободительного движения в Мексике сформировались в колониальный период. Колониальная история Новой Испании, растянувшая на трехсотлетний период, во многом определила будущее страны.

Новая Испания представляла собой одну из самых развитых колоний Испании в Новом Свете. Ее территория насчитывала около 4 156 483 кв.км¹, численность населения в 1810 году достигала 6 122 354 человек². Вице-королевство Новая Испания было образовано королевским указом Карла V в 1535 году, до этого времени на ее территории действовала созданная в 1527 году специальная административно-судебная коллегия – аудиенсия. Новая Испания была одной из самых экономически развитых колоний Испании в Америке. Экономика Новой Испании, в основе которой долгое время находилось горное производство (на долю колонии к началу XIX века приходилось около 60% мировой добычи серебра), включала в себя и сельскохозяйственное, и обрабатывающее производство. Подчиненная интересам метрополии экономика Новой Испании носила зависимый характер, значительная доля доходов колонии отправлялась в казну Испании. В начале XIX века по данным немецкого путешественника, естествоиспытателя А. Гумбольдта в метрополию ежегодно переправлялось около 6 млн. песо, при среднем годовом доходе Новой Испании в 13,9 млн. песо³. Новая Испания обеспечивала в начале XIX века примерно две трети доходов, получаемых испанской монархией от ее заокеанских владений⁴.

Во второй половине XVIII века в политическом и социально-экономическом развитии Новой Испании, как и других испанских владений, произошли серьезные изменения, вызванные реформами короля Карла III (1759-1788). Реформы осуществлялись в русле «просвещенного абсолютизма» и были направлены на модернизацию страны. Целая плеяда выдающихся государственных деятелей Испании таких как Кампоманес, граф Флоридабланка, граф Аранда использовали и претворяли в жизнь экономические модели,

---

¹ Historia documental de México. México, 1984. Т. II. P.5.

² Aguirre Beltran G. La poblacion negra de México, 1519-1810. México, 1946. P. 233; Humboldt A. Ensayo político sobre el reino de la Nueva España. México, 1966. P. 129.

³ Humboldt A. Ensayo político. P. 23, 47.

⁴ Torrente M. Historia de la revolución hispanoamericana. Prologo. Discurso preliminar. Madrid, 1829. P. 23.

разработанные не менее известными испанскими-экономистами Херонимо де Устариса и Бернардо де Ульоа⁵. Задачи, на решение которых были нацелены реформы, и их последствия для колоний не были однозначными. Серьезные изменения в торговой системе, административные преобразования вызвали существенные перемены в раскладе политических сил в Новой Испании, затронули интересы самых привилегированных слоев колониального общества – уроженцев Испании (пенинсуларес) и креолов. Введение свободы торговли позволило креольским купцам принимать активное участие не только во внутренней, но и в международной торговле, где до этого господствовали испанские торговцы, являвшиеся членами торговой организации консуладо. Испанские купцы, входившие в столичное консуладо, активно выступали против введения в стране режима «свободной торговли». В 1791 году при опросе их мнения вице-королем Ревильяхихедо, 20 из 22 членов консуладо высказались за восстановление и сохранение системы флотилий⁶.

В результате реформирования экономики Новой Испании в стране окреп слой креолов, которым удалось упрочить свое положение и сконцентрировать большие капиталы. Однако им не всегда удавалось применять эти капиталы, так как положение креолов продолжало оставаться подчиненным по сравнению с уроженцами метрополии. Это в некоторой степени стало еще наглядней после реформ Карла III. В процессе формирования колониальной системы, создания административных учреждений креолы постепенно заняли почти все управленческие должности. Аюнтамьенто (городской совет), судебные трибуналы, а зачастую и аудиенсия состояли преимущественно из креолов. Однако в конце XVIII в результате реформ многие из них были вытеснены уроженцами метрополии. Несмотря на то, что во всей колонии к 1810 году насчитывалось всего около 70000 уроженцев Испании (пенинсуларес), они занимали большинство высших административных должностей, а их приток в страну после реформ вырос с пять раз. Креолы

---

⁵ См подробнее об идеях испанских экономистов и реформах «просвещенного абсолютизма» в Новой Испании Селиванова И.В. Идеи испанских экономистов первой половины XVIII века и реформирование колониальной торговой системы в Испанской Америке//Латиноамериканский исторический альманах, № 9. – М., ИВИ РАН, 2009. – С. 7-22.

⁶ *Ortiz de la Tabla D. Comercio exterior de Veracruz, 1778-1821. Sevilla, 1978. P. 10.*

же стали вытесняться с высоких административных должностей: так, число креолов в аудиенсии Мехико сократилось на одну треть, из всех назначенных в Новую Испанию в 1789 г. интендантов креолом был только один. Экономическое положение креолов было различным и внутри этого слоя наблюдалось серьезное социальное расслоение. Богатые креолы, занятые в горном секторе или на высоких административных должностях, имели тесные, нередко родственные связи с пенинсуларес. В то время как мелкие небогатые креолы по своему положению мало отличались от метисов. Серьезным ударом по позициям креолов стало изгнание из Новой Испании иезуитов в 1767 году. Из 680 изгнанных иезуитов около 450 были креолами⁷.

О существовании серьезных противоречий между креолами и уроженцами Испании в конце колониального периода свидетельствуют многочисленные сообщения современников. Так, вице-король Асанса направил в Испанию 30 ноября 1799 г. специальный доклад, в котором сообщал о серьезной враждебности между креолами и пенинсуларес, призывая метрополию серьезно отнестись к этой проблеме⁸. На существование серьезных противоречий между креолами и уроженцами метрополии указывал и епископ Мичоакана Абад-и-Кейпо в мае 1810 года. В этом же документе он отмечал существенное материальное расслоение среди населения Новой Испании. «Верхушке общества - пенинсуларес принадлежит большая часть богатства страны, в то время как 8/10 остального метисного и индейского населения живут в бедности и не имеют даже самого необходимого»⁹.

Неравноправие креолов вело к нарастанию сепаратистских настроений, выразительницей которых впоследствии стала креольская интеллигенция, что способствовало формированию национального самосознания. А. Гумбольдт указывал, что после 1789 г. он часто слышал, как креолы с гордостью заявляли «Я не испанец, я американец»¹⁰. Недовольство креолов способствовало постепенному развитию креольского освободительного движения, которое отчетливо заявило о себе в конце XVIII века. Креолы не стеснялись прибегать к иностранной помощи для освобождения от власти метрополии. В 1785 г. три представителя креольской знати (граф

---

⁷ Fuentes históricas de la Independencia de México (1808-1821). Recopilación y Notas de Rogelio Orozco Farias. México, 1967. P. 9.

⁸ Fuentes históricas de la Independencia de México. P. 15.

⁹ Fuentes históricas de la Independencia de México. P. 15-16.

¹⁰ Humboldt A. Ensayo político. P. 90.

де ла Торре Кассио, граф де Санта-Яго и маркиз де Гуардиола) направили английскому правительству письмо с просьбой о помощи в деле освобождения Новой Испании от испанского ига¹¹. Недовольство дискриминационной политикой в отношении креолов звучало и в обращении от 2 марта 1792 г., направленном королю от имени жителей города Мехико, где отмечалась настоятельная необходимость назначения на высшие церковные и административные должности креолов¹².

Недовольство креолов-землевладельцев, а также церкви усилилось в результате принятия испанским правительством указа об отчуждении недвижимого имущества и капиталов благотворительных организаций при церкви в пользу так называемой «Палаты консолидации королевских ценностей» (*Caja de Consolidación de Valores Reales*)¹³. В 1794 г. в Мехико был раскрыт заговор во главе с казначеем «Манильского галеона» испанцем Хуаном Герреро, а в 1799 г. еще один заговор, руководителем которого был сборщик налогов Педро де ла Портилья.

Отношения между креолами и пенинсуларес обострились и в результате ситуации, сложившейся при дворе вице-короля дона Хосе де Итурригарая. Получив в 1893 г. выгодное назначение в Новую Испанию благодаря покровительству Годоя, Итурригарай развел при дворе коррупцию и неприкрытое взяточничество. Вице-король и вице-королева не стеснялись получать дорогие подарки в обмен на раздачу титулов и должностей. При дворе сформировались две группировки придворных – «креолы» и «гачупины». Богатые столичные креолы, привыкшие к системе взяток и подношений за получение мест при дворе вице-короля, спокойнее реагировали на поведение Итурригарая и легче соглашались на дачу взяток в обмен на должности. Испанцы же, приехавшие недавно и не всегда имевшие достаточно средств для приобретения должностей, оказались в оппозиции к вице-королевскому двору.

В дальнейшем противоречия между двумя частями верхушки колониального общества обусловило то, что в 1808 г. сторонники независимой Новой Испании объединились вокруг аюнтамьенто, где были сильны позиции креолов. Сторонники же сохранения ко-

---

¹¹ Альперович М.С. Война за независимость Мексики (1810-1824). М., 1964. С. 51.

¹² *La Torre Villar E.* La Independencia mexicana. T.I-III. México, 1974. T. I. P. 340-341.

¹³ *Chávarri J.N.* Historia de la guerra de independencia. México, 1961. P. 17.

лонияльного режима группировались вокруг столичной аудиенсии, состоящей почти исключительно из испанцев.

В Новой Испании накануне XIX века обострились противоречия не только между креолами и уроженцами Испании. Не менее серьезной проблемой представлялась и пропасть между узкой прослойкой богачей и огромной массой бедного податного населения, состоящего из метисов, мулатов, индейцев. Епископ Абад-и-Кейпо отправил 11 декабря 1799 г. в Испанию доклад о бедственном положении этих слоев населения и о возникновении устрашающих противоречий среди различных слоев населения Новой Испании.

Нельзя не отметить и то, что на формирование освободительных настроений жителей Новой Испании оказали влияние первые буржуазные революции: война Северной Америки за независимость 1775-1783 гг. и Французская революция 1789-1794 гг. В страну активно проникали идеи французского просвещения, происходили серьезные изменения в культурной жизни страны, создавались новые школы. В 1768 г. в Новой Испании возникла первая хирургическая школа, в 1783 г. была основана Королевская семинария горного дела, в 1773 г. организована Королевская Академия Изящных искусств, в 1788 г. создан Ботанический сад, в 1793 г. открыт Музей истории Мексики. В стране проводились научные исследовательские экспедиции (в 1766-1768 и в 1774 - 1776 гг.); наиболее известной стала ботаническая экспедиция 1787 г. Происходивший в Новой Испании подъем в научной и культурной жизни приводил к более ясному осознанию безграничных возможностей страны и развитию национального самосознания. Так, в столичном университете среди преподавательского состава зрело недовольство политикой Карла III, назначавшего на важные посты уроженцев Испании в ущерб интересам креолов. В 1777 г. университетский совет направил испанскому королю протест против дискриминации креолов¹⁴.

Проникновение в Испанскую Америку прогрессивных, передовых идей того времени привело к формированию в Новой Испании нового философского направления, яркими представителями которого стали философы-просветители Игнасио Бартолаче (1739-1790 гг.), Хосе Антонио Альсате (1729-1790 гг.), Хуан Бенито Диас де Гамарра (1745-1783 гг.). Обращение к естественным правам человека как к особым природным ценностям во многом определило

---

¹⁴ *Tanck de Estrada D. Aspectos políticos de la intervención de Carlos III en la Universidad de México // Historia mexicana. 1988. № 150. P. 190.*

отношение прогрессивного слоя жителей Новой Испании к последующим событиям и борьбе мексиканского народа за независимость. Работы Хуана Бенито Диаса де Гамарры «Элементы современной философии», «Заблуждение человеческого разума» формировали мировоззрение, основанное на принципах европейского Просвещения. Мексиканское просвещение, возникшее в результате синтеза европейских, испанских и местных индейских традиций, создавало благодатную почву для формирования идеологии независимости и автономного развития Новой Испании. Важно отметить, что в то время под независимостью многие сторонники освободительного движения понимали автономию, то есть переход управления в руки уроженцев Новой Испании при сохранении страны в составе Испании; другие выступали за создание содружества со своим собственным королем или представителем испанского королевского двора. Просветительская концепция о синтезе Мексиканской империи и Американской конституции, которая якобы сформировалась после испанского завоевания, была окончательно оформлена в работе священника, известного мыслителя и общественного деятеля Сервандо Тереса де Мьера «Идея Конституции данной американцам королями Испании перед вторжением старого деспотизма». В этом труде автор утверждал, что уроженцы Новой Испании обладают особыми привилегиями на управление своей страной, полученными из двух источников – от индейских предков, которым издавна принадлежала земля, и от испанских предков, которые отправлялись на завоевание новых территорий с особыми пожалованиями от испанской короны, включая право созывать собственные кортесы. Мьер писал, что «наши короли были далеки от мысли создать колониальную систему в Америках, они организовывали королевства равные Испании, которые должны были обладать даже более прогрессивными институтами». Он утверждал, что XVI век стал веком формирования подлинной конституции Америки¹⁵.

Социальные противоречия между различными слоями общества, обострившиеся после реформ Карла III, очевидные признаки кризиса экономической системы Новой Испании, тяжелое материальное положение большей части населения колонии подготовили благоприятную почву для начала освободительного движения.

---

¹⁵ *Rodriguez J.E.* From Royal Subject to Republican Citizen: The Role of the Autonomists in the Independence of Mexico // *The Independence of Mexico and The Creation of The New Nation.* México, 1989. P. 22-23.

Нужен был только удобный повод, для того чтобы в стране вспыхнуло пламя борьбы.

8 июня 1808 г. во дворец вице-короля было доставлено почтовое сообщение и передано Рамону Гутьересу дель Масо – секретарю вице-короля Хосе де Итурригарая. Посылка состояла из нескольких номеров газеты «Gaceta de Madrid», где описывались события 17-19 марта 1808 г., когда в Испанию вторглись французские войска и испанский король Карл IV отрекся от престола. Эти новости произвели эффект разорвавшейся бомбы в политических кругах столицы. Следующее сообщение, прибывшее в Мехико 14 июля 1808 г., говорило об отречении всех членов испанского двора, в том числе и Фердинанда VII, в пользу Наполеона, который назначил маршала Мюрата в качестве наместника королевства¹⁶.

Первым на сообщение из Испании отреагировало кабильдо города Кампече, куда причалил корабль, привезший очередной номер мадридской газеты от 20 мая 1808 г. Члены кабильдо отправили послания вице-королю и аудиенсии Новой Испании о том, что 12 миллионов американских вассалов будут счастливы присягнуть королю на верность.

Либерально настроенные креолы, сторонники автономии Новой Испании, то есть перехода управления страной в руки уроженцев Мексики и получения права самим принимать решения по вопросам внутреннего управления, группировались вокруг столичного аюнтамьенто. Среди них выделялись рехидор Хуан Франсиско Аскарате, адвокат Франсиско Примо де Вердад, алькальд Хакобо Вильяуррутия, священник Мельчор де Таламантес, а также знатные креолы граф де Медина, граф де Регла, маркиз де Райас¹⁷. Основные идеи автономистов окончательно оформились в документах, разработанных Мельчором де Таламантесом. Его «Проект плана независимости Новой Испании», написанный в августе 1808 г., содержал основные требования сторонников автономии страны. Автор документа предлагал созвать конгресс для реформирования Новой Испании и создания новой системы управления. Конгресс, олицетворявший суверенитет нации, должен был выбрать вице-короля, провести назначения на основные гражданские и церковные должности, осуществлять управление страной, изъять из ком-

---

¹⁶ La Republica federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974. Vol.III. Ernesto Lemoine. La Revolucion de independenciam 1808-1821. Estudio historico. Precedido de una vision del virreinato. P. 163.

¹⁷ Rodriguez J.E. From Royal Subject to Republican Citizen. P. 27.

петенции Трибунала Инквизиции решение гражданских вопросов, объявить об окончании действия всех видов кредитов метрополии в Америках, реформировать торговлю, горное производство, сельское хозяйство и другие производственные отрасли в стране¹⁸.

19 июля 1808 г. аюнтамьенто Мехико направило вице-королю Итурригараю послание, в котором отречение королевской семьи в Испании объявлялось недействительным и вице-королю предлагалось продолжать свои полномочия и не подчиняться испанским властям до тех пор, пока она не будет освобождена от власти Франции¹⁹.

21 июля 1808 г. аудиенсия ответила аюнтамьенто своим посланием, в котором отмечалось, что власть городского совета не распространяется на всю страну. Аудиенсия настаивала на необходимости сохранения власти Фердинанда VII. Наиболее решительные автономисты предлагали радикальные действия. Хуан Франсиско де Аскарате доказывал, что необходимо отказаться от подчинения Испании, поскольку испанский король был смещен с престола. Примо де Вердад указывал на то, что теперь суверенитет принадлежит мексиканскому народу, но предлагал при этом присягнуть на верность испанскому королю²⁰. Сам вице-король не проявил решительности. Пытаясь удержать под своей властью Новую Испанию, он не встал ни на сторону патриотов-автономистов, ни на сторону уроженцев метрополии, сторонников сохранения зависимости от Испании.

5 августа 1808 г. вице-королю было направлено обращение аюнтамьенто Мехико, в котором городской совет просил вице-короля созвать хунту главных политических органов города Мехико. Автономисты настаивали на созыве совещания в Мехико с участием представителей от различных городов Новой Испании, но вице-король под давлением пенинсуларес, которые пугали его возможностью начала беспорядков по стране в случае проведения такого расширенного совещания, согласился на созыв 9 августа представителей аудиенсии, аюнтамьенто и духовенства города Мехико. На совещании представители радикально настроенных креолов, в частности Примо де Вердад, предлагали организовать в Новой Испании Генеральную Хунту по образцу хунты Севильи, ко-

---

¹⁸ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974., Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 11-12.

¹⁹ Fuentes históricas de la Independencia de México. P. 78.

²⁰ Chávarri J.N. Historia de la guerra de independencia. P. 20.

торой должен был принадлежать суверенитет и верховное управление в стране. Однако единство по вопросу создания такой Хунты не было достигнуто и результатом совещания стало лишь решение о непризнании Жозефа Бонапарта в качестве правителя Франции. 12 августа было обнародовано послание Итурригарая к населению, а 13 августа произошла официальная церемония принятия присяги Фердинанду VII. Не успели власти распространить воззвание от имени совещания, как 30 августа в Мехико прибыли представители Севильской Хунты, полковник Мануэль де Хауреги (брат вице-королевы) и капитан морского флота Хуан Габриэль Хабата, которые привезли приказ арестовать Итурригарая в случае его отказа признать власть Хунты²¹.

Вице-король назначил внеочередное собрание на 31 августа, чтобы обсудить миссию и полномочия визитеров. Аудиенсия под нажимом оидора Гильермо де Агирре и Виана присоединилась к Хауреги и Хабату, прося признать полномочия Севильской Хунты. Итурригарай, поддержанный Хакобо де Вилльяуррутией, отрицательно отнесся к признанию полномочий Севильской хунты и предложил испанским представителям 1 сентября покинуть Мексику²². Эти слова Итурригарая, как отметил Карлос Мария де Бустаманте, стали его смертным приговором.

Совещания 1 и 9 сентября не дали никаких конкретных решений, но сторонники сохранения зависимости Новой Испании от метрополии испугались, что Итурригарай наконец решиться на провозглашение себя королем и отделение Новой Испании от метрополии. Итурригарай не проявил смелости, и многие креолы, которые поначалу его поддержали, оказались в растерянности. В ночь с 15 на 16 сентября группа заговорщиков, опиравшихся на 400 испанцев, образовавших корпус добровольцев и поддержанных крупными торговцами, руководителями которых были оидор Агирре и Габриэль де Йермо, крупный землевладелец, тесно связанный с консуладо г. Мехико, ворвались во дворец вице-короля и арестовали его. Утром заговорщики приняли решение о смещении вице-короля и назначали на его место престарелого фельдмаршала Педро Гарибая. Вскоре были арестованы все главные руководители патриотически настроенных автономистов: Аскарате, Примо де

---

²¹ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974., Vol.III. Ernesto Lemoine. La Revolucion de independecia 1808-1821. Estudio historico. Precedido de una vision del virreinato. P. 176.

²² La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. P.177.

Вердад, Таламантес, а также Франсиско Бейе Сиснерос, аббад монастыря в Гваделупе, Хосе Беристейн де Соуса и военный ревизор Хосе дель Кристо и Конде. Вскоре в тюрьме скончались Примо де Вердад и Таламантес. Аскарате провел в тюрьме три года. Большинство других заговорщиков были выпущены на свободу вскоре после ареста. Вице-король Итурригарай был отправлен в Испанию. В течение двух лет после заговора представители гачупинов господствовали в административных органах и правительстве Мехико²³. Сторонники сохранения зависимости Новой Испании от метрополии высоко оценивали переворот 1808 г. Так, консервативный историк Мариано Торренте в своей исторической работе, написанной по горячим следам освободительной борьбы в испанских колониях, называл Йермо подлинным патриотом своей родины²⁴.

22 января 1809 г. созданная в Испании Центральная Хунта (организованная первоначально 25 сентября в городе Аранхуэсе, а затем перебравшаяся в Севилью) издала декрет, в котором американские владения Испании стали называться «интегральной частью испанской монархии», и население колоний уравнивалось в правах с жителями метрополии²⁵. 29 марта 1809 г. вице-король и члены аудиенсии приняли присягу на верность Центральной Хунте. В июле 1809 г., учитывая преклонный возраст Гарибая и его слабое здоровье, Центральная хунта Испании приняла решение назначить на пост вице-короля архиепископа Франсиско Хавьера Лисану-и-Бомона.

В сентябре 1809 г. был раскрыт еще один заговор, организованный капитаном Обессо, лейтенантом Кеведо, монахом Санта-Мария и братьями Мичеленна в Вальядолиде. Участники заговора хотели провозгласить отмену подушной подати, чтобы привлечь на свою сторону народные массы²⁶. В начале 1810 г. по предложению Регентского совета, который заменил Центральную Хунту в Испании, вице-король Лисана был отстранен от должности, и до назначения нового вице-короля, управление колонией осуществляла аудиенсия. Стараясь сохранить контроль над своими заморскими

---

²³ *Rodriguez J.E.* From Royal Subject to Republican Citizen. P. 29.

²⁴ *Torrente M.* Historia de la revolución hispanoamericana. P.14.

²⁵ *Alaman L.* Historia de Mejico desde los primeros movimientos que prepararon su independencia en el año de 1809 hasta la época presente. T.I-V. México, 1942. T.I. P. 272; *Rodriguez J.E.* From Royal Subject to Republican Citizen. P. 32.

²⁶ *Chávarri J.N.* Historia de la guerra de independencia. P. 20.

ми владениями, Регентский совет объявил о предоставлении колониям права на выборы и отправку своих представителей в испанские кортесы. Летом 1810 г. выборы таких представителей прошли в Новой Испании, в которой было избрано 17 депутатов от различных провинций страны²⁷. Для сравнения количество депутатов Испании составляло около 200 человек. Не все депутаты смогли прибыть в Испанию, так как они должны были самостоятельно оплатить проезд к месту назначения. 24 сентября Кортесы торжественно начали работу (через 9 дней после начала народного восстания в Новой Испании), которая продолжалась до 19 марта 1812 г. и закончилась принятием испанской Конституции 1812 г. По социальному составу большинство депутатов было священнослужителями (около 30%), а также государственными служащими. Большинство избранных в Новой Испании были сторонниками автономии для страны. Многие депутаты-автономисты приняли активное участие в работе кортесов в надежде парламентским путем изменить колониальный режим и добиться самоуправления для Новой Испании. Не ставя перед собой задач социального характера и не выступая за проведение существенных социально-экономических преобразований, они готовы были для достижения своих целей объединяться с более радикальными патриотами в Новой Испании. Видимо, за гибкость своих политических позиций они получили также название «эквилибристы»²⁸.

Так, Мигель Рамос Ариспе (1775-1843 гг.), один из самых активных депутатов, ставший после завоевания независимости сторонником либеральной партии, занимал во время работы кортесов довольно радикальные позиции. 23 октября 1811 г. он предложил учредить в Сальियो Верховную Хунту, которая должна была называться правительственной и взяла бы на себя фактические функции правительства Новой Испании, то есть, по сути, он хотел передать управление колонии в руки местной креольской элиты²⁹. Тем не менее, созыв кортесов в Испании не смог предотвратить начала освободительной борьбы в колониях.

В 1810 г. во главе освободительного процесса в Новой Испании встал Мигель Идальго-и-Костилья (1753-1811 гг.), бесспорно, одна из ключевых фигур в истории Мексики, человек, радикально изме-

---

²⁷ El federalismo mexicano. Mèxico, 1975. P. 30.

²⁸ Chàvarri J.N. Historia de la guerra de independèncià. P. 20.

²⁹ Gamàs Torruco J. El federalismo mexicano. Mèxico, 1975 . P. 29-30.

нивший весь ход развития страны. Мигель Идальго родился 8 мая 1753 г. в местечке Сан Диего де Корральехо (сегодня оно называется Корральехо де Идальго) в штате Гуанахуато³⁰. Отец Идальго был управляющим асьендой. Мигель Идальго вместе со старшим братом Хосе Хоакином закончил вальядолидскую иезуитскую школу Сан Франсиско Хавьер. После изгнания из страны иезуитского ордена, братья продолжили учебу в колледже Сан Николас в Вальядолиде. Мигель Идальго испытал на себе влияние европейского и мексиканского просвещения, многие преподаватели этого колледжа (Перес Калама, Сан Мигель, Рьяно) в то время разделяли прогрессивные взгляды. Его друзья по учебе в шутку называли Идальго «Зорро» за хитроумие и лукавство³¹. В 1773 г. Мигель Идальго и его брат успешно сдали экзамены и получили степень бакалавров теологии. Идальго увлеченно изучал философию, историю, теологию, литературу, иностранные языки, в том числе и индейский язык нахуа. В 1790 г. Идальго был назначен ректором в своем родном колледже Сан Николас, должность, которую он оставил через 2 года. Избрав для себя жизненный путь священника, Идальго, сменив несколько приходов, оказался, наконец, в приходе своего умершего брата, в селении Долорес интендантства Гуанахуато. Человек образованный и веселый, хотя уже не очень молодой, но энергичный и позитивно настроенный, он организовал у себя в доме своеобразный культурный дискуссионный салон, где собирались люди прогрессивных взглядов. Серьезное внимание он уделял развитию сельского хозяйства и производства у себя в имении, организовывал мастерские, сельскохозяйственные предприятия. Идальго приходил к выводу о необходимости введения экономической свободы и либерализации торговли для развития экономики Новой Испании. После раскрытия заговоров в Вальядолиде центр патриотической деятельности переместился в Керетаро, где летом 1810 г. также как и в некоторых других городах (Сан-Мигель-эль-Гранде, Гуанахуато, Сан-Луис-Потоси, Селайе), были организованы хунты по плану Мануэля Итурриаги, одного из участников вальядолидского заговора. Руководителями движения были Идальго вместе со своими ближайшими сторонниками, среди которых выделялись офицеры дон Игнасио де Альенде, дон Хуан

---

³⁰ До 1801 г. это место не было даже обозначено на географических картах Новой Испании.

³¹ *Villaseñor y Villaseñor A. Biografías de los héroes y caudillos de la independencia. T. I-II. México, 1962. P. 43-50.*

Альдама и Хоакин Ариас, сочувствовал патриотам и коррехидор Керетаро Мигель Домингес.

Ближайшим сподвижником Идальго был капитан дон Игнасио Альенде (1779-1811 гг.), офицер гарнизона города Сан-Мигель-эль-Гранде. Игнасио Альенде родился 20 января 1779 г. в Сан-Мигель-эль-Гранде, его отец был испанцем, а мать креолкой, семья Альенде принадлежала к числу почтенных семейств родного города. Игнасио Альенде рано посвятил себя военной карьере. В 1801 г. под руководством генерала Кальехи он принимал участие в экспедиции в Техас, в 1806 г. играл активную роль в организации дислокации гарнизона в Халапе для предотвращения вторжения английских войск на территорию Новой Испании. Именно тогда он начал задумываться о независимости своей родины. С 1810 г. Альенде с энтузиазмом включился в организацию заговора в Вальядолиде, а позже в Керетаро³². После раскрытия заговора в Керетаро Альенде вместе с Идальгой возглавил освободительную борьбу в Долоресе.

Еще одним сподвижником Идальго и Альенде был дон Хуан Альдама. Также офицер, он родился по разным данным между 1769-1772 гг. в Сан-Мигель-эль-Гранде в местной креольской семье, участвовал в заговорах в городах Вальядолид и Керетаро. После подавления этих заговоров Альдама сосредоточился на агитационной деятельности среди офицеров и креолов, вербовал сторонников для участия в освободительной борьбе³³.

Участники заговора 1810 г. в Керетаро выдвигали требования отстранения от власти испанской администрации, передачи власти в руки патриотической хунты в Керетаро, выдворения из страны пенинсуларес и конфискации их имущества. Центральное управление страной должно было осуществляться Хунтой из представителей провинций, которая действовала бы от имени Фердинанда VII. Таким образом, ближайшие сторонники Идальго в начале борьбы находились на автономистских позициях и не ставили перед собой задач осуществления серьезных социально-экономических преобразований в стране. После раскрытия заговора, который планировалось осуществить в декабре 1810 г., Альенде и Альдама прибыли в Долорес, где во многом благодаря настойчивости Идальго было решено начать борьбу рано утром 16 сентября 1810 г.

---

³² *Villaseñor y Villaseñor A. Biografías de los héroes. P. 35-40.*

³³ *Villaseñor y Villaseñor A. Biografías de los héroes. P. 51-52.*

Начавшееся как очередное движение сторонников автономии, восстание под руководством Идальго открыло новый этап освободительного движения Новой Испании, который отличался массовой социальной опорой и достаточно радикальными прогрессивными требованиями его участников. Как отмечал мексиканский историк Хайме Родригес, восстание Идальго начиналось как «креольское движение за автономию» и было сначала даже одобрено элитой Новой Испании³⁴. Однако как только требования восставших вышли за рамки автономистских стремлений к самоуправлению и равенству в правах креолов и европейцев, креольская элита сменила лояльность на враждебность в отношении движения Идальго. С этого момента либерально настроенные креолы свели свою деятельность к организации тайных обществ, таких как известное общество «Гуадалупес» в Мехико.

Новый этап освободительного движения начался с призыва в селении Долорес (El Grito de Dolores). Речь, произнесенная Идальго перед собравшимися на колокольный звон жителями Долорес, заканчивалась призывами: «Да здравствует католическая религия! Да здравствует Фердинанд VII! Да здравствует Родина! Да здравствует и господствует всегда над Америкой наша святая Дева Гваделупская! Смерть плохому правительству!»³⁵.

Призыв к поддержке испанского короля неслучайно появился в речи священника. Для того чтобы привлечь на свою сторону широкие слои населения, которые по замыслу Идальго должны были составить армию патриотов, необходимо было учитывать народные настроения. Индейцы-крестьяне, которые сразу же откликнулись на призыв Идальго поддержать освободительную борьбу, относились к испанскому королю с религиозным трепетом и не могли поддержать автономистских лозунгов. Идальго и Альенде понимали это. 31 августа 1810 г. Альенде отправил письмо Идальго, в котором выразил свои опасения о том, что «основная масса народа, такие как индейцы, совершенно безразличны к слову свобода, необходимо заставить их поверить, что восстание организуется с единственной целью для поддержания и помощи королю Фердинанду VII».³⁶

---

³⁴ Jaime E., Rodriguez O. Op.cit. P. 31-32.

³⁵ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Tomo 2. P. 42-44.

³⁶ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Tomo 2. P. 35.

Широкая социальная база движения, многочисленная армия Идальго (до 80 тыс. человек) отличает это движение от предыдущих и последующих этапов освободительного движения. Лагерь повстанцев составляли крестьяне, в основном индейцы, работники горных рудников, ремесленники-метисы, мелкая городская буржуазия, а также определенная часть креолов, среди которых были, прежде всего, мелкие служащие, интеллигенция, низшее духовенство. Программа восставших, разрабатываемая в основном Идальго и Альенде, должна была отражать чаяния сторонников патриотического движения. Поскольку состав участников был неоднородный и менялся на разных этапах борьбы, то и требования повстанцев также претерпевали определенные изменения.

Движение, возникшее в Долорес, быстро распространилось на обширную территорию Новой Испании. На первом, успешном, этапе своего развития повстанцами были захвачены города и населенные пункты Ла-Эрре, Атотонилко, Сан-Мигель-эль-Гранде, Чамакуэро (ныне Комонфорт), Селайя, Саламанка, Ирапуато, Силао, Гуанахуато, Вальядолид³⁷.

Основная канва военных событий была следующей: в занятом без сопротивления городе Селайе Идальго был провозглашен «генерал-капитаном Америки», в конце сентября 1810 г. после кровопролитных боев патриотами был захвачен город Гуанахуато, откуда повстанцы направились к Вальядолиду. 18 октября без боя армия Идальго вступила в Вальядолид, после чего было решено направиться к Мехико. По дороге к столице был захвачен город Акамбаро, где Идальго был провозглашен военным советом генералиссимусом, Альенде – генерал-капитаном, Хуан Альдама, Хосе Мариано Хименес, Хоакин Ариас и священник Бальеса – генерал-лейтенантами. На пути в Мехико у горного перевала Монте-делас-Крусес армия Идальго вступила в бой с вышедшем к ней навстречу столичным гарнизоном под командованием генерала Трухильо. В результате боя обе армии понесли серьезные потери, Идальго достигнув городка Гуахимальпы в окрестностях Мехико, не решился продолжать наступление на Мехико. В это время в разных районах Новой Испании вспыхивали патриотические восстания сторонников Идальго. Так, в интендантстве Гуадалахара

---

³⁷ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.III. Ernesto Lemoine. La Revolucion de independencia 1808-1821. Estudio historico. Precedido de una vision del virreinato. P.208.

борьбу возглавил крестьянин Хосе Антонио Торрес, севернее действовали отряды Годинеса, Алаторре, Уидробо. На юге страны действовал отряд священника Морелоса.

В то же время в рядах Идальго наметился раскол: креолы все чаще вставали на сторону роялистов, опасаясь расправы со стороны повстанцев, а также последствий преобразований, которые предлагал Идальго. Даже руководители патриотов Альенде и Альдама занимали умеренные позиции и не были заинтересованы в глубоких социально-экономических преобразованиях. Они настаивали на скором походе Идальго на Мехико, с целью провозглашения независимости страны, завоевания власти и скорейшего прекращения борьбы. Аюнтамьенто Веракруса и Мехико высказали поддержку вице-королю и заявляли о верности испанскому королю.

С ноября 1811 г. начинается новый период освободительного движения, во время которого повстанцы потерпели серьезные поражения. Идальго, уведя армию от Мехико, направился в Керетаро, на подходе к которому он был встречен испанским гарнизоном генерала Кальехи около Акулько. Там армия патриотов впервые потерпела поражение. После этого армия Идальго распалась: более многочисленные силы под командованием Альенде двинулись на северо-запад, в Гуанахуато, а отряд Идальго отправился на юг в Вальядолид. В силу разобщенности действий повстанцев, отряду Альенде пришлось оставить Гуанахуто, куда в конце ноября 1810 г. вошел генерал Кальеха, а Идальго прибыл в Гуадалахару. В начале 1811 г. после поражения отряда повстанцев в Гуадалахару вступила роялистская армия. Остатки повстанческой армии отступили в Сакатекас. Идальго был смещен с поста генералиссимуса, новым генералиссимусом был назначен Альенде. Усилившиеся разногласия среди руководства восстания, плохое вооружение и слабая выучка отрядов повстанцев, противостоявших регулярной, хорошо обученной армии роялистов обусловили неизбежность военного поражения патриотов. 21 марта 1811 г. остатки армии повстанцев были разбиты возле родников Бахана, где они попали в засаду, организованную роялистской армией. Идальго, Альенде, Хименес и другие были захвачены. Вскоре Идальго был разжалован из церковного сана и 30 июля 1811 г., вместе с другими руководителями восставших, казнен, а головы Идальго, Альенды, Х. Альдама и Хименеса были выставлены на всеобщее обозрение на территории Алондиги де Гранадитас.

Программа социально-экономических и политических преобра-

зований Мигеля Идальго нашла отражение в ряде документов: обращениях, письмах, манифестах, которые обнародовались на освобожденных патриотами территориях. Рассмотрение некоторых из них дает возможность увидеть, как трансформировались взгляды Идальго.

Заняв Вальядолид в середине октября 1810 г., Мигель Идальго поручил Хосе Марии Ансорене, назначенному интендантом и коррегидором города, издать первый декрет об освобождении рабов и запрещении рабства. Также в этом декрете он отменял взимание подушного налога (трибуто) со всех групп населения Новой Испании³⁸. Вслед за этим декретом 23 октября 1810 г. по поручению Идальго схожий декрет был опубликован его соратником Игнасио Лопесом Районом в Тлалпухауау. В нем помимо отмены рабства и работорговли, немедленного освобождения рабов, а также отмены подушной подати, Идальго провозглашал введение некоторых экономических свобод, которые должны были способствовать развитию страны. Так, уничтожались монополии на производство и продажу пороха, табачных изделий, вина³⁹.

Другой участник освободительной борьбы Хосе Мария Морелос в городе Агуакатильо 17 ноября 1810 г., также по поручению Идальго, опубликовал указ, в котором отменялось кастовое деление населения Новой Испании и все ее жители объявлялись американцами⁴⁰. После прихода Мигеля Идальго в Гуадалахару, он приступил к разработке и публикации основных программных требований. 21 ноября 1810 г. Идальго обнародовал «Обращение к американской нации», в котором он, апеллировал, прежде всего, к креолам, объясняя им необходимость перехода на сторону восставших для установления счастья и благополучия в стране. «Возможно ли, американцы, чтобы вы взяли за оружие против братьев своих, которые, рискуя жизнью, борются за свободу от тирании европейцев...» - восклицает Идальго⁴¹.

29 ноября, а также 6 декабря 1810 г. генералиссимусом Идальго

---

³⁸ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Tomo 2. P. 43-44; Historia documental de México. México, 1974. T.II. P. 47-48.

³⁹ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia, 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 47-48.

⁴⁰ Historia documental de México. T.II. P. 55-56.

⁴¹ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 53-54.

были опубликованы похожие декреты об отмене рабства, немедленном освобождении рабов в течение десяти дней. В случае неисполнения, нарушителям грозило наказание смертной казнью. Декретами было отменено взимание трибуто, вводилась свобода производства и продажи пороха, табака, разрешалось использование простой бумаги вместо гербовой, снижалась алькабала⁴². Еще одним центральным пунктом, социально-экономической программы Идальго, имеющим важное значение для самого многочисленного слоя армии патриотов, был декрет о возвращении индейским общинам земель, якобы арендованных у них крупными землевладельцами, которые, как правило, ничего не платили в общинные кассы. В декрете запрещалось впредь пользоваться этими землями кому-либо кроме самих индейских общин⁴³.

Политическое устройство будущего государства получило в документах Идальго не такое четкое отражение как социальные и экономические преобразования. В «Манифесте Идальго», от 15 декабря 1810 г., автор утверждал, что после того, как будут порваны узы зависимости от Испании, все жители страны объединятся. Будет созван конгресс из представителей всех городов и поселений Новой Испании, который должен будет издавать законы, поддерживать религию, создавать благоприятные условия для развития страны и обеспечивать благосостояние ее жителям⁴⁴. Находясь в Гуадалахаре, Идальго попытался создать собственное правительство на контролируемой повстанцами территории. Им были назначены два министра: адвокат Хосе Мария Чико получил должность министра юстиции, а другой адвокат Игнасио Лопес Район был назначен министром иностранных дел⁴⁵.

У патриотов была собственная еженедельная газета “El Despertador Americano”, первый номер которого вышел 20 декабря 1810 г., и содержал воззвание Идальго «Ко всем жителям Америки». Редактором газеты был известный интеллектуал, придерживавшийся прогрессивных взглядов, доктор теологии, профессор университета в Гуадалахаре Франсиско Северо Малдонадо. В свет вышло все-

---

⁴² La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolucion de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 55-56, Historia documental de México. México., 1974. T.II, P. 49-50.

⁴³ Historia documental de México. T. II. P. 48-49.

⁴⁴ Fuentes Históricas de la Independencia de México, 1808-1821. P. 110.

⁴⁵ Cue Canovas A. Historia social y económica de México. México,1972. P. 216.

го семь номеров газеты, последний 17 января 1811 г.⁴⁶

Радикальный подход Идальго к решению социальных вопросов не мешал руководителю патриотов обращаться с агитацией к креолам, не вставшим на сторону повстанцев. Боясь отпугнуть колебавшихся креолов, он готов был затушевывать социальные требования, выдвигать на первый план лишь завоевание независимости и получение самоуправления. Так, в письме к интенданту города Гуанахуато от 28 сентября 1810 г. Идальго указывал, что целью восставших является, прежде всего, завоевание независимости и свободы, и не предлагал никаких реформ, ущемляющих интересы состоятельных креолов⁴⁷. Боясь отпугнуть от освободительного движения креольское население, Идальго пытался пресечь конфискацию имущества и разорение имений креолов на захваченных патриотами территориях. Так, 1 декабря 1810 г. он издал декрет, запрещающий повстанцам самовольно присваивать имущество, лошадей и фураж уроженцев Испании⁴⁸.

Достаточно радикальная социальная и аграрная программа Идальго обусловила оценку освободительной борьбы патриотов на этом этапе как революционное движение, аграрную революцию, которая не только ставила задачи достижения политической независимости и ликвидации экономической монополии метрополии, но и решения социально-экономических проблем в интересах угнетенного населения страны. Таким образом, по мнению прогрессивных мексиканских историков Луиса Чавеса Ороско и Августина Куэ Кановаса, «война за независимость приобретала черты классовой борьбы»⁴⁹.

Арест и казнь лидеров освободительного движения ознаменовали завершение первого этапа борьбы и наметили следующий, продлившийся до 1815 г. Для этого периода было характерно отсутствие единого руководящего центра и одновременное действие на обширной территории страны различных, не связанных друг с другом партизанских отрядов. В районе Гуанахуато действовал партизанский отряд под руководством Альбино Гарсии, в районе

---

⁴⁶ *Cue Canovas A.* Historia social y económica. P.216.

⁴⁷ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 37.

⁴⁸ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 57.

⁴⁹ *Cue Canovas A.* Historia social y económica. P. 216.

Ситакуаро – отряд Бенедикто Лопеса, в окрестностях Пуэблы – отряд Хосе Франсиско Осорно. В Мехико функционировала тайная креольская организация «Лос Гуадалупес», возможно возникшая еще в 1808 г.; к этому времени она развила активную деятельность и поддерживала тесные отношения с партизанскими отрядами, передавая им информацию о действиях роялистских войск. Основу этой организации составляли столичные креолы – торговцы, крупные ремесленники, собственники городской недвижимости и даже представители знати (например, землевладелец и владелец горных рудников граф Валенсиано), церковники, военные, а также представители интеллигенции – адвокаты, врачи, издатели. В состав организации входили известный историк и общественный деятель Карлос Мария де Бустаманте, писатель Хосе Хоакин Фернандес де Лисарди, поэт и издатель еженедельника “*Semanario Patriótico Americano*” А. Кинтана Роо (еженедельник выходил с 19 июля 1812 г. по 17 января 1813 г.)⁵⁰. В центре организации стояли адвокаты Хуан Рас-и-Гусман, Мануэль Диас, Хосе Игнасио Эспиноса. «Лос Гуадалупес» была хорошо законспирирована, тайные встречи проходили в доме адвоката Мануэля Диаса, который превратился в один из центров борьбы. Выступая за достижение независимости и право страны на самоуправление, участники объединения мало заботились о проведении социально-экономических преобразований в интересах народных масс⁵¹. Многие члены организации выступали за переговоры между восставшими и вице-королевской администрацией с целью достижения политического компромисса. Так, участник «Лос Гуадалупес» адвокат Рас-и-Гусман пытался организовать встречу Района с вице-королем Венегасом для выработки программы совместных действий в деле достижения креолами самоуправления. И хотя переговоры так и не увенчались успехом, попытка их организации свидетельствует о привилегированном положении деятелей «Лос Гуадалупес»⁵². Члены организации вели активную переписку с Хосе Марией Морелосом накануне открытия Чильпансингского конгресса и подготовки Апацинганской конституции. Однако в конце 1813-начале 1814 г. контакты с повстанцами были прерваны, многие члены организации арестованы

---

⁵⁰ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.V. Tomo I. Tarsicio García Díaz “La prensa insurgente”. P. 81.

⁵¹ De la Torre Villar E. “Los “Guadalupes” y la Independencia. Con una selección de documentos inéditos. P. 75.

⁵² Guedea V. Las sociedades secretas // The independence of Mexico and Creation of the New Nation. N-Y, 1989. P. 51.

и высланы из страны.

Тайные организации, состоявшие в основном из креолов, были созданы и в других городах Мексики. Одной из наиболее крупных стало тайное общество в городе Халапе, важном административном центре на пути из Мехико в Веракрус, начавшее действовать с 1812 г. Также как и «Лос Гуадалупес» тайное общество в Халапе состояло в основном из горожан: адвокатов, врачей, торговцев. Участники организации также собирались в домах членов общества и вели переписку с повстанцами.

Соратник Идальго Игнасио Лопес Район, объявивший себя его преемником, организовал новый руководящий центр движением повстанцев в городе Ситакуаро. Там 21 августа 1811 г. был обнародован «Манифест Ситакуаро» - декрет об организации «Верховной национальной Хунты», которая должна была состоять из пяти человек, хотя вначале в нее вошли только три человека: сам Район, генерал-лейтенант Хосе Мария Лисеага и священник Хосе Систо Вердуско; позднее к ним присоединился Хосе Мария Морелос. Тесно сотрудничал с Ситакуарской хунтой Хосе Мария Кос – либерал, доктор, известный редактор патриотических еженедельников “*Plustrador nacional*” (издавался с 11 апреля по 16 мая 1812 г.) и “*Plustrador americano*” (печатался с 27 мая 1812 г. по 17 апреля 1813 г.)⁵³.

Игнасио Лопес Район родился 31 июля 1773 г. в семье выходцев из Испании в городе Тлалпухауа в провинции Мичоакан. Район закончил колледж Сан Николас в Вальядолиде, где получил степень бакалавра, позже продолжил учебу на юридическом факультете колледжа Сан Ильдефонсо в Мехико. После того как в 1796 г. он закончил учебу, Район некоторое время практиковал в Мехико, но после смерти отца, вернулся в родной город, где посвятил себя управлению асьендой и занятием горным делом. Сразу после начала восстания в Доролес, Район присоединился к повстанцам, быстро став одним из наиболее верных соратников Мигеля Идальго⁵⁴.

Программа Ситакуарской хунты Района была близка требованиям, выдвигаемым креолами-автономистами в 1808 г. Представители креолов, перешедшие в лагерь повстанцев, составляли главную ее опору и олицетворяли умеренное крыло патриотов. Основ-

---

⁵³ *Historia documental de México*. Т. II. P. 64-65.

⁵⁴ *Chávarri J.N.* *Historia de la Guerra de Independencia*. México, 1961. P. 182-183.

ные положения программы Ситакуарской хунты были изложены в «Манифесте доктора Хосе Марии Коса к уроженцам Испании в Америке», в «Планах мира и войны», обнародованном 16 марта 1812 г., а также в проекте Района «Основы конституции» от 4 сентября 1812 г.⁵⁵ Несмотря на появление новых лозунгов, таких как народный суверенитет, права и равенства наций, запрещение рабства, введение экономических свобод, в этих документах, по сути, нашли отражение основные принципы сепаратистских настроений. Представители Ситакуарской хунты предлагали сохранить целостность Америки и Испании, признать Америку интегральной и равной в правах частью единой испанской монархии (пункт 2 «Планов мира и войны»). В первом пункте «Основ Конституции» провозглашалось сохранение вассальной преданности испанскому королю Фердинанду VII, католическая религия признавалась единственно законной и разрешенной религией. В «Основах Конституции» предусматривалось формирование основных органов государственной власти будущего государства. Предлагался созыв Высшего Конгресса из представителей провинций (пункт 7), а также создание органов законодательной и исполнительной власти в лице Государственного Совета, Высшей Хунты, министерств и трибуналов. В пункте 26 провозглашалось открытие портов для иностранных торговцев, в пункте 29 введение свободы печати. В обращении Х. М. Коса к уроженцам Испании прямо указывалось, что в случае признания основных требований сторонников Ситакуарской хунты, прежде всего, равенства испанских колоний с метрополией, повстанцы готовы принять «мирный план» и прекратить военные действия. Умеренность основных положений программы Ситакуарской хунты обусловила ее изолированность и отсутствие понимания и поддержки со стороны повстанческих отрядов. Х.М. Морелос, стоявший на радикальных позициях, решительно призывал Района «сбросить маску преданности испанскому монарху» и выступить за подлинную независимость и свободу Новой Испании. В письме, которое он направил Району 7 ноября 1812 г., Морелос изложил свои размышления по поводу «Основ конституции». Он подверг критике многие пункты конституции, отмечая их нерешительность и нереальность осуществления. Пункт четвер-

---

⁵⁵ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 86-91; Historia documental de México. T.II. P. 78-81.

тый, в котором Район объявил Америку свободной и независимой от других наций, Морелос назвал «гипотетической», он отрицательно высказывался по поводу сохранения в Новой Испании монархии⁵⁶.

Самым важным из очагов восставших был лагерь ученика и соратника Идальго Х.М. Морелоса. Он действовал на юге Новой Испании, его отряд был наиболее дисциплинирован и хорошо организован. После разгрома главных сил Идальго и Альенде по словам известного мексиканского историка Франсиско Бульнеса «революция должна была создать новое имя и она его создала – им стал Морелос»⁵⁷.

Хосе Мария Морелос-и-Павон родился 30 сентября 1765 г. в Вальядолиде. Его отец, плотник, скорее всего, был метисом, мать – креолка. Рано оставшись без отца, Морелосу пришлось работать погонщиком мулов. Позже уже во взрослом возрасте он поступил в колледж Сан Николас в Вальядолиде, где в это время ректором был Мигель Идальго. Закончив колледж и получив степень бакалавра искусств, Морелос некоторое время преподавал. Затем Морелос был назначен священником и получил приход в городе Каракуаро. Присоединившись к восстанию Идальго в первые же месяцы войны за независимость, Морелос получил указание создать повстанческий отряд на юге страны.

Мексиканский историк А. Куэ Кановас выделил четыре этапа в движении Морелоса. Первый этап охватывает период, когда Морелос организовал свою армию, установил порядок и дисциплину, что позволило ему захватить города Петатлан, Текпан, Чильпансинго, Тикстла и Чилапа (1811 г.). Второй этап отмечен знаменитым взятием Куаутлы. Третий период ознаменовался успешными стратегическими и тактическими действиями Морелоса. После тяжелых боев с армией вице-короля Кальехи в Куаутле, поражения роялистов в Уауапана, взятия Орисабы и позже Оахаки, а также осады и захвата Акапулько (20 августа 1813 г.), Морелос приступил к созыву конгресса в Чильпансинго. С этого момента под контролем Морелоса находилась обширная территория от Оахаки на юге до Колимы на севере. Восставшие располагали также стратегически важным портом Акапулько, через который они могли получать оружие и провиант, предоставляемый иностранными государствами. В конце 1813 г. начинается четвертый этап: в это время

---

⁵⁶ Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808-1821. P. 259.

⁵⁷ Цит. по: *Cue Canovas A.* Historia social y económica. P. 216.

роялистами были отбиты города Акапулько и Оахака, Морелос, сопровождая конгресс в Чильпансинго, вынужден был переезжать из город в город, пока не был захвачен в плен в Тесмалаке (современный штат Пуэбла) и расстрелян 22 декабря 1815 г.⁵⁸

Развитие революционного процесса в Новой Испании происходило в условиях, когда в самой Испании собрались кортесы близ Кадиса, начавшие свою работу 24 сентября 1810 г. В работе кортесов активно участвовали депутаты от Новой Испании. Особенно выделялся священник Мигель Рамос Ариспе, который занимал радикальную позицию по многим вопросам, таким как расовая дискриминация и свобода печати. Кортесы не могли не реагировать на освободительную борьбу в колониях, поэтому был принят ряд либеральных декретов, направленных на смягчение противоречий в американских владениях. Так, 15 октября 1811 г. был принят декрет о предоставлении испанским владениям в Америке равных прав с европейскими провинциями Испании, 10 ноября была объявлена свобода печати в колониях, а 18 марта 1812 г. кортесы приняли конституцию. Либеральная Кадисская конституция вводила в Испании и в ее американских владениях экономические свободы, принцип разделения властей, упразднение особых судебных привилегий (фуэрос), свободу печати, равное представительство в кортесах депутатов от Испании и Америки. Однако конституция сохраняла монархическую форму правления, американские колонии оставались в составе Испании, гражданские права не предоставлялись лицам, имеющим долю негритянской крови, что оставляло бесправными огромное количество жителей Испанской Америки⁵⁹. 9 сентября 1812 г. вице-король Новой Испании Венегас получил из Испании 300 экземпляров Кадисской конституции с указаниями отпечатать их и распределить среди жителей. Публикация даже такой ограниченной конституции вызвало всплеск революционной борьбы в стране, и власти немедленно отменили свободу печати (5 декабря 1812 г.).

В ответ на Кадисскую конституцию Морелос от имени всего радикального крыла освободительного движения (сторонниками Морелоса в это время были руководители крестьянских партизан-

---

⁵⁸ *Cue Canovas A.* Historia social y económica. P. 220.

⁵⁹ Подробный анализ Кадисской конституции написан в статье Ивкиной Л.А. «Рамон Пауэр-и-Хиральт и Кадисские кортесы (1810-1813) // Латино-американский исторический альманах – № 11. – М., ИВИ РАН, 2011. С. 65-95.

ских отрядов Висенте Герреро, священник Мариано Матаморос, ранчero Эрменехильдо Галеан и мелкие землевладельцы братья Браво) обнародовал 23 декабря 1812 г. «Манифест к жителям Оахаки», в котором он настаивал на необходимости продолжения борьбы за свободу. В этом документе Морелос изложил политические взгляды на вопросы независимости Мексики и обозначил свое отношение к испанскому монарху. Он подверг резкой критике испанские кортесы, объявившие о предоставлении равных прав испанцам и жителям колоний, вместо предоставления подлинной независимости испанским владениям и возможности самим создать свои правительства. Он отмечал, что поскольку нет уже той Испании во главе с Фердинандом VII, а существует страна, захваченная французскими оккупантами, Новая Испания не должна признавать ее власть, а обязана добиваться полной независимости и создавать собственное государство и правительство⁶⁰.

Политические взгляды Морелоса, которые нашли отражение в декретах, манифестах, письмах, испытывали определенную трансформацию в зависимости от политической обстановки, от тактических целей, стоявших перед повстанцами. Его отношение к креолам, как возможным союзникам патриотов, может стать таким свидетельством развития политических убеждений Морелоса. Вскоре после гибели Идальго Морелос не терял надежды на объединение в лагере повстанцев не только метисов и индейцев, но и креолов. Именно стремлением сгладить кастовые различия и противоречия объясняется издание им 13 октября 1811 г. «Приказа против любого вида войны каст», в котором он называл всех уроженцев Новой Испании американцами и запрещал самовольный захват собственности креольских помещиков⁶¹. Однако уже в начале 1813 г. Морелос разработал документ под названием «Проект конфискации имущества европейцев и американцев, верных испанскому правительству», в котором объявлял всех богатых га-чупинов и креолов врагами нации и требовал конфискации их имущества.

В середине 1813 г. Морелос поставил перед своими сторонни-

---

⁶⁰ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol. IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 147-148; *Cue Canovas A.* Historia social y económica. P. 223-224.

⁶¹ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol. IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia, 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 79-80.

ками задачу создания единого руководящего центра освободительного движения. В мае 1813 г. он говорил о необходимости созыва национального конгресса, а 28 июня обнародовал приказ о его созыве⁶². Игнасио Лопес Район пытался уговорить Морелоса отложить созыв конгресса, но последний в письме от 5 августа 1813 г. высказался за немедленный созыв конгресса, отмечая, что сам не претендует на руководящую роль и ограничится лишь ролью организатора. Морелос последовательно указывал на опасность отсутствия единого центра управления повстанческим движением.⁶³

Морелос разработал Регламент выборов в конгресс, который был обнародован 11 сентября 1813 г. 14 сентября в Чильпансинго Морелос открыл заседание конгресса. В речи, произнесенной на открытии, Морелос призвал к возрождению Мексиканского государства, к созданию хорошего правительства, рождению нации, обретению свободы и независимости⁶⁴. В этот же день на открытии конгресса была обнародована программа Морелоса «Чувства нации». В этом документе нашли самое полное отражение политические взгляды Морелоса, в нем он поставил задачи освободительной борьбы. Мексиканский историк А. Куэ Кановас, подчеркивая ключевое значение этого программного документа, отмечал, что в период освободительной борьбы не было другого столь ясного и откровенного документа⁶⁵. В этом документе Морелос провозглашал свою родину свободной и независимой от какой-либо другой страны и от какого-либо монарха (пункт 1). Он отмечал, что суверенитет принадлежит народу (пункт 5), что все должности в стране замещаются только американцами (пункт 9), что отменяются все судебные привилегии, и закон будет равным для всех (пункт 13). Согласно этому плану законы должны обсуждаться в конгрессе и приниматься большинством голосов (пункт 14). Программа Морелоса предусматривала отмену рабства (пункт 15) и кастовых различий, гарантировала собственность, разделение властей, открытие портов для иностранных судов, замену многочисленных нало-

---

⁶² La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolucion de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 194-195; Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808-1821. P. 261.

⁶³ Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808-1821. P. 262-263.

⁶⁴ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolucion de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 218-224.

⁶⁵ Cue Canovas A. Historia social y económica. P. 225.

гов единым сбором в размере 5% (пункт 22)⁶⁶. Морелос призвал уважать память Мигеля Идальго как борца за свободу и независимость родины празднованием торжественной даты 16 сентября⁶⁷.

Во время работы конгресса среди депутатов сформировалось два крыла: умеренное, выражающее интересы креольской буржуазии во главе с Районом⁶⁸ (среди них выделялись К.М. Бустаманте, А. Кинтана Роо, Х.М. Кос) и радикальное крыло, возглавляемое Х.М. Морелосом. 15 сентября 1813 г. конгресс провозгласил Морелоса генералиссимусом и избрал его главой исполнительной власти. После упорной борьбы на заседании конгресса были приняты важные документы, имеющие ключевое значение для развития освободительного движения. 6 ноября конгресс принял «Декларацию о независимости» и «Манифест о независимости». «Декларация» объявляла полный суверенитет и независимость Мексики. «Манифест» конгресса, обращенный к мексиканскому народу, призывал оказывать помощь повстанцам в борьбе за свободу и независимость.

Вскоре конгрессом были приняты прогрессивные декреты об освобождении рабов, отмене подушной подати, отмене кастовых различий. В декабре 1813 г. конгресс под руководством Морелоса решил перебраться в Вальядолид. Однако после столкновений с роялистами повстанцы были разбиты, попал в плен и был казнен Мариано Матаморос, вскоре на поле боя погиб еще один соратник Морелоса – Галеана. В сложной для Морелоса обстановке усилилось умеренное крыло патриотов и по их инициативе он был отстранен от исполнительной власти. В это же время изменилась ситуация в Испании, где вернувшийся к власти Фердинанд VII распустил кортесы, арестовал наиболее активных депутатов (в тюрьме оказался Мигель Рамос Ариспе) и 4 мая 1814 г. издал декрет об отмене конституции 1812 г.

---

⁶⁶ «Чувства нации» Морелоса, а также декреты Идальго стали также как Манифест Тукуманского конгресса 1817 года в Аргентине произведениями, в которых давались первые оценки войны за независимость. Подробнее об историографии войны за независимость Аргентины Казаков В.П. Историография войны за независимость Аргентины.// Латиноамериканский исторический альманах, – № 10. – М., ИВИ РАН, 2010. С. 34 – 62.

⁶⁷ La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 225-226; Fuentes históricas de la Independencia de México, 1808-1821. P. 267-269.

⁶⁸ Сам Район на заседание конгресса не явился.

В Новой Испании последствия восстановления испанского абсолютизма не замедлили сказаться: возобновил деятельность трибунал инквизиции, было восстановлено взимание подушной подати. В ответ на эти действия Чильпансингский конгресс, находившийся в это время в городе Апацингане, принял первую мексиканскую конституцию. С июня по август 1814 г. на конгрессе, который расположился в Тирипитио, работала редакционная комиссия, готовившая текст конституции. Среди членов конгресса наиболее активное участие в написании конституции принимали следующие деятели: адвокат Мануэль де Алдерете и Сориа, доктор Хосе Сиксто Бердуско, адвокат Хосе Сотеро Кастаньеда, доктор Хосе Мануэль де Эррера, доктор Хосе Мария Лисеага, адвокат Хосе Мария Посе де Леон, адвокат Андрес Кинтана Роо, Антонио Сесма, и адвокат Корнелио Ортис де Сарате. Позже Морелос сообщал, что в комиссию, назначенную для редактирования конституции, входил также Карлос Мария Бустаманте. Однако, возможно, что в начале 1814 г. Бустаманте покинул конгресс в Чильпансинго, и его место в редакционной комиссии занял кто-то другой⁶⁹.

После разгона конгресса в Чильпансинго Понсе и Сарате переехали на территорию, которую контролировали отряды Гуадалупе Виктории и составили там план нового революционного правительства (*Proyecto de gobierno de las Provincias Orientales de México del 24 de agosto de 1816*). Активную позицию в редакционной комиссии конституции занимали известные в то время издатели Кинтана и Эррера. Первый издавал “*Semanario Patriótico Americano*”, второй “*Correo Americano del Sur*”. Составители конституции были, безусловно, людьми передовых взглядов, которые и нашли отражение в документе. При распределении властных полномочий предпочтение отдавалось усилению законодательного органа в лице конгресса. Некоторые пункты конституции были направлены на ослабление каудильизма, составителей конституции не устраивало чрезмерное усиление власти одного человека, попытки чего они видели со стороны Морелоса и Района. Взгляды последних, в свою очередь, нашли отражение в новом документе, однако, их непосредственное участие в составлении конституции остается под вопросом. Ни Морелос, ни Район, ни Кос не присутствовали на заседании конгресса в Тирипитио, когда там шла активная работа над конституцией. После ареста Морелос признал на

---

⁶⁹ *Macías A.* Los autores de la Constitución de Apatzingan // *Historia mexicana*. Vol. XX. 1980. № 4. P. 512.

допросе свое участие в составлении конституции, сообщив, что передавал депутатам Чильпансингского конгресса копию Кадисской конституции 1812 г. Некоторые положения его «Чувств нации» были заимствованы и нашли отражение в конституции, также как и некоторые положения из «Основ конституции» Района, в которых речь шла о создании правительства из трех человек. Вместе с тем некоторые статьи конституции были направлены на ограничение власти Морелоса и Района. Так, статья 4 указывала, что ни один человек не может иметь неограниченную власть. Статья 12 предписывала, что за заслуги перед родиной гражданин мог получить признание и благодарность, но не титулы⁷⁰.

22 октября был обнародован текст «Конституционного указа о свободе Мексиканской Америки». Принятие Апацинганской конституции явилось, бесспорно, центральным событием в развитии освободительного движения, хотя многие ее статьи были менее прогрессивны, чем положения программы Морелоса «Чувства нации». Тем не менее, принятие такого документа невозможно переоценить. Мексиканская конституция была более прогрессивна, чем Кадисская, хотя она и заимствовала некоторые ее положения. Первая глава конституции объявляла католическую религию единственной государственной религией. Конституция провозглашала свободу и независимость, декларировала принцип народного суверенитета, право народа создавать и сменять правительство (статья 2), разделение властей. Высшим законодательным органом объявлялся конгресс, состоящий из 17 депутатов, представителей провинций (статья 3). Конституция вводила трехступенчатые выборы, право голоса предоставлялось уроженцам Америки, достигшим 18 лет (статья 4). Конгресс назначал правительство из трех человек (они председательствовали по очереди, сменяя друг друга каждые 4 месяца) и верховный суд из 5 членов (статьи 10, 18). Конституция провозглашала равенство всех граждан перед законом, свободу слова, печати, собственности. Таким образом, Апацинганская конституция вводила республиканскую форму правления в Мексике. Первое правительство, избранное в Апацингане 24 октября 1814 г., состояло из трех тезок Хосе Марий: Лисеаги (председатель), Морелоса и Коса⁷¹.

---

⁷⁰ *Macías A.* Los autores de la Constitución de Apatzingan. P. 518.

⁷¹ *La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. Vol.IV. Ernesto Lemoine. La Revolucion de independencía 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. P. 318-338.*

Конституция содержала и программу прогрессивных социальных преобразований: ликвидацию феодального политического, социального, экономического режима; справедливое распределение богатств; разделение и распределение земель латифундий; принятие решительных мер в борьбе с нищетой, поднятие уровня жизни народа; упразднение привилегий и феодализма; осуществление свободной торговли; ликвидацию уплаты трибуто индейцами; развитие промышленного производства и прекращение вывоза капиталов из страны⁷².

После гибели Морелоса 22 декабря 1815 г. движение повстанцев пошло на убыль⁷³. Разрозненные отряды патриотов Мануэля Мьера-и-Терана в Теуакане, Висенте Герреро в Мистеке, Гуадалупе Виктории в интенданстве Веракрус, Хосе Франсиско Осорно в районе Керетаро, Антонио Торреса вблизи Гуанахуато и братьев Район в Мичоакане не смогли создать единого центра, действовали не согласованно. В ноябре 1815 г. в один из таких центров сопротивления под командованием Мануэля Мьера-и-Терана прибыл конгресс. Но к тому моменту этот орган уже утратил силу и вскоре был распущен (15 декабря 1815 г.). С этого момента освободительное движение было представлено разобщенными партизанскими отрядами. До провозглашения независимости в 1821 г. Мексики предстояло пройти еще долгий путь борьбы длиною в шесть лет.

Список литературы

Статьи

Guedea V. Las sociedades secretas // The independence of Mexico and Creation of the New Nation. N-Y, 1989.

Macías A. Los autores de la Constitución de Apatzingan // Historia mexicana. Vol. XX. 1980. № 4.

Rodriguez J.E. From Royal Subject to Republican Citizen: The Role of the Autonomists in the Independence of Mexico // The Independence of Mexico and The Creation of The New Nation. México, 1989.

Tanck de Estrada D. Aspectos políticos de la intervención de Carlos III en la Universidad de México // Historia mexicana. 1988. № 150.

---

⁷² *Bremauntz A.* Panorama Social de las Revoluciones de México. México. P. 83.

⁷³ Об окончании освободительного процесса в Мексике, создании Мексиканской республики и принятии конституции 1824 года более подробно - Селиванова И.В. Война за независимость в Мексике в 1810-1824 гг. // Война за независимость Латинской Америки. – М.: Наука, 2011. С. 165 – 200.

Ивкина Л.А. «Рамон Пауэр-и-Хиральт и Кадисские кортесы (1810-1813) // Латиноамериканский исторический альманах – № 11. – М., ИВИ РАН, 2011.

Казачков В.П. Историография войны за независимость Аргентины.// Латиноамериканский исторический альманах, – № 10. – М., ИВИ РАН, 2010.

Селиванова И.В. Война за независимость в Мексике в 1810-1824 гг.// Война за независимость Латинской Америки.– М.: Наука, 2011.

Селиванова И.В. Идеи испанских экономистов первой половины XVIII века и реформирование колониальной торговой системы в Испанской Америке//Латиноамериканский исторический альманах, № 9. – М., ИВИ РАН, 2009.

Монографии

Aguirre Beltran G. La poblacion negra de México, 1519-1810. México, 1946.

Alaman L. Historia de Mejico desde los primeros movimientos que prepararon su independencia en el año de 1809 hasta la época presente. – T.I - V. – México, 1942.

Chávarri J.N. Historia de la guerra de independencia. México, 1961.

Chávarri J.N. Historia de la Guerra de Independencia. México, 1961.

Cue Canovas A. Historia social y económica de México. México, 1972.

Fuentes históricos de la Independencia de México (1808-1821). Recopilación y Notas de Rogelio Orozco Farias. México, 1967.

Gamas Torruco J. El federalismo mexicano. México, 1975 .

Historia documental de México. México, 1984.

Humboldt A. Ensayo político sobre el reino de la Nueva España. México, 1966.

La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974.

La Torre Villar E. La Independencia mexicana. – T.I-III. – México, 1974.

Ortiz de la Tabla D. Comercio exterior de Veracruz, 1778-1821. Sevilla, 1978.

Torrente M. Historia de la revolución hispanoamericana. Prologo. Discurso preliminar. Madrid, 1829.

Villaseñor y Villaseñor A. Biografías de los héroes y caudillos de la independencia. – T. I-II. – México, 1962.

Альперович М.С. Война за независимость Мексики (1810-1824). М., 1964.

В.П. Казаков

Альберди Х.Б. и Сармьенто Д.Ф.: два проекта модернизации Аргентины

I

3 февраля 1852 г. в битве при Монте-Касерос армия губернатора Энтре-Риос Х.Х. Уркисы нанесла решительное поражение войскам диктатора Х.М. Росаса. Диктатура пала. Росас эмигрировал в Англию. 4 февраля Уркиса вошел в Буэнос-Айрес, став временным правителем Аргентинской конфедерации и главнокомандующим ее вооруженными силами.

Свою миссию Уркиса видел в окончательной организации национального государства на принципах федерализма. В этом деле должны были принять участие все аргентинцы, независимо от политических взглядов. Поэтому с первых же шагов он проявил умеренность, провозгласив лозунг примирения всех сил: «Ни победителей, ни побежденных, сотрудничество всех, забвение прошлого».

Программа Уркисы носила антиросистский характер и предусматривала: открытие рек для всех стран; свободу судоходства; ликвидация торговой монополии Буэнос-Айреса; улучшение отношений с иностранными государствами.

В соответствии со своей программой Уркиса объявил всеобщую амнистию, свободу слова, печати и собраний. Были изданы декреты о возвращении политических эмигрантов; о запрете конфискации имущества в качестве наказания; об отмене смертной казни за политические преступления; о создании муниципалитета в Буэнос-Айресе.

Началом выполнения программы Уркисы стал созыв съезда губернаторов, который состоялся 20–31 мая 1852 г. в городке Сан-Николас-дель-Арройо в провинции Санта-Фе. 31 мая участники съезда подписали документ, известный как «Соглашение Сан-Николас», которое предусматривало механизм для созыва Учредительного конгресса в городе Санта-Фе: каждая провинция отправляла в Конгресс по два депутата. Таким образом, Буэнос-Айрес – крупнейшая по численности и богатству провинция, имела столько же депутатов, как, например, малонаселённые Жужуй или Ла-Риоха. Упразднились внутренние таможи, объявлялась свобода судоходства по рекам, национализировалась таможня Буэнос-Айреса.

Съезд в Сан-Николас наделил Уркису большой властью. Он утверждался в должности временного правителя Аргентинской конфедерации, в функции которого входило: осуществление внешних сношений, верховное командование вооруженными силами, поддержание внутреннего порядка в провинциях и другие полномочия исполнительной власти.

Соглашение Сан-Николас встретило оппозицию в Буэнос-Айресе, которая 11 сентября 1852 г. произвела переворот. Новые власти Буэнос-Айреса отказались признать постановления Учредительного конгресса в Санта-Фе и отменили полномочия Уркисы представлять Буэнос-Айрес во внешних сношениях.

Начиная с того времени в течение десяти лет, до 1862 г., сохранялся раскол страны. С одной стороны, существовала Аргентинская конфедерация, состоявшая из тринадцати провинций, которые представляли всю нацию в целом. С другой стороны, существовал Буэнос-Айрес, чье положение было двусмысленным: он не провозглашал независимости и не объявлял о своем суверенитете. Он не заявлял о себе как о независимом государстве, но и не входил в Конфедерацию. Буэнос-Айрес считался автономным образованием, признававшим свою принадлежность к Аргентинской республике.

II

Раскол страны сопровождался оживленными дискуссиями в поддержку Буэнос-Айреса или Конфедерации. По существу речь шла о путях дальнейшего развития Аргентины. С проектами национального строительства выступили два наиболее выдающихся представителя «поколения 1837 г.» Х.Б. Альберди и Д.Ф. Сармьенто

Свою концепцию Альберди изложил в труде «Основы и исходные положения для политической организации Аргентинской республики», написанном сразу же после свержения Росаса. Альберди плодотворно развил идею: необходимо осваивать достижения европейской цивилизации, не слепо копируя их, а приспособлявая к условиям национальной действительности.

Положение Аргентины кардинально отличалось от США и западноевропейских стран. Поэтому «было бы большим сумасбродством, – отмечал Альберди, – если аргентинская конституция копировала конституции свободных и цивилизованных стран, если бы маленьким населением, плохо подготовленным к конституци-

онному правлению, руководили конституции США и Англии»¹.

Какая же конституция нужна Аргентине и другим южноамериканским странам? Та, – отвечал Альберди, – которая соответствует задачам нового этапа развития страны. В истории Аргентины Альберди выделял два периода. Содержанием первого являлась борьба за политическую независимость, преследовалась цель ее упрочения и закладки принципов свободы и равенства в качестве основы нового политического строя вместо господствовавшей прежде монархической системы. Поэтому в тот период экономические вопросы отодвигались на второй план и не играли существенной роли.

Победа при Монте-Касерос положила начало новому этапу, открыла дорогу к национальной организации. По значению в аргентинской истории Альберди ставил ее в один ряд с Майской революцией 1810 г. Теперь, по его мнению, необходима практическая реализация ее принципов.

Альберди беспокоило отставание Аргентины от США и западноевропейских стран. В исторической перспективе это грозило Аргентине утратой недавно обретенной независимости, поскольку экспансия западных государств на новые земли необратима. Альберди называл этот процесс законом развития цивилизации, которая для своего развития нуждалась во все новых и новых территориях. Где же выход? Как совместить эту неизбежную экспансию с сохранением независимости страны?

Альберди видит выход в добровольном открытии аргентинским правительством страны для европейской иммиграции: если переселение Европы в Америку неизбежно, то пути его реализации могут быть различными. Оно может произойти либо мирно, либо путем завоевания. Альберди обращал внимание на судьбу Мексики, где был продемонстрирован насильственный вариант, «который всем нам угрожает в более или менее недалеком будущем и который мы можем избежать, открыв для цивилизации наши земли»².

Для Альберди утверждение в Аргентине либеральной демократии представлялось долгим процессом. Он не верил, что воспитание креольского населения приведет к ней. Комментируя А. Токвиля, Альберди отмечал: «Английская свобода существует в их обычаях... Североамериканская демократия живет в обычаях севе-

---

¹ Alberdi J.A. Bases y puntos de partida para la organización de la República Argentina. Buenos Aires, 1991. P. 20.

² Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 9.

роамериканцев... Мексика переняла конституцию Северной Америки и не является свободной, потому что переняла письменную конституцию, а не живую, не их обычаи»³.

По убеждению Альберди, право, как и само общество, порождено обычаями, которые труднее устранить, чем убрать правителей. Отсюда проистекало главное положение всего цивилизаторского проекта Альберди: если закон не укоренен в обычаях, он мертворожден.

Но как заменить вредные привычки старой культуры новыми обычаями современной цивилизации? На это Альберди отвечал следующим образом: «Утопично было бы думать, что испаноамериканская раса способна создать представительную республику... Не законы нам нужно изменить, а людей и порядки. Нам нужно изменить наш народ, неспособный к свободе, другим народом, способным к ней... заменить нынешнюю аргентинскую семью другой – также аргентинской, но более способной к свободе, богатству и прогрессу»⁴.

Необходимо было, согласно Альберди, трансплантировать Европу в Аргентину, переместить сюда европейское население, которое принесет с собой новые обычаи и культуру. Другими словами, установить уже сложившуюся цивилизацию. «Но как, в каком обличье явится в скором будущем на наши земли живительный дух европейской цивилизации? Очевидно, это произойдет так, как происходило всегда: Европа передаст нам свой дух, свои промышленные традиции и все проявления цивилизации через своих переселенцев... Хотим ли мы насадить и акклиматизировать в Латинской Америке английскую свободу, французскую культуру, трудолюбие европейцев и североамериканцев? В таком случае привлечем к себе живые частицы этих стран – людей с соответствующими практическими навыками, а уж мы дадим им возможность укорениться здесь»⁵.

Этой цели должны были служить конституции. Констатируя, что конституционное право Южной Америки противоречит интересам материального прогресса, от которого зависит будущее, Альберди призвал пересмотреть его в соответствии с новыми потребностями. «Если раньше мы провозглашали идеалы независимости, свободу вероисповедания и т.д., то сейчас мы должны де-

---

³ Цит. по: Botana N.R. La tradición republicana. Buenos Aires, 1984. P. 299.

⁴ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 159.

⁵ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 55.

кларировать свободу иммиграции, торговли, железных дорог, развивающейся промышленности, но не взамен прежних высоких идеалов, а только в качестве необходимых и серьезных мер во имя того, чтобы идеалы эти перестали быть словами и превратились бы в действительность. Сегодня нам необходимо организационное становление... нам необходимо иметь солидное население, железные дороги, судоходные реки ради того, чтобы наши страны стали богатыми и сильными»⁶.

Конституция задумывалась Альберди как программа заселения Аргентины европейскими иммигрантами и развития ее производительных сил на основе привлечения в страну иностранного капитала. В соответствии с этим заселение Аргентинской республики, в настоящее время пустынной и одинокой, должно стать великой и первоочередной целью ее конституции на много лет... Эта Америка нуждается в капиталах так же, как в населении. Иммигранты без денег, словно солдат без оружия. Сделайте так, чтобы иммигрировали песо в эти страны будущего богатства и настоящей бедности...»⁷

Для Альберди беды южноамериканских стран проистекали из их стремления сразу же, непосредственно перейти от абсолютной монархии к «настоящей» республике. Альберди полагал, что между ними должен быть промежуточный этап – республика «возможная». «Республика не может иметь другой формы, когда следует за монархией: нужно поэтому, – внушал Альберди, – чтобы новый режим содержал кое-что от старого»⁸. В этой связи Альберди различал два типа конституции: «Есть конституции переходные, конституции создания. И есть конституции окончательные, конституции сохранения. Те конституции, в которых в настоящее время нуждается Южная Америка, относятся к первому роду: они являются конституциями особого времени»⁹.

Республика «возможная» должна была покончить с анархией и существовать до тех пор, пока гражданские свободы не вызовут появления новых обычаев и привычек, которые позволили бы перейти к республике «действительной».

Какие формы государственного устройства должна иметь республика «возможная»? Для Альберди обе системы – унитарная и

---

⁶ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 36.

⁷ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 82, 64, 163.

⁸ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 43.

⁹ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 37.

федеративная – имели право на существование, так как уходили своими корнями в историческое прошлое Аргентины. Унитарная традиция родилась из колониального единства вице-королевства, к которой революция добавила единство в борьбе за независимость. Альберди рассматривал федерацию не как наилучшую из форм государственного устройства, а как проистекавшую из разобщенности страны, доставшейся ей в наследство от колониального прошлого, и усиленную гражданскими войнами. Поскольку ни одна из них не одержала полной победы, Альберди пришел к выводу, что «невозможны ни чистая федерация, ни унитарное государство. Нужна унитарная федерация или федеративное единство»¹⁰, иными словами, «смешанная федерация»¹¹.

Вместе с тем взгляды Альберди не совпадали с классическим пониманием федерализма. У него речь шла не о союзе равных территорий, которые передают часть своего суверенитета центральному правительству, а о том, что федеральная власть предоставляет провинциям. Муниципальная система, права провинций – эти элементы демократии должны прийти позже.

Три главных элемента составляли республику «возможную»: высокоцентрализованная федерация; сильная, практически абсолютная власть президента и ограничение народного суверенитета посредством ограничения избирательного права. Политическими правами пользовались немногие – богатое, просвещенное меньшинство. Народ правом выбора не обладал. Гражданские права признавались за всеми жителями страны.

Для Альберди это не было отрицанием демократических принципов, а являлось неизбежным компромиссом со старым порядком. Разрыв с ним, создание «действительной» республики должны наступить позднее, когда новое население, промышленность и богатство покончат со старой культурой. На весь переходный период учреждалась республика «возможная». Ее задачей было создание гражданского общества, из которого в будущем появится республика «действительная».

Предложенное Альберди решение воплотилось в Конституции 1853 г., учредившей сильную исполнительную власть в лице президента. Альберди не скупился на похвалу следующему высказыванию С. Боливара: «Новые государства Америки, прежде испан-

---

¹⁰ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 118.

¹¹ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 102.

ской, нуждаются в королях под именем президентов»¹².

В представлении Альберди таким правителем был Уркиса, которому он и адресовал свой труд. «В немногие месяцы Ваше превосходительство осуществило то, к чему в течение многих лет безуспешно стремились правительства главных европейских стран и наиболее могущественная партия Аргентинской республики.

Я питаю уверенность, что огромная слава, – такая слава, которая до сих пор никому не принадлежала, – даровать республике долговременную конституцию, оставлена за счастливой звездой, которая направляет шаги Вашего превосходительства. С этим убеждением я провел много ночей за редактированием книги «Основы политической организации» для нашей страны, книги, которую я имею честь представить на суд Вашего превосходительства.

Я желаю видеть соединенной славу Вашего превосходительства с созданием Конституции»¹³.

Сармьенто высоко отозвался о труде Альберди. «Ваша конституция, – писал он Альберди, – это наше знамя, наш символ. Я думаю, что ваша книга «Основы» окажет благотворное действие»¹⁴.

Такая оценка Сармьенто не была случайной. Как и Альберди, его беспокоило прогрессирующее отставание Аргентины от передовых стран. Еще в 1845 г. он писал: «Цивилизованная Европа сегодня вторгается в Азию, Африку, Океанию, и если мы не противопоставим ей сильную власть, индустрию и богатство... европейские державы рано или поздно проглотят нас»¹⁵. Как и Альберди, он видел корень аргентинских бед – бедность, деспотизм – в социально-экономической и культурной отсталости, которая происходила из-за малочисленности креольского населения и его неспособности обеспечить прогресс и развитие страны. Как и Альберди, будущее Аргентины он связывал с созданием новой нации на основе массовой европейской иммиграции.

Соглашаясь с Альберди в целом, Сармьенто расходился с ним в определении путей практического осуществления национальной организации. По его мнению, ее невозможно было достигнуть при сохранении в стране каудильизма, что было несовместимо с «экономическими, промышленными и конституционными идеями, из-

---

¹² Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 43.

¹³ El pensamiento de Juan Bautista Alberdi. Buenos Aires, 2010. P. 95.

¹⁴ El pensamiento de Domingo Faustino Sarmiento. Buenos Aires, 2010. P. 155.

¹⁵ Sarmiento D.F. Obras completas. T. I–LII. Buenos Aires–Paris, 1895–1902. T. XXIII. Inmigración y colonización. P. 18.

ложенными в «Основах»¹⁶.

Для Сармьенто Уркиса являлся не руководителем строительства новой Аргентины, а оставался каудильо. Он был полезен «как орудие в свержении Росаса», «возможно необходимое и могущественное, но не более»¹⁷. «С конгрессом или без конгресса, – писал Сармьенто, – с Буэнос-Айресом или без него, с Директорией или без нее, с газетами или без них, он не будет главой республики... Это историческая невозможность, которую никто и ничего не может исправить. Он может победить Буэнос-Айрес, но возглавлять государство нет. Его роль закончена. Он будет Монком, Талье-ном»¹⁸.

По убеждению Сармьенто, только Буэнос-Айрес мог возглавить и успешно осуществить национальное строительство, поскольку в результате «революции 11 сентября» освободился от каудильизма. В начавшейся борьбе Буэнос-Айреса с Конфедерацией Сармьенто заявил себя на стороне первого. Он считал, что действительное падение Росаса (т.е. каудильизма. – В.К.) произошло не в Монте-Касерос, а 11 сентября¹⁹.

Альберди решительно не согласился ни с общей оценкой положения в стране, ни исторической роли Уркисы, данной Сармьенто.

С падением Росаса страна вступила в период мира и конституционной организации. Не признавать всего положительного, что сделал Уркиса, «значит идти против страны и ее интересов»²⁰. Интересы страны, подчеркивал Альберди, требуют единства всех сил. Он снова настаивает на необходимости переходного периода. «С каудильо, унитариями, федералистами и со всеми теми, кто составляет несчастную республику, нужно приступить к ее организации, не исключая даже плохих, потому что они также составляют часть семьи... Всякое исключение есть раздор и анархия. Вы скажете, что с плохими невозможна совершенная свобода... Этот принцип логически приведет вас к ликвидации всей аргентинской испано-колониальной нации, неспособной к республике и ее замене на аргентинскую англо-республиканскую, единственную свободную от каудильизма. Это было бы единственным средством

---

¹⁶ Sarmiento D.F. Campaña en el ejército grande. Mexico, 1958. P. 306.

¹⁷ Sarmiento D.F. Campaña en el ejército grande. P. 73, 298.

¹⁸ Sarmiento D.F. Campaña en el ejército grande. P. 316.

¹⁹ Sarmiento D.F. Campaña en el ejército grande. P. 297.

²⁰ J.B. Alberdi, D.F. Sarmiento. La gran polémica nacional. Buenos Aires, 2005. P. 42.

дать совершенную свободу. Но если вы хотите организовывать бывшую испано-аргентинскую колонию, т.е. родину, которая у вас есть, а не другую, вы должны предложить принцип несовершенной свободы. Стремиться же к свободе североамериканской республики только тогда, когда наш народ будет пользоваться богатством, культурой, прогрессом, каким пользуется население Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии и т.д.»²¹

По мнению Альберди, единственный способ покончить с гражданскими войнами это предоставить права всем без исключения жителям страны. «Дать гарантии каудильо, уважать гаучо, если хотите гарантий для всех»²².

Альберди отмечал, что враждебная Уркисе позиция Сармьенто, которую разделяли либералы Буэнос-Айреса, вела к нескончаемой войне. И, обращаясь к Сармьенто, он писал: «Это то, в чем нуждается Аргентинская республика? Это с бесконечной войной придет в страну торговля, дороги, все то, что должно спасти ее от безлюдья, нищеты и отсталости, которые являются ее результатом?»

Призывы Альберди не были услышаны. Аргентину еще долго потрясали гражданские войны.

III

В основе развернувшейся полемики лежало различное понимание Альберди и Сармьенто причин наступившей после войны за независимость внутривластной нестабильности, гражданских войн и диктатуры Росаса.

В основу своей концепции исторического развития Аргентины Сармьенто положил антиномию «варварство – цивилизация», изложенную им в книге «Фаундо. Цивилизация и варварство» (1845). По Сармьенто, Аргентина в первой половине XIX в. стала ареной двух одновременных войн: одна – это война, которую вели города – носители и проводники европейской культуры, – «цивилизации» – против испанских колонизаторов и их наследия; вторая – это война отсталой деревни – «варварства» – против городов.

Сармьенто искал корни и истоки «способа существования» аргентинской нации в «почве», под которой он понимал природные условия вкупе с расово-этническим составом населения.

Для объяснения аргентинского общества, привычек и обычаев социальных кругов Сармьенто исходил из географической среды. Природные условия порождают обычаи и навыки, присущие

---

²¹ J.B. Alberdi, D.F. Sarmiento. La gran polémica nacional. P. 45.

²² J.B. Alberdi, D.F. Sarmiento. La gran polémica nacional. P. 46.

именно этим условиям... одинаковые условия порождают одинаковые навыки, способы и средства»²³. Характерные черты природной среды – пустынность и протяженность. «Зло, от которого страдает Аргентинская республика, – подчеркивал Сармьенто, – это ее протяженность; пустынные земли окружают ее со всех сторон... одиночество, безмолвие, ни единого человеческого жилья – таковы, как правило, естественные границы между провинциями. Необъятность во всем»²⁴.

В этих природных условиях средоточием цивилизации являлись города. «Но стоит их покинуть, все меняется; у сельского жителя другая одежда; уклад его жизни совсем иной. Жители города и деревни словно принадлежат к двум различным обществам, это словно два чуждых друг другу народа»²⁵.

Сармьенто возлагал вину за различие между городом и деревней на «почву» и порождаемого ею человека. В городах – прогресс, разум, труд, культура, гражданское общество, законность; в деревне – застой, иррациональность, произвол, косность, тирания. «В Аргентинской республике на одной и той же земле соседствуют две различные цивилизации... Век XIX и век XII сосуществуют: один в городах, другой – в пампе»²⁶.

Основу аргентинского «варварского» общества составляли гаучо. Этот тип аргентинца-метиса появился в результате слияния двух миров – испанского и индейского. В представлении Сармьенто, гаучо склонен к праздности и не способен к промышленной деятельности. Он не работает, а лишь потребляет природу как не отделившееся от нее естественное существо. Она дает ему средства существования: мясо, кожу, одежду.

Гаучо – центральная фигура в сельской местности, где скотоводство – не просто занятие населения, но способ его существования. Преобладание пастушеского населения делает невозможным прогресс, так как человеческий коллектив не закреплен на земле. Исчезают или ослабевают общественные связи. Отсутствие единого общества делает невозможным любой вид правления: «муниципальной власти не существует», полиция не может выполнять свои обязанности, гражданское правосудие не в состоянии настичь пре-

---

²³ Сармьенто Д.Ф. Факундо: Цивилизация и варварство. М., 1988. С. 29.

²⁴ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 15.

²⁵ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 22.

²⁶ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 37.

ступника»²⁷.

В то же время пастушеская жизнь позволяла вести праздный образ жизни, поскольку стихийный рост поголовья скота, постоянно умножая богатства, делал излишним вмешательство человека; его труд, разум, время не были нужны для увеличения средств существования. Но если его руки не требовались для обеспечения материальной стороны жизни, свои силы он не мог использовать и на общественном поприще из-за отсутствия человеческого объединения, что делало невозможным какое бы то ни было социальное развитие. «Таким образом, – делал вывод Сармьенто, – цивилизация неосуществима во всем, варварство нормально»²⁸.

Сельская жизнь развила в гаучо физические способности, но не развила умственные. «Превыше всего гаучо уважает физическую силу, искусность в верховой езде и особенно храбрость... Он силен, горд, энергичен»²⁹. Заключая характеристику гаучо, Сармьенто отмечал его антисоциальные черты: он лишен всяких обязанностей, свободен от любого подчинения, не имеет ни малейшего представления о власти»³⁰.

Варварский образ жизни породил право на беззаконие. Среди аргентинцев установилось господство грубой силы, превосходство сильнейшего, возможность расправы без суда и следствия, безграничная и бесконтрольная власть тех, кто правит. Последствием подобного произвола было появление каудильо. Для Сармьенто очевидны социальные корни каудильизма: невозможность духовной жизни в пампе, отсутствие общественных дел. В этих условиях самореализация человека в обществе становилась невозможной. Там, где не было общества, там человек, наделенный незаурядными способностями, самоутверждался, став или преступником или каудильо³¹.

Таким образом, согласно Сармьенто, к 1810 г. в стране сложились два «способа существования», в столкновении между которыми он видел ключ к объяснению последующей истории страны. «До 1810 г. в Аргентинской республике было два различных общества, соперничающих и несовместимых, две различные цивилизации: одна испанская, европейская, просвещенная, другая – варвар-

---

²⁷ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 23.

²⁸ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 24.

²⁹ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 40, 27.

³⁰ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 39.

³¹ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 42.

ская, американская, почти индейская. Революция в городах послужила только толчком к тому, чтобы эти два различных способа бытия одного народа столкнулись друг с другом, сошлись в поединке и после долгих лет борьбы один поглотил другой»³².

Сармьенто сводил причины Войны за независимость к идейному влиянию Европы: «Всюду в Америке эти войны были одинаковы и порождены единым источником, а именно – развитием европейских идей»³³. Это была революция городов. Вопросы, которые она призвана решить – свобода, ответственность власти – воспринимались там с великим энтузиазмом, но были совершенно чужды пастушескому селу, образу жизни пампы, ее потребностям. Революция, отмечал Сармьенто, оказалась полезной пампе в одном отношении: она дала выход ее избыточным силам. Гаучо смогли реализовать свои физические задатки, воинственные наклонности, которые раньше тратились впустую в поножовщине. Сила, отвага, презрение к власти – «все это наконец смогло найти выход и развиваться в полной мере»³⁴.

Теория революции, изложенная Сармьенто, ясна и определена: когда общество вступает в период революции, в ней борются два противоположных принципа – революционный, желающий ввести перемены, и консервативный, пытающийся им помешать. В 1810 г. патриоты (революционеры) разбили роялистов (консерваторов) и первые, уже победители, раскололись на две силы: одна стремилась лишь к замене правительства (испанского туземным), другая желала довести революцию до конца.

Сначала пастушеское село примкнуло к революции, но очень быстро откололось от нее, образовав третью силу, одинаково враждебную как одному, так и другому лагерю, как монархии, так и республике, ибо обе они происходили из городов и несли определенный порядок. Так возникла монтонера – военная ассоциация гаучо – порождение пампы, враждебное городу и революции. Во главе ее стояли каудильо, которые повели войну против городов за освобождение от всякого гражданского правления. Итоги революции Сармьенто резюмировал в следующих словах: «Города побеждают испанцев, а пампа побеждает города». В этом он видел секрет революции, «первый выстрел которой прозвучал в 1810 г., а по-

---

³² Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 43.

³³ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 44.

³⁴ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 45.

следний еще впереди»³⁵.

Результатом победы пампы над городом, варварства над цивилизацией стала диктатура Росаса. С помощью жесточайшего террора Росас установил режим личной власти.

Сармьенто усматривал глубокие корни феномена Росаса в национальной жизни. Росаса и созданную им систему Сармьенто считал воплощением аргентинского «способа существования». Росас – «первый гаучо и наездник Аргентинской республики», был воплощением силы пампы, которой покорился город. Моделью государства Росасу послужила скотоводческая эстансия, где он жил долгие годы, и приемы управления которой он перенес на страну.

Сармьенто далек от огульной критики Росаса. Его отличал диалектический подход к оценке деятельности последнего. С одной стороны, «великий» злодей Росас, сохраняя внешние формы республиканского правления, наделяет себя «Всею Полнотою Общественной Власти», провозглашает себя «Славным Реставратором Законов» объявляет войну не на жизнь, а на смерть всему, что связано с наследием Майской революции. Но он же – «великое, мощное орудие в руках Провидения, осуществляющее все, что важно для будущего родины»³⁶. Под лозунгом «Да здравствует федерация! Смерть дикарям-унитариям!» он создает унитарную систему правления, искореняет федералистский дух. Пророческим стал следующий вывод Сармьенто: «Идея унитариев воплощена в жизнь – лишней здесь только тиран, и в тот день, когда одержит верх достойное правительство, оно не встретит сопротивления со стороны провинций, и все будет готово к объединению страны»³⁷.

Свою, отличную от Сармьенто, концепцию исторического развития Аргентины выдвинул Альберди.

Альберди стал первым аргентинским мыслителем, который занялся изучением аргентинской истории и политики путей анализа их экономической основы. «Экономический интерес, – писал он, – является высшим двигателем всех политических вопросов, которые целиком захватили современную жизнь аргентинского народа»³⁸.

Для Альберди история являлась «не катехизисом морали, не га-

---

³⁵ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 47.

³⁶ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 178.

³⁷ Сармьенто Д.Ф. Факундо. С. 178.

³⁸ Alberdi J.B. Estudios económicos. Buenos Aires, 1934. P. 178.

лереей примеров для подражания», а наукой, призванной объяснить ход событий и предвидеть их развитие. Он не принимал «военный» подход к изучению Войны за независимость, который, выпячивая роль военных, приносил большой вред, так как скрывал ее истинные причины: экономический интерес Европы в освобождении Америки. Альберди считал необходимым изучать исторические события в их «среде», иными словами, конкретно-исторически. С этих позиций он подходил к оценке Войны за независимость – аргентинской революции. Как и Сармьенто, он считал ее незаконченной. Но в отличие от последнего, Альберди не сводил причины Войны за независимость к идейному влиянию Европы. Альберди указывал на причинно-следственную связь событий, происшедших в Старом и Новом Свете в конце XVIII – начале XIX в.: аргентинская и южноамериканская революция являлась частью испанской, которая представляла собой фазу французской, как сама французская революция была этапом трансформации, «которую Европа проходила уже три века»³⁹.

Альберди утверждал оригинальный характер аргентинской революции и считал неверным, как Сармьенто, объяснять ее, исходя из аналогии с английской, французской и североамериканской. Первые две решали исключительно внутренние задачи. Над Англией и Францией не довлело иностранное господство. «Здесь был народ против знати, равенство против феодализма, свобода против деспотизма. Революция была войной части английского народа против другой части английского народа. То же было во Франции»⁴⁰. Иным было положение в Аргентине, где борьба шла между колонией и метрополией и революция носила общенациональный характер. «Прошлое не имело защитников. Ни один аргентинец не боролся ни за знать, ни за трон, ни за то, чтобы вновь стать подданным Испании»⁴¹.

Альберди, как и Сармьенто, не сводил революцию к решению национально-освободительной задачи. Она преследовала две цели: внешнюю и внутреннюю, независимость от Испании и создание демократического государства. Если первая достигнута, то вторая нет⁴². В этом он видел ее принципиальное отличие от североамериканской революции, которая «имела единственной целью неза-

---

³⁹ Alberdi J.B. *Grandes y pagueños hombres del Plata*. Paris, 1912. P. 64, 69.

⁴⁰ Alberdi J.B. *Grandes y pagueños hombres del Plata*. P. 36.

⁴¹ Alberdi J.B. *Grandes y pagueños hombres del Plata*. P. 36.

⁴² Alberdi J.B. *Grandes y pagueños hombres del Plata*. P. P. 29, 48.

висимость, поскольку свободное правительство уже существовало⁴³.

Незавершенный характер аргентинской революции Альберди объяснял тем, что колониальный режим сохранился и после завоевания независимости. Его воплощением стал Буэнос-Айрес. Конфликт между Буэнос-Айресом и остальной страной Альберди положил в основу объяснения национальной истории.

Майская революция 1810 г. в Буэнос-Айресе открыла период борьбы за независимость. В ней вся страна «думала и действовала как Буэнос-Айрес, все были за независимость». При решении второй задачи – создание национальной власти, интересы провинций и Буэнос-Айреса разошлись. «Все были против Буэнос-Айреса. Почему? Чего хотел Буэнос-Айрес? Установить суверенитет своей провинции над всей нацией. Чего хотели другие провинции? Чтобы национальный суверенитет осуществлялся всеми провинциями, представленными в центральном правительстве»⁴⁴.

В революции Буэнос-Айрес преследовал цель освобождения от Испании и установления господства над провинциями. Провинции же стремились к противоположному: освободиться от Испании и Буэнос-Айреса. Из-за эгоистической позиции последнего война за независимость превратилась в гражданскую войну. Патриоты разделились на два лагеря: унитариев и федералистов.

Унитарии под видом единого государства стремились навязать всей стране власть Буэнос-Айреса. Сопrotивление провинций диктату Буэнос-Айреса приняло форму федерализма. Федералисты боролись за создание правительства, которое представляло бы интересы всех провинций.

Борьба унитариев и федералистов привела к тому, что не стало ни федерального, ни унитарного правительства. Не сумев навязать стране свою власть от имени унитаризма, Буэнос-Айрес обратился к федерализму. «Такая федерация, – отмечал Альберди, – являлась смесью единства и независимости. Под видом единства Буэнос-Айрес забрал всю власть и богатство. Под видом федерализма он обрел независимость в пользовании ими»⁴⁵.

Альберди указывал на экономический интерес Буэнос-Айреса в создании именно такой федерации. «Аргентинская федерация – это разновидность копилки, где все провинции хранят свои доходы, но

---

⁴³ Alberdi J.B. *Grandes y pegueños hombres del Plata*. P. 40.

⁴⁴ Alberdi J.B. *Escritos postumos*. T. V. Buenos Aires, 1900. P. 177.

⁴⁵ Alberdi J.B. *Escritos postumos*. T. V. P. 130.

ключ от которой находится в руках Буэнос-Айреса, и чье богатство служит лишь тому, у кого имеется ключ от нее. А ключ – это порт Буэнос-Айреса»⁴⁶.

Неудивительно поэтому, что при Росасе Буэнос-Айрес сопротивлялся созданию национального правительства. Посредством квазиединой федерации он отбирал в своем порту у провинций их таможенные доходы, что давало ему власть распоряжаться таможней и внешней торговлей страны»⁴⁷.

Для провинции независимость от Испании обернулась подчинением Буэнос-Айресу. Произошла реформа колониализма, а не его уничтожение⁴⁸. «Под видом одной страны, – подчеркивал Альберди, – существовало две: метрополия – Буэнос-Айрес и провинции – вассалы. Одна управляла, другая подчинялась. Одна пользовалась богатствами, другая их создавала»⁴⁹.

Революция породила и такой феномен общественной жизни как каудильзм. В представлении Альберди каудильо – вождь народных масс, которые его избирали и давали власть в силу суверенитета, которым революция наделила весь народ, образованный и необразованный. Поэтому каудильзм неотделим от демократии и революции. Федерализм, за который боролись каудильо, в понимании народа означал демократию: участие всех на равной основе в управлении страной⁵⁰.

Это была полуварварская демократия. Альберди не защищал ее, еще меньше желал ее сохранения. Для него это была реальность, с которой необходимо было считаться. Она неизбежна, если за всеми жителями страны признавать равное право избирать и быть избранным.

Альберди занимал вопрос: как устранить каудильзм, не уничтожая демократии, которая его породила. «Есть только одно средство уничтожить каудильзм, – считал Альберди, – это средство состоит не в уничтожении демократии, а в ликвидации той ее формы, которая позволяет наименее образованной части народа выбирать руководителей для всей страны»⁵¹. Так еще раз Альберди обосновал необходимость существования республики «возмож-

---

⁴⁶ Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 130.

⁴⁷ Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 139.

⁴⁸ Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 109.

⁴⁹ Alberdi J.B. Grandes y pagueños hombres del Plata. P. 107.

⁵⁰ Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 197.

⁵¹ Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 205.

ной».

Альберди не принимал концепцию Сармьенто в главном: нельзя отождествлять цивилизацию с городом, а варварство с деревней. «На Ла-Плате, как и в остальной Америке, есть только одно деление: индейцы-дикари и европейская раса, которая представляет христианскую цивилизацию. К ней принадлежит Буэнос-Айрес и аргентинские провинции. Они представляют цивилизацию, а индейцы пампы – варварство. Переносить это деление на людей города и деревни значит принимать костюм цивилизации за саму цивилизацию»⁵².

Согласно Альберди, в основе цивилизации лежит экономическая деятельность, производство. Все аргентинское богатство рождено сельским хозяйством и находится в деревне. «Там, где находится это богатство, – подчеркивал Альберди, – там находится цивилизация»⁵³. Города с момента своего основания носили в значительной мере паразитический характер, так как в них были запрещены ремесла, торговля, наука. «Всего этого они лишены и сегодня, – отмечал Альберди, – так как Европа все это дает в обмен на продукцию полей. Такие города не могут представлять цивилизацию лучше, чем деревня, откуда они получают элементы цивилизованной жизни»⁵⁴.

Если для Сармьенто гаучо – варвар, то в трактовке Альберди – он главный производитель богатства страны и представлял европейскую цивилизацию лучше, чем непродуцирующий работник города.

Альберди и Сармьенто по-разному понимали природу каудильизма и диктатуры Росаса. Автору Факундо каудильизм виделся как продукт варварской деревни. Здесь он искал происхождение Росаса как всемогущего деспота и тирана. Напротив, для Альберди истоки каудильизма лежали в отсутствии экономического порядка, когда все материальные и финансовые ресурсы страны были монополизированы Буэнос-Айресом. Это стало причиной и источником возникновения абсолютной власти, персонифицированной в Росасе, прототипе Факундо, Альдао и других каудильо. Последние стали агентами Росаса и проводниками его политики в провинциях.

Альберди настаивал на том, что природа политической власти

---

⁵² Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 351.

⁵³ Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 298.

⁵⁴ Alberdi J.B. Escritos postumos. T. V. P. 381.

находится в экономике. Поэтому вся полнота общественной власти, с которой Росас правил, «происходила не из закона и плебисцита, а из всей суммы аргентинского богатства, сконцентрированного в Буэнос-Айресе»⁵⁵. Без него вся власть Росаса носила бы лишь номинальный и платонический характер. Альберди вновь и вновь повторял: «Закон, который дал Росасу всю полноту власти, дал ему то, что его правительство уже имело в ресурсах, сосредоточенных в Буэнос-Айресе»⁵⁶.

В отличие от Сармьенто, который причины гражданской войны усматривал в борьбе варварства и цивилизации, Альберди видел их в отсутствии реальной и эффективной национальной власти. Возражая Сармьенто, Альберди писал: «Буэнос-Айрес и те, кто им владел, побеждали, как раньше, так и теперь, не потому, что они представляли варварство и цивилизацию, а потому что имели реальную власть, которая заключается в сконцентрированном здесь богатстве. Это – победа ресурсов над их недостатком или отсутствием»⁵⁷. Контроль Росаса над этими ресурсами дал ему всю полноту власти. Это стало причиной и источником его диктаторской власти. «Весь аргентинский каудильизм, – отмечал Альберди, – родился из этой первопричины»⁵⁸. «Здесь источник Росаса как каудильо всех каудильо»⁵⁹. Для Альберди Росас как тиран – временное явление, но тирания, которую он персонифицировал, была постоянным явлением и могла быть устранена лишь с ликвидацией провинции-метрополии.

IV

Согласно Альберди, республика «возможная» должна была строиться на принципах классического либерализма. На протяжении всей своей жизни он оставался твердым его приверженцем. «Управляйте немного, вмешивайтесь поменьше, позволяйте делать как можно больше, не заставляйте чувствовать власть, это лучшее средство ее уважать»⁶⁰. Незадолго до смерти Альберди вновь настаивал на роли государства – «ночного сторожа». «Все могущество государства является не только отрицанием свободы, но так-

---

⁵⁵ Alberdi J.B. *Escritos postumos*. T. V. P. 287.

⁵⁶ Alberdi J.B. *Escritos postumos*. T. V. P. 283.

⁵⁷ Alberdi J.B. *Grandes y pegueños hombres del Plata*. P. 341–342.

⁵⁸ Alberdi J.B. *Grandes y pegueños hombres del Plata*. P. 338.

⁵⁹ Alberdi J.B. *Grandes y pegueños hombres del Plata*. P. 389.

⁶⁰ Juan Bautista Alberdi. Madrid, 1988. P. 16.

же отрицанием общественного прогресса, потому что оно подавляет частную инициативу в этом прогрессе... Государство становится фабрикантом, предпринимателем, банкиром, торговцем, издателем и таким образом отвлекается от своей главной и единственной задачи защиты индивидов от всякой внешней и внутренней угрозы»⁶¹.

Следуя за А. Смитом и его теорией трудовой стоимости, Альберди следующим образом разъяснял ненужность и вредность активного участия государства в экономике: «Кто создает богатство? Разве оно является результатом труда правительства? Оно декретирует богатство? Правительство может мешать или помогать его созданию, но оно не является создателем богатства»⁶².

Богатство создается трудом человека и государство обязано гарантировать свободу труда. «В соответствии с этим организовать труд, – подчеркивал Альберди, – это не что иное, как организовать свободу во всех областях: в сельском хозяйстве, торговле, промышленности»⁶³. Организация труда со стороны государства должна носить, прежде всего, своего рода нейтральный характер: оно должно воздерживаться от вмешательства в деятельность человека и позволить ему свободно использовать свои способности. Закон же призван защитить и обеспечить за каждым свободное пользование результатами его труда. И уже непосредственно апеллируя к Смиту, Альберди провозглашал: «Вся слава Адама Смита, этого Гомера истинной экономики, основывается на том, что он доказал то, что другие лишь чувствовали: свободный труд есть основной, жизненно необходимый принцип богатства»⁶⁴.

Признавая сельское хозяйство основой и главной отраслью аргентинской экономики, Альберди в отличие от Сармьенто не придавал аграрному вопросу первостепенного значения. Он не призывал к ограничению, тем более к разделу латифундий. Его позиция не выходила за рамки ортодоксального либерализма: позволить действовать, не мешать частной инициативе. «Организовать сельское хозяйство в соответствии с современной конституцией значит организовать его свободу»⁶⁵. Задача правительственной политики

---

⁶¹ Juan Bautista Alberdi. P. 16.

⁶² Alberdi J.B. Sistema económico y rentístico de la Confederación Argentina. Buenos Aires, 1921. P. 20.

⁶³ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 21.

⁶⁴ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 21.

⁶⁵ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 35.

заклучалась в устранении всех препятствий для свободного приложения капитала к земле, под чем Альберди понимал отмену еще действовавших испанских законов⁶⁶.

Для заселения страны, облегчения доступа иммигрантов к земле Альберди предлагал реформировать систему аренды: сделать ее бессрочной, обеспечить право арендатора на возмещение произведенных улучшений. Вместе с тем Альберди был против государственного вмешательства в перераспределение земли в пользу земледельцев, считая необходимым оставить свободным «выбор пути, ведущего к богатству»⁶⁷.

Аналогичной позиции невмешательства государства Альберди придерживался и в отношении промышленности. Констатируя полное отсутствие в стране фабричной промышленности, он видел задачу в ее создании⁶⁸. Роль государства при этом ограничивалась профессионально-техническим обучением рабочих, отменой всех законов, оставшихся с колониальных времен и ущемлявших свободу предпринимательской деятельности. Альберди утверждал незаконный характер промышленной деятельности государства. «Государство создавалось не для эксплуатации промышленности с целью получения прибыли». Его роль сугубо политическая и «ограничивается законодательством, судопроизводством и исполнением законов». Оно должно быть «хранителем и часовым прав человека»⁶⁹. Подытоживая свои размышления по этому вопросу, Альберди писал: «Нет худшего земледельца, коммерсанта и фабриканта, чем правительство, потому что все эти вещи далеки от сферы его деятельности. Правительство не имеет ни времени, ни денег, ни конституционных прав для этого. Оно создано не для того, чтобы быть коммерческим предприятием, а для управления государством»⁷⁰.

Свободу труда Альберди понимал двояко: как свободу предпринимательской деятельности и как личную свободу рабочего. Последнюю он трактовал как свободу от всех пут личной зависимости, так и от законов, регулирующих отношений между трудом и капиталом. Он решительно выступал против принятия рабочего законодательства, считая достаточным для охраны труда рабочих

---

⁶⁶ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 35, 110, 112.

⁶⁷ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 112–113.

⁶⁸ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 38.

⁶⁹ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 52.

⁷⁰ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 101.

обычных гражданских законов. «Организовать работу есть не что иное, как организовать осуществление свободы труда, которую конституция гарантирует всем жителям». Есть лишь одна система регламентации свободы, из которой следует, что свобода одних не должна ущемлять свободу других. Выйти из этих рамок означает не регламентировать свободу, а стеснять ее»⁷¹.

Альберди выступал противником классовой борьбы рабочих с капиталистами, считая, что социалистические идеи неприменимы к условиям Аргентины и всей Америки, поскольку условия жизни и труда в Старом и Новом Свете кардинально различаются. Если в Европе зарплата рабочего была недостаточной для жизни, то в пустынной Америке «она поднималась до деспотизма». В Европе рабочий был «слугой капиталиста, здесь – его королем и повелителем». «Роли полностью поменялись... У нас капитал нищий, что касается рабочих рук и труда... Рабочий заставляет себя искать... Он может испытывать все несчастья, кроме голода... Сама земля дает ему средства к жизни, когда он не хочет работать... В большинстве случаев он беден, потому что бродяга, лентяй и лодырь. А лентяй и лодырь он не просто из-за отсутствия работы, а из-за избытка продуктов питания»⁷². «У нас сфера труда не является полем битвы; нет конкуренции, нет жертв»⁷³.

Решение рабочего вопроса Альберди виделось в принятии законодательства против бродяг, в профессионально-техническом обучении рабочих и в полной свободе труда.

Альберди скептически относился к общему образованию, которое вкупе с неизжитым колониальным прошлым могло породить лишь гибрид – коррумпированную демократию. Вместо ораторов, адвокатов, теологов Альберди желал прихода инженеров, геологов, естествоиспытателей. Он ратовал за обучение в процессе труда, что отвечало главной цели всего его проекта: формирование нового типа аргентинца, способного преодолеть все препятствия на пути к прогрессу и превратить свою землю в почву для будущей великой нации. Приобщение к современной цивилизации должно было стать главной целью образования. «Для того чтобы приносить реальные плоды, образование должно сосредоточиться на прикладных науках и искусствах, на практических вещах, на живых языках, на знаниях, которые приносили бы непосредственную

---

⁷¹ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 55.

⁷² Alberdi J.B. Sistema económico. P. 92.

⁷³ Alberdi J.B. Sistema económico. P. 94.

материальную пользу»⁷⁴.

Альберди видел главный тормоз для дальнейшего экономического развития страны в существовавшей финансовой системе, олицетворением которой были государственные банки (Национальный и провинции Буэнос-Айрес) и неконвертируемые бумажные деньги. «Как обращается страна со своей торговлей? Как со смертельным врагом. Первое, в чем нуждается торговля для безопасности своих операций, это в хорошей денежной системе. Но на Ла-Плате нет денег в собственном значении этого слова, ни золотых, ни серебряных. В их роли выступают бумажные деньги как обязательства по государственным займам»⁷⁵.

Для Альберди такое положение вещей стало прямым результатом отсутствия в стране настоящих, то есть коммерческих банков, подчиненных торговому кодексу и уголовному праву. «Пока не будет банкира – торговца деньгами, банкноты, – по убеждению Альберди, – не станут действительными деньгами, конвертируемыми в золото и серебро». Этому мешало наличие в Буэнос-Айресе привилегированных правительственных банков. «Эти банки, банки лишь по названию, существуют для того, – отмечал Альберди, – чтобы исключить возникновение настоящих банков»⁷⁶.

По существу, государственные банки являлись мощным насосом по перекачке национального богатства в руки правительства. «Государственные банки, – разъяснял Альберди, – это учреждения по эмиссии государственного долга в форме бумажных денег. Банки такого типа передают богатства нации в руки правительства посредством выпуска займов, чьи бонны или билеты позволяют брать у нации все богатство, но не платить процентов, более того, присваивать даром часть богатства в результате инфляции». «Такие банки, – подчеркивал Альберди, – это фабрики кризисов, нищеты и разрухи»⁷⁷.

Альберди обращал внимание и еще на одну их функцию. «Заставить страну давать займы правительству свое богатство путем эмиссии государственного долга в форме неконвертируемых бумажных денег, объявляя их принудительный курс и покупая на них золото, чтобы платить проценты по своим иностранным долгам». «Невозможно представить себе, восклицал Альберди, – более эф-

---

⁷⁴ Alberdi J.A. Bases y puntos. P. 46.

⁷⁵ Alberdi J.B. Estudios económicos. Buenos Aires, 1934. P. 137.

⁷⁶ Alberdi J.B. Estudios económicos. P. 138.

⁷⁷ Alberdi J.B. Estudios económicos. P. 257.

фективного механизма, чтобы привести страну к нищете и держать в ней земли, наиболее благодетельствованные в мире по своей протяженности и плодородию»⁷⁸.

Альберди предлагал иной путь решения внешней задолженности: передать иностранным кредиторам в уплату долгов общественные земли». Это было бы лучшим средством заселить эти пустынные и бесполезные земли колониями европейских иммигрантов»⁷⁹.

В соответствии со своими взглядами, Альберди предлагал следующую реформу финансовой системы: замену государственных банков частными, акционерными; эмитируемые ими билеты должны конвертироваться в золото; государство перестает быть банкиром, а остается лишь защитником свободы банковской деятельности⁸⁰.

Альберди, мало принимавший участие в политической борьбе, не был государственным деятелем. Свой проект национального строительства он адресовал сначала Уркисе, а после его поражения в борьбе с Буэнос-Айресом генералу Х.А. Роке, который в 1880 г. осуществил феодализацию Буэнос-Айреса и стал президентом республики «возможной».

Напротив, Сармьенто был активным политиком. Падение диктатуры Росаса сделало его государственным деятелем. В 1868–1874 гг. он был президентом Аргентины.

Через все сочинения Сармьенто после 1852 г. проходит одна главная мысль: как преодолеть «варварство» и построить «цивилизованную» Аргентину.

В отличие от Альберди Сармьенто не допускал компромисса со старым порядком. Для него варварство носило прежде всего социальный характер: безлюдная пастушеская деревня, одиночество, неграмотность. Альберди проектировал варварство на политический порядок: сопротивление власти, отрицание закона. Для Альберди символом цивилизации был порядок, неукоснительное соблюдение принципа власти. А все, что этому мешало, являлось варварством. У Сармьенто республика создает гражданина, который формирует общество. У Альберди наоборот: пока трансплантация европейской цивилизации не приведет к социальным изменениям, нужно опираться на традиционные социальные силы.

---

⁷⁸ Alberdi J.B. Estudios económicos. P. 87.

⁷⁹ Alberdi J.B. Estudios económicos. P. 323.

⁸⁰ Alberdi J.B. Estudios económicos. P. 260.

Сармьенто считал достаточным при активном участии правительства перенести в Аргентину материальную часть цивилизации. Иммигрант должен быстро натурализоваться, и старая Аргентина исчезнет. В понимании Сармьенто республика «возможная», по Альберди, означала аристократическую власть, являлась реакционной идеей.

Сармьенто указывал, что монархизация исполнительной власти будет иметь непредсказуемые для страны последствия, ее концентрация в руках федерального правительства сделает призрачными права провинций. Отсутствие сдержек и противовесов, гарантий прав меньшинства приведут к образованию провинциальных олигархий. Разрушению федеральной системы будет способствовать также конституционная фигура губернатора как агента федерального правительства. Верховенство провинций над местными органами, а национального правительства над провинциальными он не без основания рассматривал как наихудшее из зол⁸¹.

Сармьенто предлагал перенести в Аргентину конституционную модель США. Он – сторонник реальной федерации. Сармьенто выступал за такое федеральное правительство, в котором принимала бы участие каждая провинция и таким образом, путем взаимного контроля, гарантировалась свобода. Без политических свобод в провинциях федеральная система не располагала бы «резервами свободы», чтобы противостоять национальному правительству. Но чтобы в провинциях восторжествовала демократия, необходима коренная реорганизация провинциальных legislatures, превращение их через свободные выборы в центры народного представительства⁸². По примеру США нужно учредить трехуровневую систему власти: муниципалитеты, провинциальные legislatures и национальный конгресс. Каждый из этих органов имел бы разную власть и функции. Legislature становилась «муниципалитетом муниципалитетов». Конгресс – представителем населения каждой провинции⁸³.

Сармьенто выступал против разграничения гражданских и политических прав. Для Альберди это – основополагающая идея, наиболее эффективная формула для решения проблемы установления политических свобод, надежная преграда на пути «неограни-

---

⁸¹ Sarmiento D.F. Obras completas. T. VIII : Comentarios de la constitución. P. 162, 199.

⁸² Sarmiento D.F. Obras completas. T. VIII. P. 103.

⁸³ Sarmiento D.F. Obras completas. T. VIII. P. 241, 247.

ченной демократии». Такой путь не устраивал Сармьенто. Вместо трансплантации гражданского общества он предлагал скопировать североамериканскую политическую систему – конституция и законы должны немедленно превратить иммигранта в гражданина, обязать принять его гражданство, как в США. «Различие между аргентинцами и иммигрантами необходимо устранить. Вместо двух наций должна быть одна Аргентинская нация; вместо двух прав – одно общее право. Иностранцы, говорит сеньор Альберди, пользуются гражданскими правами... Зачем проводить различие»⁸⁴. По мысли Сармьенто, неучастие в политической жизни формирует у иммигранта эгоизм, превращает его лишь в агента материального благополучия, исключая из демократического процесса, тогда как он должен быть «элементом порядка и свободы, стеной против варварства»⁸⁵.

Центральную роль в преобразовании страны Сармьенто отводил всеобщему просвещению народа. В нем он видел ключ к решению всех стоящих перед страной проблем. Школа формирует национальное единство. Народное образование – отправной пункт для создания республики. «В школе закладываются основы республики и нации, которую мы должны создать»⁸⁶. Цель образовательной системы – формирование граждан. Поэтому образование должно стать доступным для всех, его необходимо распространить на все классы общества. В отсутствие образования Сармьенто усматривал причины классовых различий. «У нас общество разделено на богатую аристократию, у которой земля и власть и бедных белых, у которых нет состояния». «Это результат плохого образования»⁸⁷.

По убеждению Сармьенто, равные права, предоставленные конституцией всем жителям страны, станут основой демократической организации лишь при условии, что они ими смогут сознательно пользоваться. Отсюда вытекала обязанность любого правительства дать образование подрастающему поколению. Бедный отец не мог быть ответственным за образование своих детей. Но общество заинтересовано дать образование всем детям, чтобы они со временем составили нацию на основе полученного в детстве образования и были в достаточной степени подготовлены к исполне-

---

⁸⁴ Sarmiento D.F. Obras completas. T. VIII. P. 351.

⁸⁵ Sarmiento D.F. Obras completas. T. VIII. P. 353.

⁸⁶ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 190.

⁸⁷ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 245.

нию общественных обязанностей.

Выход из классового неравенства лежал в создании единой для всех аргентинцев школы. При этом условии образование представляло бы реальное равенство, так как, учась в одной школе, дети богатых и бедных родителей получают одинаковое образование, будут разделять одинаковые привычки и культурные ценности⁸⁸. В такой школе образование создает настоящую демократию, уравнивая расы и классы⁸⁹. Отсюда вытекала формула Сармьенто: «Школы – это демократия». «Для того чтобы в Аргентинской республике был мир, чтобы монтонерос не восставали, чтобы не было бродяг, нужно обучать настоящей демократии, дать всем одинаковое образование, чтобы все были равными»⁹⁰.

В отличие от Альберди, который выступал за практическое образование, Сармьенто придавал школе роль важного агента социальных изменений и учителя, обучающего детей грамматике и арифметике. При этом он не был противником профессионально-технического образования, но считал, что ему требуется школьный фундамент.

Две силы, согласно Сармьенто, способны возродить страну: «Народное образование и иммиграция»⁹¹. Успешная иммиграция неразрывно связана с решением аграрного вопроса. Чтобы укорениться в стране, иммигранты должны получить в собственность землю. Одновременно землевладельцем должен стать и гаучо. «Сегодня, – констатировал Сармьенто, уже будучи президентом, – гаучо не имеет клочка земли, где преклонить голову»⁹². Превращение гаучо в мирного земледельца навсегда покончит с монтонерой и каудильизмом, а получение образования разовьет его интеллект и позволит с большей производительностью трудиться на земле⁹³.

Моделью будущего аграрного строя должны стать земледельческие колонии, наподобие созданной в Чивилькое, «с землей для каждого главы семьи и школой для его детей»⁹⁴. В колониях на собственной земле трудились бы вчерашний гаучо и иммигрант: здесь же они и их дети учились бы. По убеждению Сармьенто, образование и аграрная демократия нераздельны, являясь эффектив-

---

⁸⁸ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 153.

⁸⁹ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 245.

⁹⁰ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 247.

⁹¹ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XV : Las ciento y uno. P. 226.

⁹² Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. Discursos populares. P. 242.

⁹³ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 191, 262.

⁹⁴ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 266.

ным средством борьбы с варварством и основой цивилизации. Свою социальную программу президент Сармьенто выразил в следующих словах. «Улучшить социальные условия жизни большинства населения посредством образования и лучшего распределения земли»⁹⁵.

Возвращаясь к проблеме «варварство – цивилизация», уже будучи государственным деятелем, Сармьенто связывал варварство с архаичным аграрным строем. Распределение земли соответствовало варварскому обществу. Здесь корень зла. «Занять, владеть и не заселять» было неписанным принципом колонизации. В течение трех веков земля являлась объектом присвоения, а не работы. «Собственностью был скот, земля не обрабатывалась»⁹⁶. «Каудильизм – результат выращивания скота без земледелия. Росас был губернатором скота». «Вашингтон и Росас представляют собой две системы колонизации»⁹⁷.

В решении аграрного вопроса Сармьенто вдохновлялся примером США. «В США общественная земля распределяется маленькими участками, по сравнению с Аргентиной, и это породило общество равных». «В США нет пролетариата как среди нас, и как следствие – нет нищеты, зависимости, деградации»⁹⁸.

Став президентом, Сармьенто выдвинул программу превращения Аргентины в страну с развитым сельским хозяйством, промышленностью и торговлей. Развивая демократические идеи, заложенные в конституции, Сармьенто ратовал за введение в стране свободных выборов. Столь впечатляющая программа, будь она выполнена, открыла бы дорогу для превращения Аргентины в передовое государство своего времени. Она отвечала интересам национального развития, но при попытке проведения ее в жизнь Сармьенто столкнулся с серьезными трудностями, что предопределило в конечном итоге неудачу его главных начинаний. Несмотря на это, он до конца своих дней (умер в 1888 г.) оставался горячим поборником развития Аргентины по американскому пути.

---

⁹⁵ Sarmiento D.F. Epistolario entre Sarmiento y Posse. T. I–II. Buenos Aires, 1946. T. I. P. 188.

⁹⁶ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXIII. Inmigración y colonización. P. 25.

⁹⁷ Sarmiento D.F. Obras completas. T. XXI. P. 262, 192.

⁹⁸ Sarmiento D.F. Obras completas. T. VIII. P. 160–161.

А.А. Щелчков
A.A. Schelchkov

Социальный консерватизм и христианский социализм в Латинской Америке в XIX веке.

Social Conservatism and Christian socialism in XIXth Centure Latin America.

Аннотация: В статье исследуется творчество четырёх латиноамериканских мыслителей и общественных деятелей XIX века, колумбийцев Хосе Эусебио Каро, Мануэля Мариа Мадьедо, венесуэльца Фермина Торо, мексиканца Хуана Непомусено Адорно. Все они представляют особое направление в общественной мысли: социальный консерватизм, близкий по своей природе утопическому социализму и социал-христианству.

Ключевые слова: Социальный консерватизм, социальная утопия, клерикализм, христианский социализм.

Abstract: The thinking of four mid 19th century Latin American writers and politicians is analyzed in this article; the Colombians Jose Eusebio Caro and Manuel Maria Madiedo, the Venezuelan Fermín Toro and the Mexican Juan Nepomuceno Adorno. They all represent a specific current in Latin American social thought; Social Conservatism, which, given its nature, is close to Christian and utopian socialism.

Keywords: Social conservatism, Social utopia, clericalism, Christian socialism

В латиноамериканской общественной мысли XIX века на особом месте стоит социальный консерватизм, в котором переплетались как традиционализм и испанизм политического консерватизма, так и идеи христианского социализма и социальной справедливости. Консерватизм в Латинской Америке питался не только испанской нео-схоластикой и клерикализмом, восходящих к колониальному периоду, но и новыми идейными веяниями, европейским романтизмом, торжествовавшем в эпоху реставрации и Священного союза в Европе. Консерватизм как в Европе, так и в Латинской Америке был идейной реакцией на индивидуализм и рационализм, ставшие господствующей системой взглядов в обществе после Великой французской революции. Он противопоставлял им христи-

анскую мораль, религиозность и традиционные сословные устои, в своей совокупности формировавшие их представление о социальной гармонией.

Вполне естественной для XIX века, особенно в первой половине, был частый переход либеральных политиков и мыслителей на позиции социализма или социал-либерализма, в то время как консерваторы единодушно выступали против новомодных европейских теорий радикального либерализма и социализма. Однако, это влияние после революций 1848 г. было столь всеобъемлющим, что даже консервативные мыслители не могли не реагировать на него, стремясь найти свой ответ на те вызовы, которые предъявляла новая эпоха.

Важнейшим источником идейного вдохновения как у молодых либералов, так и у консерваторов была деятельность и взгляды основателей французского социал-христианства и либерального католицизма Р.Ф. Ламенне и Ж.Б. Лакордера. Бурные проповеди и тексты первого, речи и лекции второго, первоначально всколыхнули Францию, а затем и весь католический латинский мир. Со временем из взгляды радикализировались, и мятежный аббат Ламенне оказался вне церкви, а его идеи преодолели континенты и стали знаменем целого поколения в Новом свете. Социал-христианское наследие Ламенне было положено в основу новых идейных построений политиков и мыслителей как либерального направления, так и консерваторов, в различных странах Латинской Америки.

Во многих странах региона либеральные и консервативные партии в середине XIX века переживали начальный процесс формирования собственной идеологии, создания оригинальной политической программы. На первом этапе своей истории оба политических течения были не только идейно-политически близки друг к другу, но переживали одинаковые внешние воздействия со стороны как новых идей, так и от политических потрясений в Европе. В тот период, особенно в таких странах как Колумбия (Новая Гранада), консерваторы порой называли себя настоящими либералами в отличие от «красных» радикалов, считавших себя либералами. Идеологическое и политическое отделение консерваторов от либералов происходило очень медленно, сопровождалось постоянными сменами «вывесок» и переходов из одной партии в другую, пока в конце 40-х годов оно не стало окончательным и четким. Тем не менее, обе политические группы имели общие идейные источники, питались одними и теми же идеями просвещения и рационализма. Существует исторический анекдот о том, что один из вид-

ных колумбийских политиков-консерваторов Мариано Ospina радостно бросился бить в колокола кафедрального собора в Боготе, получив известия о февральской революции во Франции 1848 г. и о свержении монархии¹. Он же затем был готов возглавить «крестовый поход» против последователей французского 1848 г. в Новой Гранаде. После Войны за независимость республиканизм одинаково вдохновлял и консерваторов, и либералов. Однако, именно революция 1848 г. ускорила их размежевание и непреклонность в отстаивании своих принципов.

Постепенно в лоно консервативных партий проникали идеи социальной справедливости и равенства. Этому способствовали разочаровывающие впечатления от противоречивых последствий промышленной революции в Европе, с сопровождающими её вопиющим по своей бесчеловечности разрушением человеческой личности, забвением христианских (евангельских) ценностей, отчаянным ростом пауперизма, пролетаризации, моральной деградации народных низов. Неприятие такого типа прогресса в Европе заставляло консерваторов искать иные рецепты развития и сохранения традиционных устоев своих народов.

В Мексике, Колумбии, Венесуэле появлялись оригинальные мыслители, остававшиеся верными доктрине консерватизма, но при этом искавшие свой путь к социальной справедливости, равенству и братству. В данной работе будут проанализированы взгляды тех немногих политиков и мыслителей, составивших особое направление в консервативной социальной мысли, ставшее предтечей не только современного латиноамериканского социального консерватизма, но и опередившее исторический поворот католической церкви в конце XIX века лицом к социальному вопросу и социальной справедливости, выраженный в папской энциклике «*Rescriptum Novarum*».

Колумбийский социальный консерватизм

В Колумбии консервативная партия вела свою родословную от диктатуры Боливары. Временем оформления этого политического направления в партию был конец 40-х годов. А именно, в 1849 г. Мариано Ospina Родригес сформулировал основные принципы

---

¹ Martínez F. *El nacionalismo cosmopolita. La referencia europea en la construcción nacional en Colombia, 1845 – 1900*. Bogotá (Ed. Banco de la República), 2001. P. 175.

колумбийского консерватизма в газете «La Civilización», суть которых сводилась к сохранению социального статус-кво при медленном развитии всех общественных институтов и приверженности исключительному положению церкви в государстве².

В политике под консерватизмом понималось прежде всего стремление к сохранению традиционных структур, обычаев, образа жизни и религиозного сознания народа. Вместе с тем, важнейшим мотивом действия консервативных политиков было не только сохранение «старины», но и в первую очередь желание не разрушать социальное равновесие в обществе, вернуть в него целостность жизни, духовной и материальной, подвергавшуюся угрозе из-за нетерпеливых и непродуманных радикальных реформ. Именно в последнем и состояла основная мотивация консервативной доктрины. Однако, в виду того, что традиция восходила к колониальному прошлому, к сеньориальным привилегиям креольского меньшинства и церкви, консерватизм стал прочно ассоциироваться с испанофильством, клерикализмом и ретроградной политикой в социальных вопросах.

Консервативная идея отличалась размытостью, и часто противоречивостью доктрины, но при этом характеризовалась высокой степенью прагматизма, что порой приводило консерваторов в стан своих противников, либералов и даже радикалов³. Константой была лишь религиозная непримиримость и иногда даже фундаментализм.

Консервативная партия представляла собой гораздо более сложное явление, чем это представлено во множестве исследований, да и в национальной исторической мифологии. Консерваторов описывали представителями реакции, клерикализма, защитниками интересов олигархии, латифундистов-землевладельцев, то есть всех ретроградов. На самом деле, консерватизм в Колумбии представлял собой амальгаму политических течений самого разного свойства, от клерикально-охранительной до социал-христианской и демократической. Безусловно, среди представителей консервативной партии были и крайне реакционные политики, открыто заявлявшие о защите привилегий креольского меньшинства, «Богом данных» прав и иерархического устройства сословного общества.

---

² Tirado Mejía A. *El Estado y la política en el siglo XIX*. Bogotá (Ed. El Ancora), 1983. P. 28.

³ *Pensamiento conservador (1815 – 1898)*. Caracas (Biblioteca Ayacucho), 1986. P. XII - XIII.

Однако же, такая позиция не относилась к консервативной доктрине в целом.

Среди консерваторов было немало сторонников социальной справедливости и защиты обездоленных. Один из лидеров и идеологов колумбийского консерватизма середины века Мариано Оспина Родригес утверждал, что богатые – плохие консерваторы, так как подвержены развращённому влиянию своего круга. Только масса народа может «объединить в своём сознании сложную идею религии, свободы и справедливости»⁴. Другой католический писатель Серхио Арболеда так выражал своё отношение к консервативной доктрине: «Мы не претендуем создать свою школу, так как принадлежим к школе, которая давно существует, это европейская школа католической публицистики, и нам нечего сказать нового, а надо лишь подумать над тем, как применить эти идеи в нашей республике»⁵.

Консерваторы, находившиеся у власти в 40-е годы, объединяли вокруг себя обширный круг политиков и мыслителей, порой радикально отличавшихся своими взглядами. Консерваторами считали себя сторонники различных идейных течений, от романтического традиционализма до клерикального ультрамонтанства. Идейными вождями колумбийского консерватизма были историки и государственные деятели Хосе Мануэль Рестрепо, Хосе Мануэль Гроот, публицисты Хосе Эусебио Каро, Мануэль Мария Мадьедо.

В отличие от реакционно-клерикального крыла консервативной партии во главе с Рестрепо и Гроотом в консервативной партии сформировалось социал-христианское и в некотором смысле утопическое течение, видными представителями которого были Хосе Эусебио Каро и Мануэль Мария Мадьедо. Бурная идейная борьба середины века, ставшая в значительной мере результатом европейского 1848 г., повлияла на их взгляды. В центре их внимания поиск идеальной модели общественного устройства; их волновала судьба бедноты, нищих, убогих, «отверженных», как у Гюго, но без революционного пафоса, а в примирительно утопическом и христианском духе. Они всегда противостояли атеизму и материализму либералов. Оба стояли у истоков будущего социал-христианского движения в Колумбии.

Каро сотрудничал с газетой «La Civilización», где напечатал

---

⁴ Colmenares G. *Partidos políticos y clases sociales*. Bogotá (Ed. Tercer Mundo), 1997. P. 55.

⁵ Martínez F. *El nacionalismo cosmopolita*. P.178

свою программу действий, ставшую идейным обоснованием колумбийского консерватизма. Консерватизм реагировал на социальное брожение и влияния европейских идей эпохи революции 1848 г. не только через усиление ультрамонтанной и клерикальной реакции, но и выработкой некоторого подобия социальной доктрины, позаимствовавшей немало у социал-романтизма и даже утопического социализма.

Хосе Эусебио Каро (1817 – 1853) был выдающимся мыслителем и политиком, одним из лидеров консервативной партии первой половины XIX века. Его учителем был один из лидеров либералов, ярый поклонник и пропагандист бантамизма Эсекиэль Рохас. Взгляды Каро формировались под влиянием дискуссии о Бентаме конца 20-х годов. Каро присоединил свой голос к тем, кто резко критиковал утилитаризм. Его перу принадлежит большая работа, посвящённая разоблачению бантамизма с моральных позиций христианства: «Письмо дону Хоакину Москера о принципах утилитаризма»⁶. В эти годы Каро открывает для себя Сен-Симона и Конта, которые ему кажутся альтернативой утилитаризму, и проникается утопическими и романтическими идеями одного, и с восторгом воспринимает примирение науки и религии у другого.

В двадцать лет Каро уже известный и влиятельный публицист. В 1837 г. он написал серьёзную работу «Философия христианства», в которой пытался примирить религию и науку, соединить веру, церковь и идеи прогресса. Каро повторял формулу Конта : порядок (читай традиция, религия) и прогресс⁷. Он открывает для себя апологета свободной торговли и главного спорщика с Прудоном Федерика Бастиа, часто цитирует его «Экономику гармонии», безоговорочно принимает принципы прогресса, исторического оптимизма, индивидуализма, идеи свободной торговли, теорию общественного договора. Каро много и увлечённо изучал Руссо, Вольтера, Гольбаха, Кондорсе, Конта, де Траси, читал Байрона и Вальтера Скотта⁸. К этим романтическим увлечениям следует добавить неиссякаемый интерес Каро к средневековью, к схоластике и томизму.

В конце 30-х – начале 40-х годов Каро разочаровывается в утопической и романтической литературе. В эти годы он увлекается

---

⁶ Caro J.E. *Escritos histórico-políticos*. Bogotá (Ed. Fondo Cultural Cafetero), 1981. P.88; Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. Bogotá (Ed. Temis), 1982. P.81.

⁷ Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P.183.

⁸ Caro J.E. *Escritos histórico-políticos*. P.23.

испанским неосхоластом, католическим философом Хайме Бальмесом, ставшим чрезвычайно популярным в Латинской Америке в 40 – 50-е годы. В своих работах этого периода Каро часто ссылается также на А. Токвиля, Ж. де Местра, Дж.Ст. Милля. Большое влияние на него оказала поездка в США, которые становятся для него почти идеальной моделью общества. Именно поездка в США сделала его поборником свободы торговли и экономической деятельности как панацеи от войн, нищеты и страданий народа. Каро считал, что свобода торговли и развитие промышленности покончат с войнами, границами, государствами, а на земле воцарится всеобщий мир. Он писал: «Политическая свобода – не принцип, а цель и результат, и не эта свобода принесла промышленность и торговлю, а наоборот, промышленность и торговля в будущем создадут подлинную свободу»⁹.

Хосе Эусебио Каро

В первом номере «La Civilización», ставшей идейным рупором консервативной партии, в 1849 г. вышла большая редакционная статья о противоречиях и решениях проблем современной эпохи, возможно, принадлежавшая перу Каро. Автор осуждал тот прогресс цивилизации, что ведёт к пауперизации населения и созданию условий для появления разрушительных по своим последствиям политических теорий. Он писал: «Промышленное развитие

---

⁹ Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P.200 – 201.

порождает пауперизм большей части населения, и чем быстрее это развитие, тем сильнее разорение людей, и тем больше появление огромного числа нищих рабочих». Каро критически относился и к демократии: во Франции ныне демократическая республика со всеобщим избирательным правом и отсутствием привилегированных классов, а в действие вводятся «теории, провозглашающие гармонию общества». Далее: «Смогло ли всеобщее избирательное право удовлетворить голод, одеть людей? Глас голодный рабочих стал ещё сильнее!»¹⁰

Для Каро недостатки современной цивилизации очевидны, преодолеть их возможно, но не на основе «объединения рабочих и ремесленников в клубы, где декларируется, что собственность является кражей». Он предлагал принять принципы равенства лишь как «братское равенство христиан»¹¹.

Свобода для Каро была неотделима от христианской морали, от религии. Он писал: «Не свобода, а мораль актуальна для сегодняшнего дня!»¹² В своей работе «Политические декларации» (1849) он утверждал, что суть текущего момента состоит в борьбе с аморальностью либерализма, с рационализацией идеи свободы¹³. Он видел источник зла в эпохе Просвещения, в вольтерьянстве и рационализме. Его же кредо: сочетание свободы и веры, то есть морали. Он писал: «Наше дело – это законная свобода против дикой свободы, то есть мы за торжество первопричины общества, морали, законов, цивилизации и против развала, аморальности, против мятежа и восстаний, против варварства, в конце концов»¹⁴. Под последним он понимал гражданские войны, либеральный радикализм и консервативную неуступчивость, боязнь за свои привилегии и власть. Вслед за Сен-Симоном и Ламенне Каро в своей работе «Свобода и социализм» предполагал соединить либеральные принципы, идеи прогресса и свободы с христианством, католической церковью, что и было его общественным идеалом¹⁵.

Каро был готов принять основные положения программы либеральной партии: народный суверенитет, всеобщее избирательное право, личные права и свободы, веротерпимость, ограничение армии и государства. При этом Каро призывает и к традиционным ис-

---

¹⁰ *La Civilización*. No.1. Bogotá. 09.08.1849. P. 2.

¹¹ *La Civilización*. No.1. Bogotá. 09.08.1849. P. 2- 3.

¹² Caro J.E. *Escritos histórico-políticos*. P.60.

¹³ Caro J.E. *Escritos histórico-políticos*. P.17.

¹⁴ Caro J.E. *Escritos histórico-políticos*. P.128.

¹⁵ Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P. 192.

панским ценностям, прежде всего, иерархии и вере. Он считал, что либеральная партия, или как он писал «красные», исчезнет в тот же миг, когда люди обратятся к подлинному христианству, которое включает в себя все, к чему стремятся либералы¹⁶.

Главным же врагом и либеральных, и традиционных ценностей, по его мнению, были социализм и коммунизм. Причину появления коммунизма он видел в пауперизме и торжестве вольтерьянства. Он писал: «Эта антисоциальная теория не только результат нищеты, но и логическое следствие вольтерьянства и доказательство последнего»¹⁷. Ликвидация нищеты, свобода, мораль – вот главные методы защиты от этого зла. В своей работе «Свобода и социализм» он в поэтической форме выступал против либерального правительства Лопеса, которого считал социалистическим, хотя, как утверждал историк Хайме Харамильо Урибе, в этой работе Каро больше социализма, чем во всех даже самых радикальных актах правительства Лопеса¹⁸. Каро считал социализмом всякое сильное государство, которому он противопоставлял своё идеальное общественное устройство.

Каро много размышлял над развитием общества и государства в Новой Гранаде. Для него общество являлось не суммой индивидуумов, каждый со своим частным интересом, а единым целым, организмом, у которого есть свои законы развития. В поисках законов, которые управляли бы этим целостным организмом, Каро вслед за Ш. Фурье предлагал использовать физику Ньютона для объяснения общественных процессов, ибо, по его мнению, цель прогресса состоит в достижении социальной и космической гармонии¹⁹. Он называл это законом социального притяжения, где общество, как и природа, создаёт иерархически выстроенный порядок.

У сен-симонизма и контианства Каро воспринял ту часть их теории, которые позволяли отвергать демократию, отрицать индивидуализм и разрозненные структуры общества. Как и для Конта, для Каро средневековое общество было органичным и в определённой степени идеальным. Однако, ему не удаётся развить эти идеи и построить свою консервативную утопию, и он возвращается к либеральным принципам, провозглашая неоспоримость всех

---

¹⁶ Colmenares G. *Partidos políticos y clases sociales*. P. 46.

¹⁷ Caro J.E. *Escritos histórico-políticos*. P.15.

¹⁸ Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P.192.

¹⁹ Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P. 197 – 198.

свобод: свободы религии, свободы образования, гражданских и личных свобод, экономических свобод, свободы прессы, мнений, петиций, собраний, выбора²⁰. Из незыблемости этих свобод проистекала главная предпосылка идеального общества – это ликвидация или минимизация государства. Своим идеалом он провозглашал общество без правительства, без власти, без необходимого насилия, то есть установление Царства Божия на земле.

Общественная гармония Каро строилась на исторической эволюции человечества от деспотизма к монархии, от монархии к аристократической республике, затем к централизованной, и уже потом к федеративной республике по примеру США. Финалом же этого развития общества будет торжество свободной ассоциации без власти, без правительства, без армий, без войн. Это будет эпоха универсальной, всемирной федерации равных народов при всеобщей солидарности людей. Каро верил, что в будущем исчезнут различные языки, нации, исчезнут классы, в частности, пролетариат, ибо останутся только предприниматели и машины²¹.

Социальная утопия Каро состояла из христианской моральной проповеди братства, с одной стороны, и полуанархистской, «индустриалистской» модели общества будущего, в котором либеральные свободы и принципы равенства и братства растворятся в общественной солидарности. Его идейное наследие было настолько своеобразным и неоднозначным, что его идеи не смогли воспринять ни консерваторы, ни либералы. Только в XX веке идеи Каро пережили второе рождение, став основой колумбийского социал-консерватизма.

Мануэль Мария Мадьедо (1815 – 1888), яркий политик, журналист, писатель из Картахены, является, возможно, одним из самых оригинальных мыслителей Колумбии в XIX веке. Ещё студентом он начал свою публицистическую деятельность, сотрудничая в консервативных газетах Картахены. Его полемические статьи о социализме, равенстве и братстве, публикуемые в консервативной газете «El Día» вызывали большой общественный резонанс. Мадьедо осуждал социалистические увлечения либералов, но при этом соглашался с необходимостью новой общественной организации, основанной на христианском братстве²².

Колумбийский историк испаноамериканской литературы,

---

²⁰ Caro J.E. *Escritos histórico-políticos*. P.61 – 62.

²¹ Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P. 198 - 199

²² *Neo-Granadino*. Bogotá. 03.01.1851. P. 3 - 4.

крупный общественный деятель Х.М. Торрес Каиседо писал о нём: «Мадьедо, возможно, из всех американцев является самым знающим специалистом по философии старых и новых школ»²³. На формирование его оригинальных воззрений большое влияние оказали Руссо, Сен-Симон, Конт и Прудон. Мадьедо ставил своей целью объединить христианство и социализм и в этом единстве видел модель будущего общественного устройства. Для него консерватизм и католицизм были подлинной народной доктриной, в которой в гармонии находились вера, порядок, справедливость и республиканские принципы²⁴.

Мануэль Мария Мадьедо

На взгляды Мадьедо, по утверждению исследователя П.-Л. Абрамсона, на стиль его сочинений и взгляды большое влияние оказали работы Ламенне, и прежде всего его «Слово верующего»²⁵.

---

²³ Torres Caicedo J.M. *Ensayos biográficos y de crítica literaria sobre los principales poetas y literatos hispano-americanos*. T.2. Paris (Librería de Guillaumin), 1863. P. 447 – 448.

²⁴ Loaiza Cano G. *El primer socialismo en Colombia (La formación de una cultura política popular en el siglo XIX)*. – Ponencia en el congreso *El primer socialismo en España y América Latina*. México, abril 2012.

²⁵ Abramson P.-L. *Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX*. México (Fondo de Cultura Económica), 1999.P. 86.

Безусловно, социал-христианские идеи лежат в основе мировоззрения Мадьедо. Он призывал вернуться к основам веры, соединив её с доводами разума. Мадьедо писал о своей системе: «Я против того, чтобы называть мою теорию материализмом, ибо материализм – это обожествление материи, отрицание Бога, души, будущей судьбы человека... Мой материализм, если хотите, ограничивается тем, чтобы вырвать человека из бездумья и привести его к тому, что ему предназначил Господь, то есть, чтобы, в конце концов, он понял бы, как с пользой прожить свою жизнь»²⁶.

Мадьедо был одним из самых суровых критиков капиталистического строя, который он иронически называл «научной политэкономией», намекая на А. Смита и классическую английскую «политическую экономию». Об этой «науке» он писал, что она «есть ничто иное как эксплуатация бедного богатым, так как она говорит: ты свободен в пожирании брата своего, съешь его!»²⁷ В своём неприятии капитализма и промышленного переворота Мадьедо защищал мелких собственников и наёмных рабочих, которых машины лишали заработка. Приветствуя технический прогресс, он отказывался принимать его в форме фритредерского капитализма. Техника могла стать основой идеального, бесконфликтного общества, о котором писали Сен-Симон и Фурье, а между тем, капитализм демонстрировал лишь «способность концентрировать в руках немногих, в руках ничтожного числа капиталистов-монополистов все общественные блага, оставляя вне производства массы людей, заменяя их машинами, которые являются собственностью немногих богатых, провоцируя лишь голод как обычное состояние народа»²⁸. Капитализм как система ведёт к общественной катастрофе. Этот строй «создаёт богатство и роскошь за счёт роста пауперизма», он несправедлив, жесток и бесчеловечен, - заключал Мадьедо²⁹.

Результатом капиталистического развития, по Мадьедо, был рост бедности. С особенным чувством Мадьедо писал о пауперизме, нищете простого народа в Новой Гранаде, а главное, об оскорбляющем человеческое достоинство контрасте бедности и богатства. Мадьедо оценивал итоги Войны за независимость весь-

---

²⁶ Madiedo M.M. *Una gran revolución ó la razón del hombre juzgada por si misma*. Caracas (Imprenta de la Opinión Nacional), 1876. P. 21.

²⁷ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 402.

²⁸ Cit. Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P. 212 – 213.

²⁹ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 386.

ма неожиданно для члена консервативной партии, которым он себя считал. Его взгляд на необходимость разрушения колониального наследия сближал его с либералами.

Мадьедо писал о всегда униженном и презираемом «плебействе», простом народе Новой Гранады, остающимся таковым при всех правительствах. Он подчёркивал: «После войны за национальное освобождение что же получили народы после стольких своих жертв? На место угнетателей европейских испанцев встали американские испанцы со всеми своими старыми колониальными привычками, но ещё более жестокие в подавлении людей»³⁰.

Он писал, что капитализм «из богатого сделал хозяина жизни, Бога, а из бедного – животное в услужении, раба всех, кто того возжелает»³¹. Мадьедо не осуждал богатство, но клеймил богачей: «Бог не осудил богатство, но осудил богатых!». Проблема не в богатстве, а в поведении богатых, ибо именно делом их рук является бедность, нищета и страдания народа³². Для Мадьедо бедность – благочестива, она приятна Богу. Он вслед за романтиками Гюго, Сю, которых высоко ценил, поддерживал идеи возвращения к первоначальному, подлинному христианству как религии угнетённых и отверженных.

Мадьедо воспринимал христианство как социальную и этическую доктрину, которая могла вернуть человечество к «Эдему первых времён». Он верил, что религия, вера, вернёт общество к первоначальному состоянию, к торжеству правды, справедливости и порядка. Более того, он с осуждением рассуждал о присущей современной церкви доктрине милосердия и помощи страждущим. Милосердие, утешение, которые проповедует церковь, примиряют насилие, неправду и справедливость, истину, чего быть не должно. Церковь утешает человека в агонии, приговаривает его к сохранению нищеты и рабства³³. Мадьедо считал, что христианство должно стать деятельной силой, которая изменит мир.

Мадьедо осуждал либералов за их проповедь абсолютной экономической свободы и социальной безответственности. Либералы ликвидировали многие институты милосердия и благотворительности в пользу бедняков, которые содержала церковь. Он восклицал: «Нет более больниц, нет приютов, нет детских домов, которые

---

³⁰ Madiedo M.M. *Ideas fundamentales de los partidos políticos de la Nueva Granada*. Bogotá (Imp. El Núcleo liberal), 1859. P. 8.

³¹ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 386.

³² Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 405 – 408.

³³ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 408 – 409.

обязано содержать общество»³⁴.

Расслоение общества, рост социальной несправедливости при капитализме приводит, как утверждал Мадьедо, к появлению теорий, оправдывающих восстание против собственности, с такими «чудовищными как у Прудона аргументами», что мол собственность – это кража. Однако, формула Прудона, как все теории коммунистов и социалистов, для Мадьедо, не неизбежное зло, а лишь «выражение боли общества, заданного эксплуатацией и грабежом»³⁵.

Мадьедо утверждал, что единственное право собственности – это труд, его результаты. По его мысли, люди имеют право на плоды земли, которые произрастают благодаря затраченному на них труду. Мадьедо в подходе к труду идёт за буржуазными экономистами Смитом и Рикардо, у которых именно труд составлял основу их теории стоимости, а также за идеями Руссо о пути социального освобождения через труд. Из этого отнюдь не вытекало, что земля может стать объектом собственности. Мадьедо был яростным противником земельной собственности и латифундий. Он воспринял идеи физиократов о происхождении земельной собственности из завоеваний, насилий, то есть собственность была «основана на крови и рабстве»³⁶. Вывод Мадьедо: разделение на землевладельцев и безземельных трудящихся-крестьян есть продукт явной исторической несправедливости, исправить которую необходимо в будущем идеальном обществе. Он считал недопустимым существование полной и безраздельной собственности на землю: «Нельзя позволить бессрочное владение землёй..., так как оно не является естественным правом, а искусственно созданным в результате злоупотреблений при отчуждении сельского труда другими людьми»³⁷. Мадьедо также предлагал строго ограничить возможности купли-продажи земли.

Мадьедо, с одной стороны, осуждал и отвергал социалистические и коммунистические теории решения земельного вопроса, а с другой, сам предлагал симбиоз общинного землевладения и национализации земли. В его идеальном обществе должны были существовать «имущественные общины» или «общность благ», что в отношении земли выразилось бы в «территориальных общинах»,

---

³⁴ Madiedo M.M. *Ideas fundamentales de los partidos políticos*. P. 24.

³⁵ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 400 – 401.

³⁶ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 441.

³⁷ Cit. Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P. 215.

на которые не распространяется ни право наследства, ни купля-продажа, на раздел. Это ни кооперативная собственность, ни мелкая, а лишь свободное владение ничейной землёй. Он заключал: «Придут дни, когда мир снова станет принадлежать всем людям, как то было на заре человечества, и тогда собственник не будет узурпатором... Это надо делать, руководствуясь философией, иначе эта реформа будет проведена после мятежей, разорений, революций, и тогда судьба современных собственников незавидна!»³⁸

Помимо земельной реформы, состоявшей в обобществлении всей земли, Мадьедо предлагал провести радикальные преобразования в городах, в отношениях рабочих и капиталистов, преодолев, тем самым, главные язвы и противоречия буржуазного развития, которое так осуждал в своих работах. Мадьедо считал, что капитализм в той форме, какую он видел в Европе, лишь порождал пауперизм. В этих условиях пролетариат никогда не освободится от своей участи нищеты и рабства. «Такой прогресс, - писал он, - ведёт лишь к деградации личности»³⁹.

Мадьедо предлагал свой план общественного переустройства. Он утверждал, что капитал создаёт прибыль лишь с помощью рабочей силы, за счёт эксплуатации пролетариата. В ответ на теории экономистов свободного рынка, согласно которым цена труда, как и любого другого товара, определяется спросом и предложением, Мадьедо заявлял, что этот закон неприменим к труду рабочего. Он писал: «Предприниматель, капиталист контролирует материальные блага, а рабочий – это несчастный, чьим единственным капиталом является его здоровье и рабочая сила... Рабочий – всегда будет жертвой этого условия, а цена его труда всегда будет снижаться на пользу капиталиста»⁴⁰. Решение этой проблемы Мадьедо видит в разделе прибыли капиталиста с рабочими: «Разве рабочие не имеют право на часть прибыли?»⁴¹. Если прибыль справедлива и законна, - пишет он, - то также справедливо, чтобы рабочие получали её часть. Мадьедо предлагает построение народного, рабочего капитализма, партисипативной экономики, что, по его мнению, полностью соответствует христианской идеи человеческого братства.

На этой экономической основе Мадьедо призывал строить но-

---

³⁸ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 412.

³⁹ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 399 – 400.

⁴⁰ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 396 – 397.

⁴¹ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 395.

вое государство. Как и Каро, вслед за Контом и Сен-Симоном он видел общество, руководимое новой аристократией научных знаний, мудрецами-техниками. Это будет антипод потомственной аристократии, которую Мадьедо называл самым отвратительным проявлением привилегий, подавляющим данное Богом человечеству равенство. В индустриальном обществе главное лицо – это техник, учёный, интеллигент, задача которого состоит в моральном наставлении масс. В этом обществе нет потребности в государстве и насилии. Мадьедо связывал появление государства с первородным грехом, с падением человека, появлением насилия. Следовательно, государство – это временное зло, которое должно исчезнуть в идеальном обществе будущего, когда победит технический прогресс и просвещение народа⁴². Мадьедо верил в действенность христианской идеи спасения и в силу просвещения, которое изменит природу человека. Он верил, что человек может пережить моральное перерождение и через просвещение поймёт необходимость добровольного отказа от земельной собственности и эксплуатации ближнего.

Мадьедо мечтал об исчезновении государства, о Царстве Божьем на земле, о равенстве всех людей после моральной реформы, которая приведёт к перерождению людей. Он писал: «Подлинная социальная философия начинается с прощения и забвения обид, а заканчивается в гармонии и равновесии справедливости и правды... Надо научить тирана ненавидеть свою тиранию, а угнетённого прощать без оговорок!»⁴³ Мадьедо был одним из предшественников социал-христианства, католического социализма. Либерал и личный противник Мадьедо Хосе Мария Сампер в 1873 г. характеризовал его как «демократа-социалиста».⁴⁴ Мадьедо был убеждённым сторонником консервативной партии, представлял в ней христианско-социалистическое течение, которое находило свою аудиторию и своих сторонников среди интеллигенции, среднего класса в целом, а также плебейских городских слоёв, и не в последнюю очередь среди ремесленников.

Идеи М.М. Мадьедо и Х.Э. Каро представляют собой оригинальную, ни на что не похожую в Латинской Америке область общественной мысли. Их целью и страстным желанием было совме-

---

⁴² Jaramillo Uribe J. *El pensamiento colombiano en el siglo XIX*. P. 210 – 211.

⁴³ Madiedo M.M. *Una gran revolución*. P. 457

⁴⁴ Samper J.M. *Los partidos políticos en Colombia. Estudio histórico-político*. Bogotá (Imp. Echeverría Hermanos), 1873. P. 126.

стить современное либеральное мировоззрение и христианские ценности, найти путь к более справедливому и равновесному миру. Их идеи послужили идейной основой для политиков и мыслителей следующего века. В этом смысле они намного опередили своё время. Они формировали идеологию консервативной партии, придавая ей привлекательность для широких народных масс, хотя и оставались при этом лишь ничтожным меньшинством в самой партии.

«Социальная гармония» Фермина Торо

В Венесуэле многие идейные и политические процессы проходили под непосредственным влиянием событий в соседней Новой Гранаде, пережившей радикальную либеральную революцию середины века. На общественной жизни Венесуэлы отражались острые идейные дискуссии в соседней стране, в частности, о либерализме и социализме. Немаловажное значение имело влияние европейской мысли.

Фермин Торо (1806 – 1865) был выдающимся венесуэльским политическим деятелем, оригинальным мыслителем и гуманистом. Его называли венесуэльским Карлейлем. Его взгляды сочетали порой противоречивые тезисы. Исследователи его творчества отмечали, что Торо был революционером и консерватором одновременно⁴⁵. Действительно, Торо всегда состоял в рядах консерваторов, хотя его позиции по многим вопросам со временем сближались с идеями либералов.

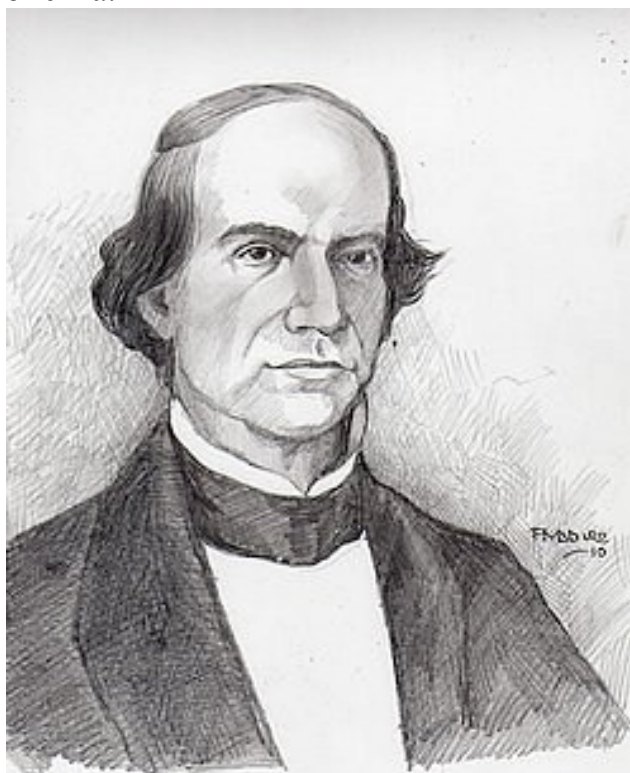
Торо принадлежал к так называемому «поколению тридцатых годов», к плеяде ярких венесуэльских политиков и мыслителей, деятельность которых предвещала бурные 40-е и 50-е годы XIX в. в этой стране. Он был активным политиком и государственным деятелем, неоднократно избирался депутатом конгресса, занимал важнейшие посты в администрации. В 1839 – 1841 гг., ещё будучи очень молодым человеком, вошёл в качестве секретаря венесуэльской дипломатической миссии в Лондоне. Пребывание в Европе сыграло большую роль в его идейном становлении. Торо познакомился с самыми передовыми и модными идеями европейской общественной мысли. Он увлекается экономическими трудами

---

⁴⁵ Посконина О.И. Венесуэльская историография XIX – начала XX века. // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI – XIX веков. М. (Наука), 2010. С. 386.

Сисмонди и его теорией трудовой стоимости. Взгляды Торо развиваются в направлении эгалитарных социальных идей.

В те годы Торо взялся за перо. Именно в 40-е годы он пишет свои самые важные работы, составившие основу его идейного наследия. Следует упомянуть публикацию в 1839 г. серии статей, составившие затем его работу «Европа и Америка», в 1842 г. статьи «Идеи и потребности», ну и главный теоретический труд в 1845 г. «Размышления о законе 10 апреля 1834 г.» (этот закон более известен как закон о свободе контрактов)⁴⁶. В этих текстах Торо изложил своё понимание миропорядка и справедливого общественного устройства.

Феррин Торо

В 50-е годы Торо активно участвовал в бурной политической борьбе. После «мартовской революции» 1858 г. и прихода к власти Хулиана Кастро входил в его консервативно-либеральное правительство. Торо играл важную роль во время исторического Учредительного собрания в Валенсии в 1858 г. Он был в оппозиции президенту Х.Т. Монагасу, когда тот изменил консерваторам и пригласил в правительство либералов. Торо вместе с М.Ф. Това-

---

⁴⁶ По иронии судьбы Торо должен был подписать этот закон в качестве председателя Палаты депутатов в 1834 г., будучи непримиримым его противником, о чем и написал в своей работе в 1845 г.

ром возглавлял консервативную партию. Он был последовательным противником федеративного устройства Венесуэлы, противостоял либералам-федералистам, олицетворявших в те годы народно-демократическое движение в стране. В конце своей жизни он наблюдал кровавые перипетии Федеральной войны.

Консервативным элементом его доктрины было отношение к испанскому наследию и его позиция в отношении к религии и к роли церкви в обществе и государстве. Торо защищал культурное и религиозное наследие Испании в её бывших колониях. Он противопоставлял традиционные испанские ценности «язвам цивилизации», которые несла экспансия европейского капитализма, экономический прогресс эпохи промышленной революции⁴⁷.

Во всех своих работах Торо подчёркивал, что свобода и моральный прогресс нации невозможен без религии и церкви⁴⁸. Противостоящие консерваторам латиноамериканские либералы также были искренне религиозны, были преданными католиками, но предпочитали видеть церковь политически нейтральной, а общественно-политическую жизнь секуляризированной. Лишь самые радикальные деятели либералов говорили о необходимости реформы самой церкви и о подлинной евангельской религии, что безусловно выходило за рамки церковной догматики. Консерваторы же и Торо, в том числе, видели в церковном клире, в священниках важнейший элемент политического здания новых республик, проводников морали и уважения к традиционным ценностям и устоям. Поэтому они защищали позиции церкви в обществе.

Торо критиковал либералов, которые неправильно, с его точки зрения, восприняли идеи французского просвещения, несправедливо нападали на священство, усматривая в нем главное препятствие на пути духовного и материального прогресса. Он писал: «Мораль и свобода не могут процветать без религии, а религия не может существовать без церкви, без священников, но главное, без просвещённых, скромных, умных и бедных священников»⁴⁹. Торо стоял за сохранение за церковью её позиций, не впадая при этом в ультрамонтанство и клерикализм крайних консерваторов. Он не уставал повторять, что принятие законов должно опираться на

---

⁴⁷ Arratia A. *Ética y democracia en Fermín Toro*. Caracas (Monte Ávila Editores), 1992. P. 49

⁴⁸ Tosta V. *Algunos aspectos del pensamiento social de Fermín Toro*. Caracas (Ed. del Ministerio de Educación), 1957. P. 8.

⁴⁹ Toro F. *La Doctrina Conservadora*. Caracas (Ed. Conmemorativas), 1960. P. 95.

единство моральных принципов и религии⁵⁰.

Торо уделял важнейшее место свободе и равенству в обществе, которые являются главной гарантией общего и равного доступа людей ко всем благам общества и его хозяйственной деятельности. Для него свобода была методом, условием достижения равенства, которые вместе вели к «социальной гармонии»⁵¹. Любопытно, что такой подход Торо сближал его с чилийским игуалитарием и утопистом Франсиско Бильбао.

Торо считал необходимым выработку таких законов, которые бы обеспечили не только политическую свободу и равенство граждан, но и благосостояние и социальную справедливость. Он писал: «Только осуществление принципа равенства может обеспечить чёткие, исполняемые справедливые законы. А те в свою очередь обеспечат защиту бедняка от злоупотреблений богатого, а также богатого от нападков бедняков, обеспечат собственность, равенство, свободу и все другие законные блага, на которые рассчитывает человек в обществе»⁵². Торо огромное внимание уделял именно принятию мудрых законов, способных обеспечить социальную гармонию. Он противостоял «либеральной утопии», декларировавшей недостижимые абстрактные максимы. Им он противопоставлял «свой реализм», состоявший в том, что закон, конституция, юридические основы должны отражать не только стремление к реализации высоких принципов свободы и равенства, но и должны опираться на «социальную конституцию», то есть существующую действительность Венесуэлы⁵³.

Торо считал возможным сочетать индивидуальные свободы человека, в том числе и в хозяйственной сфере, что было приоритетом либералов, и социальное равенство людей, понимаемое как реализация принципов социальной справедливости. Для Торо, как и для других консерваторов, свобода не была метафизическим принципом. Он считал, что принимая все свободы, «они могут ограничиваться там, где начинается угнетение одного класса другим из-за отсутствия у одного из них средств к существованию»⁵⁴. Торо был убеждён в необходимости социального государства, обеспечивавшего социальное равенство и справедливость, способные разру-

---

⁵⁰ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. Caracas (Imp. Valentín Espinal), 1845. P. 10 - 11.

⁵¹ Arratia A. *Ética y democracia en Fermín Toro*. P. 106.

⁵² Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 67.

⁵³ Arratia A. *Ética y democracia en Fermín Toro*. P. 62.

⁵⁴ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 7.

шить эксплуатацию человека человеком. Это социальное государство он называл «социальной гармонией». Торо объявлял социальным императивом «необходимое равенство, состоящее в гарантиях каждому человеку средств существования и его морального достоинства»⁵⁵.

Орудием, способным обеспечить осуществление этих принципов, было государство, заботящееся о целостном, гармоничном развитии страны и коллективном благе всего сообщества граждан. Следуя за почитаемым им Сисмонди, Торо защищал право государства на вмешательство в экономическую жизнь, гарантируя равенство всех действующих в экономике субъектов, в том числе и наёмных работников и зависимых бедняков. Критикуя свободу ростовщичества, Торо призывал государство рационально подходить к принципу *laissez-faire*, не обожествлять его и вводить необходимые ограничения для спекуляций и для процентов по кредитам. Он писал: «Правительство должно быть регулятором, не позволяющим одним социальным силам устанавливать угнетение над другими»⁵⁶.

Торо, как и большинство консерваторов, склонялись к принятию принципов свободной торговли и свободы предпринимательства в духе манчестерской школы, то есть принципов либерализма в экономике. Вместе с тем, Торо в своей работе о законе о свободе контрактов яростно нападал на тех, кто «во имя принципов своей доктрины готов принести в жертву остальные принципы экономической жизни, подчинить им мораль, науку об экономике»⁵⁷. Торо, однако, не соглашался с большинством своих современников и единомышленников по консервативной партии, которые также критиковали этот закон. Они (А.Л.Гусман, П.Х. Рохас) оценивали закон с точки зрения баланса между интересами кредитора и потребностями развития экономики, считая несправедливым получение преимуществ спекулятивным капиталом перед производящим, аграрным или торговым сектором. Торо же исходил из других принципов, принципов морали. Для него важнейшей задачей государства и общества было создание новых обычаев народа, которые должны были быть основаны на высоких моральных устоях, что

---

⁵⁵ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 19.

⁵⁶ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 20.

⁵⁷ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 4.

через просвещение сформирует новую нацию⁵⁸. Он считал необходимым придать экономической политике и всему развитию направление ко всеобщему счастью и соблюдению интересов наибольшего числа граждан⁵⁹. Он отвергал несправедливость экономической эксплуатации и угнетения, которые считал аморальными, а значит, неприемлемыми.

По своим впечатлениям от поездки в Англию Торо составил общую картину развития мира в направлении к «индустриальному феодализму», как он называл капиталистическое общество эпохи промышленной революции. Пролетариат же он называл «крепостными новой эпохи», так же как и при старом аграрном феодализме остающимися невежественными, темными и бесправными. Торо не видел принципиальной разницы между «старым режимом» и новым укладом, считал их одинаково несправедливыми и жестокими⁶⁰. Сцены нищеты, безработицы и морального падения пролетариата в Ирландии, социальная несправедливость и спекуляции капитала были в центре его романа «Мученики», написанного в романтической традиции во время его пребывания в Англии⁶¹. Его строки очень близки описаниям страданий английского пролетариата его современницы перуанско-французской социалистки Флоры Тристан в её книге «Прогулки по Лондону»

Торо верил, что Америка сможет избежать этой фазы развития, опираясь на сельское хозяйство, в самой структуре которого заложены принципы равенства и благосостояния сельских тружеников-собственников. Торо писал: «Фабричная промышленность, этот современный феодализм, не известен в Америке. Здесь главное занятие – сельское хозяйство, а характер аграрных обществ таков, что они создают изобилие благ и гарантируют человеческое достоинство. Состояния равны, точнее нет таких состояний, какие создаются в Европе; здесь не будет тех, кто живёт, не имея работы, и тех, кто не может жить из-за отсутствия работы». И если в Европе противоречия современного общества сможет снять социализм, то в Америке, «где нет пауперизма, а земли и работа в избытке, они станут общим источником благосостояния как для бедных, так и для богатых». Собственность в Америке, писал Торо, не является

---

⁵⁸ García Torres R. *Fermín Toro: teoría racional de la sociedad y republicanismo cívico*.//Utopía y Praxis latinoamericana. Vol.12. No.36. Marzo, 2007. Maracaibo. 2007

⁵⁹ Arratia A. *Ética y democracia en Fermín Toro*. P. 75 - 76.

⁶⁰ Toro F. *La Doctrina Conservadora*. P. 54 – 55.

⁶¹ Arratia A. *Ética y democracia en Fermín Toro*. P. 58.

как в Европе яблоком раздора, земли хватает для всех⁶². Именно в Америке в отличие от Европы равенство, по мнению Торо, возможно. Он мечтал о лишённом внутренних противоречий обществе аграрных собственников-тружеников.

Торо был критиком идей «чрезмерного индивидуализма» Бен-тама и экономического либерализма, разрушавших коллективные идеалы и гармоничную целостность общества.⁶³ Индивидуализм вёл именно к тем ужасам «промышленного феодализма», который Торо наблюдал в Англии и который категорически отвергал как перспективу для развития своей страны. Он писал: «Дух промышленности полностью соответствует индивидуализму... Абсолютная свобода промышленности – это деспотизм личности над всем обществом»⁶⁴.

Торо восставал против чрезмерной эксплуатации и угнетения одной части народа другой. Он писал, что «общественные законы – это законы консенсуса, общего согласия всех со свободой каждого и всех вместе, они должны поставить барьер на пути насилия, несправедливости, угнетения в обществе, даже если это делается во имя науки или самой этой свободы»⁶⁵.

В основе идеального общественного устройства, согласно Торо, должен был лежать принцип «социальной гармонии». Сам этот термин и концепцию гармоничного развития общества Торо заимствует у Платона, но наполняет его менее утопичным и теоритическим философским содержанием⁶⁶. Гармония для Торо – вполне реальная и достижимая практическая цель политики. Этот тезис неразрывно связан с его идеей равновесия социальных сил и классов (групп) в обществе. Господство одного над другим ведёт к потере гармонии и нравственности. Торо ратовал за охранительную политику, но при условии справедливости в отношении всех групп и слоёв общества.

Гармония для Торо состояла в сочетании индивидуальной свободы человека, в том числе и в сфере экономической деятельности, и общественного блага во имя сохранения социального единства и целостности. В обществе гармонии благо и интерес индивидуума должны быть согласованы с обществом, то есть не находиться в

---

⁶² Toro F. *La Doctrina Conservadora*. P. 71 - 72.

⁶³ Tosta V. *Algunos aspectos del pensamiento social de Fermín Toro*. P. 28 - 29.

⁶⁴ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 13.

⁶⁵ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 58.

⁶⁶ Tosta V. *Algunos aspectos del pensamiento social de Fermín Toro*. P. 5.

противоречия со стремлениями других людей. Исходя из этого, закон должен уравновесить два основополагающих принципа: свободу и равенство. Торо писал, что «гармония держит общество в его единстве, сохраняя при этом свободу личности»⁶⁷.

Идеи Фермина Торо представляют собой образец социального консерватизма в латиноамериканской общественной мысли. Его характерной чертой было сочетание умеренного либерализма, идей христианского социализма и эгалитаризма, отрицание революционных изменений и насильственного разрушения традиционных форм жизни, унаследованных со времён колонии. Вместе с тем, Торо отнюдь не идеализировал колониальный строй, патриархальные нравы «старого режима», а приветствовал принципы свободы и равенства. Политически и идеологически он всегда противостоял либералам, но не отрицал базовых либеральных ценностей, отказываясь принять экономическую составляющую либерализма, свободное предпринимательство, первоначальное накопление и социальные последствия капитализма для народных низов. Он проповедовал некую утопическую идею «социальной гармонии», общества труда и благосостояния для всех, не принимая, безусловно, полного имущественного равенства.

Мексиканский изобретатель и социальный экспериментатор Хуан Непомусено Адорно.

В Мексике в середине XIX века, в эпоху «Реформы» к социальной проблематике обращались не только либералы, но и некоторые консерваторы. Это были романтики, искавшие в религии и в патриархальном прошлом решение всех социальных проблем страны. Консерваторы с неудовольствием наблюдали за наступлением фритредерского капитализма с его пауперизацией, социальными потрясениями, резкими изменениями в системе собственности. Большинство из них противостояли либеральным реформам, составляя основной отряд реакции, противившейся всяким новшествами и поступательному развитию. Единичные, редчайшие случаи, искали выхода из ситуации, пытались решить социальные вопросы, найти ключ к выходу из кризиса в направлении к гармоничному, бесконфликтному, солидарному обществу. Среди таких исключительных примеров социал-консерватизма следует назвать мексиканца **Хуана Непомусено Адорно (1807 – 1887)**.

---

⁶⁷ Toro F. *Reflexiones sobre la ley de 10 de abril de 1834*. P. 12.

Адорно был инженером-механиком, изобретателем с неиссякаемой фантазией, талантливым публицистом. Он был автором многочисленных изобретений: машина для производства сигар, резки табака, бронированные кареты и прочее. Его инженерные способности были высоко оценены. В 1855 г. он был послан от Мексики на Всемирную выставку в Париже, где он представил своё очередное изобретение – пишущую машинку для музыкальных нот⁶⁸. В годы гражданских войн и интервенции, когда страна погрузилась в вакханалию хаоса, разбоя, повсеместного расцвета бандолерос, делавших крайне опасными путешествия по стране, он предложил модель бронированного дилижанса, обеспечивавшую полную безопасность обороняющимся. Это был своего рода танк на конной тяге. Он был убеждён, что появление такой машины сделает бессмысленными нападения на проезжающих, и спокойствие воцарится на дорогах страны. Правда, вес такой конструкции не могли сдвинуть с места никакие лошади⁶⁹. В 1845 – 1853 гг. он жил в Англии, политическую систему которой считал идеальной.

Адорно всегда интересовался не только техническими вопросами. В центре его изысканий также было общество и государство. В 1851 г. в Лондоне он опубликовал свою программную работу «Гармония вселенной. Философский очерк поиска правды, единства и счастья». В 1858 г. вышел в свет проект о будущем социально-политического устройства Мексики: «Анализ несчастий Мексики и практические средства для их преодоления».

Адорно беспокоило социальное неблагополучие не только Мексики, но и всего мира, то есть сама капиталистическая система представлялась ему неадекватной природе человека и его потребностям. Неравенство, бедность, порочность и паразитизм высших классов общества не давали ему покоя. Даже большинство своих, порой экстравагантных изобретений, он делал с целью сделать труд приятным и лёгким, избавить людей от физического рабства. Адорно считал существующую общественную и экономическую систему тупиком: богачи по своей воле не откажутся от своего богатства, а бедные отвечают им за это вполне заслуженной ненавистью⁷⁰. Он понимал, что в основе неравенства лежит несправедливая и порочная экономическая система, а либеральные реформы

---

⁶⁸ Illades C. *Las otras ideas. Estudio sobre el primer socialismo en México. 1850 – 1935*. México (Ed. Era), 2008. P. 52.

⁶⁹ González Casanova P. *Una utopía de América*. México (El Colegio de México), 1953. P. 51.

⁷⁰ González Casanova P. *Una utopía de América*, P. 111.

лишь углубляли её противоречия. При этом он решительно выступал против революций и либеральных реформ, в чем смыкался с политическими консерваторами.

Адорно своим примером хотел продемонстрировать всему обществу необходимое направление развития социальных отношений. Он читал Оуэна и вслед за ним решил создать образцовое производство на своих сахарных заводах в Куэрнаваке. Суть его идеи – справедливое распределение доходов между капиталистом-предпринимателем и рабочими. Адорно считал необходимым обеспечить своих рабочих достойным жильём, школой с классами религии и музыки, создал сберегательную кассу. Помимо зарплаты он установил процент участия рабочих в прибыли предприятия. Вслед за этим он задумался о глобальных планах преобразования всего мироустройства.

Адорно был консерватором, не верил в спасительные рецепты свободного рынка, категорически протестовал против свободной торговли, ибо это лишь усиливало неравенство и социальное расслоение. Он заявлял, что в период колониального господства, когда царили монополизм и иерархия, в Мексике общество было более гармоничным, менее конфликтным, более гуманистическим. Он искал солидарного сосуществования различных сословий в колониальный период, гармонии индейской общины и короны. Однако со временем Адорно под влиянием французских социал-романтиков, идей Ламенне и социалистов-утопистов, прежде всего, Фурье построил свою собственную социалистическую утопию, близкую по духу христианскому социализму.

Адорно хотел создать свою «религию божественного провидения», что для него означало найти синтез религии, веры и науки, которую он понимал как «социальную механику»⁷¹. В основе его религии – свобода воли, а человек сам по себе являл «божественное провидение». Это диктовало новые основы благочестия: свобода, равенство, братство и солидарность, понимаемая как справедливость. Он считал, что все эти элементы присутствовали в первобытном состоянии человечества, но с развитием цивилизации были утрачены. Последние остатки такового ещё были в испанской монархии. Цель развития – вернуться к патриархальным устоям.

Для Адорно в основе человеческого счастья и богатства лежит труд. Насилие, отчуждение труда делает любое богатство незакон-

---

⁷¹ Illades C. *Las otras ideas*. P.46.

ным и аморальным. Для него даже Бог – ремесленник, ибо трудился над созданием мира. В своей работе «Далёкое будущее»⁷² он писал: «Труд стал единственной причиной власти и знания... Умеренный труд всех – это радость для любого, удовольствие и польза для всех. Не работает только несчастный»⁷³.

Адорно взял у Краузе и Фурье идею «ассоциации» как лучшую форму организации экономики и общества, которая гарантировала прогресс и гармонию. В своей работе «Тропа счастья – это творить добро и бороться со злом» (1879) он предложил свою модель общества на основе всеобщей и гармоничной ассоциации. Трудящиеся могут освободиться от ига капиталистов и богатых паразитов лишь объединившись в «ассоциацию любви». С победой идей производственной ассоциации исчезнут классы, все социальные различия, в том числе и неравенство полов. В центре этой системы – свобода, отсюда вера в свободное объединение людей, в федерацию ассоциаций труда, свободная договорная система во всем, а в мировом масштабе «всемирная ассоциация народов через всеобщую ассамблею»⁷⁴. В этой высшей стадии развития человечество вернётся к «первоначальной простоте».

Сами рабочие, объединившись в ассоциации, а далее в федерации, будут управлять производством и обществом. Предприниматели просто будут не нужны. Это будет Царство Свободы, Равенства, Братства и Солидарности. Сады, поля, огороды не будут огорожены, все смогут пользоваться их плодами. Он писал: «Собственность – всеобщая. Все на планете общее; нет конституций, ни законов. Зачем они, когда все равны!»⁷⁵ Не будет денег, не будет полиции, не будет судов. На службу людям будут поставлены машины, которые освободят труд от физической тяжести. Труд будет организован на основе равенства и свободы. Исчезнут все классы, все будут равны. Он писал: «Более нет нищеты, неравенства, нет времени. Все люди живут в одинаковых условиях, с одинаковыми благами, в мире и счастье»⁷⁶.

Чтобы достичь этой высшей фазы развития человечество должно было пройти через некий этап, который он назвал федеративным: то есть когда проводятся реформы, а в обществе все больше

---

⁷² El remoto porvenir – опубликовано в приложении - González Casanova P. *Una utopía de América*, P. 147 – 171.

⁷³ González Casanova P. *Una utopía de América*, P.155 – 160.

⁷⁴ Illades C. *Las otras ideas*. P.72 - 73.

⁷⁵ González Casanova P. *Una utopía de América*, P.160.

⁷⁶ González Casanova P. *Una utopía de América*, P. 149.

свободы. Затем наступит этап ассоциации труда, когда люди по убеждению станут объединяться в производственные союзы. На этих сложных переходных этапах главное состоит в «просвещении и морализации трудящихся»⁷⁷. В этот период преобразований необходимо изменить и саму общественную систему. Как и Прудон, Адорно считал, что нужно довести собственность до пролетариата, до низших классов.

Адорно не останавливался на описании «далёкого будущего», а предлагал приступить к созданию новых полезных институтов, которые будут приучать людей к принципам ассоциации. Он предлагал мирный раздел крупных земельных угодий, чтобы землёй владели крестьяне, те кто на ней работает. Эта реформа «создаст новый политический и финансовый порядок, который в будущем уравнивает все классы, не ставя общество под угрозу беспорядков и революций»⁷⁸. Адорно предлагал уже сейчас создавать такие общественные (негосударственные) учреждения как сберегательные кассы, общества взаимопомощи, рабочие школы, профсоюзы. Тогда общество уже в переходный период утратит политическое содержание, а государство полностью растворится в свободной ассоциации граждан. По сути, Адорно был сторонником «патриархального» анархизма.

Адорно создавал не локальную утопию для Мексики, а считал, что он в силах предложить такой проект мироустройства, который позволит уничтожить все зло во вселенной, изменит весь облик земли, построив идеальное общество. Его вполне можно назвать и социалистом-утопистом, и анархистом, морализатором, воспевавшим патриархальные устои «золотого века». Взгляды Адорно оказали влияние на мексиканскую общественную мысль и политическую жизнь. Он поставил в политическую повестку дня проблему труда, свободы и солидарности. Борьба во имя этих идеалов отметила собой весь XX век мексиканской истории.

Появление социального консерватизма в Латинской Америке в XIX веке были болезненной реакцией гуманистического направления в общественной мысли на эксцессы наступления фритредерского капитализма, пауперизации и разрушения традиционных ценностей в латиноамериканских обществах после завоевания ими политической независимости. На эту необычную группу мыслите-

---

⁷⁷ Illades C. *Las otras ideas*. P.122.

⁷⁸ González Casanova P. *Una utopía de América*, P. 110.

лей и политиков большое влияние оказали как европейские идеи романтизма и нео-схоластики, так и социализма 1848 г. В отличие от их единомышленников консерваторов негативные социальные последствия торжества либерального капитализма, разрушение патриархальных связей и традиционных ценностей у социал-консерваторов не вызывали острую ностальгию по колониальным временам, поддержку клерикализма и охранительную реакцию, а побуждали искать иной выход в направлении создания нового, гармоничного общества будущего, где не будут иметь место социальное расслоение, пауперизм и нищета большинства населения, ведущих к дезинтеграции всего общественного организма. Они мечтали о новом обществе, основанном на морали, религии и на принципах подлинного равенства. Это общество ещё предстояло построить, и в этом смысле они были революционерами и утопистами. Идейное наследие этих мыслителей подготовило появление в XX веке в странах региона таких мощных общественно-политических движений, как христианская демократия, социальный консерватизм, движение церкви за социальную реформу.

Ульянова О.В.¹
Ulianova O.

Русские в Чили, XIX век.
Russians in Chile.

Аннотация: Русская иммиграция в Чили в XIX в. была малочисленной, её отличительной чертой была мультиэтнический состав, отсутствие экономической мотивации для иммиграции, политическая иммиграция и высокий уровень образования. Эти черты сделали возможным быструю интеграцию в средние слои чилийского общества.

Ключевые слова: Чили, Оржих, еврейская иммиграция, интеграция.

Abstract: The Russian immigration in Chile during the XIX century was not numerous and some of its particular features were: multiethnic composition, not economical motivation of an important segment of this immigration, early presence of political exiles, relatively high level of literacy and education. It made possible their integration to the Chilean Society as middle class members

Keywords: Chile, Orzhih, Jewish immigration, integration.

В течение первой половины XIX в. Латинская Америка, все еще бывшая для россиян малоизвестной и экзотической, не рассматривалась ими как возможное направление эмиграции. Проживание нескольких подданных Российской империи на этих землях в эпоху войны за независимость и в первые десятилетия существования суверенных республик было скорее экстравагантным исключением.

Отсутствие развитого класса предпринимателей в России до реформ Александра II, ограниченный объем капитала, который к тому же можно было вложить в более близкие и знакомые страны, объясняет отсутствие россиян среди иммигрантов-предпринимателей в Латинской Америке в первые годы ее независимости.

Первыми российскими жителями региона были дипломатические представители Российской империи в Бразилии, обосновавшимися

---

¹ Директор Института передовых исследований Университета Сантьяго-де-Чили.

там во время пребывания португальского двора в Америке, плюс пара - тройка космополитов и искателей приключений и небольшое число беглых матросов. Особые и исключительные случаи представлены учёными натуралистами, завербованными среди российских политических эмигрантов в Европе.

С включением России в массовые миграционные процессы Южная Америка стала одним из самых привлекательных мест назначения. Два мощных потока русской иммиграции шли в Аргентину и на юг Бразилии, растекаясь оттуда в соседние страны. Аргентина приняла наибольшее количество иммигрантов из Российской империи. Их выбор был обусловлен как возможностью получить во владение земельные участки в результате проводимой правительством страны политики привлечения иммигрантов, так и внедряемый миграционными агентами позитивный образ Аргентины, как страны, схожей по своим природным условиям с плодородным югом России.

Начало эмиграции в Аргентину отмечено в русских источниках в 1850-60-е годы. Общее количество российских иммигрантов в Аргентине с 1851 г. по 1920 г. оценивается в 163,8 тыс. чел. Максимально активной русская иммиграция в Аргентину стала между 1901 г. и 1910 г., когда в эту южноамериканскую страну прибыло 84,5 тыс. человек. Русская эмиграция в Бразилию, зафиксированная русскими источниками, началась в 1870-80-е годы и общее число эмигрантов к 1920 г. достигло 107,6 тыс. чел. В ней выделяются два периода высокой активности: 80-е годы XIX века (28,4 тыс. эмигрантов за десятилетие) и 1911-1920 гг. (37,6 тыс.).

Третьей страной Латинской Америки, ставшей местом назначения российской эмиграции, был Уругвай, принявший 7.400 человек, большинство из которых прибыло туда с 1911 г. по 1920 г. Чили не упоминается в русской эмиграционной статистике.² Напомним, что речь идёт лишь об официальных данных, в то время как истинное число эмигрировавших подданных Российской империи могло быть намного больше из-за высокого процента нелегальной эмиграции.

В Аргентине нашли приём все социальные, этнические и конфессиональные течения массовой эмиграции из Российской империи. Сегодня в этой стране можно встретить сельские общины, где живут потомки русских немцев с Волги, украинцев из Херсона,

---

² Цит. по: Кабузан В.М. *Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII - начале XX век.* М., 1998. С. 122.

белорусов и поляков из района Барановичи – Брест, русских из степей Северного Кавказа, евреев из Бердичева и Одессы. Они сохраняют язык и важные элементы своей культуры, одновременно чувствуя себя полностью интегрированными в принявшей их стране. Это единственный и беспрецедентный в мире случай «оседания на земле» иммигрантов из России.

В рамках процесса эмиграции из Российской империи в Аргентину можно упомянуть и первый в мире опыт создания еврейских сельскохозяйственных общин – кооперативов. Задолго до образования государства Израиль они были организованы русскими еврейскими эмигрантами в аргентинской провинции Энтре-Риос. Эти иммигранты прибыли в Южную Америку в рамках процесса направленной иммиграции, руководимой и финансируемой известным идеологом и меценатом дела европейских евреев бароном Гиршем. Их судьба описана в романе «Еврейский гаучо» аргентинского писателя Альберто Гершунова.

Важность экономической или, в иной терминологии, трудовой российской миграции в развитии аргентинского общества подтверждается присутствием выходцев из Российской империи и их потомков во всех слоях аргентинского общества в разные исторические моменты. Изучение состава рабочей силы в различных сферах промышленности и торговли Буэнос-Айреса в начале XX века показывает, что большинство наёмных работников большого Буэнос-Айреса в этот период составляли иммигранты, в том числе российские, наряду с представителями других народов Восточной, Центральной и Южной Европы. Эти данные важно запомнить, они позволяют нам также оценить особенности включения русских иммигрантов в чилийское общество той же эпохи.

В Буэнос-Айресе существовали рабочие русские, польские и еврейские организации. Выходили анархистские газеты на русском языке, работали русские секции ФОРА³, аргентинская секция Бунда⁴. В рядах рабочего социалистического движения Аргентины состояли два руководителя знаменитого восстания на броненосце «Потёмкин».

Российский посол в Буэнос-Айресе Максимов докладывал в 1911 г. императорскому двору о возможности увеличения экспорта российских продуктов в Аргентину ввиду наличия в стране

---

³ FORA – Federación Obrera Regional Argentina, крупнейший в Аргентине профцентр, анархо-синдикалистский по своей направленности, децентрализованный и состоявший из множества национальных секций, организованных трудящимися иммигрантами Буэнос-Айреса.

⁴ Бунд - Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России

огромного количества потенциальных потребителей (Максимов говорил о 500 тыс. чел.) из числа русских иммигрантов и их потомков. По сравнению с соседней страной, побившей все рекорды поглощения массовой иммиграции в конце XIX – начале XX вв., присутствие русских иммигрантов в Чили в тот период было весьма незначительным количественно, но имело важные качественные отличия.

Первые русские в Чили.

Впервые русские упоминаются в чилийских переписях в 1854 г. Начиная с этого времени можно говорить о существовании русской колонии в стране. Она была небольшой, особенно по сравнению с колонией соотечественников в соседней Аргентине. Кроме того, уже говорилось о том, что количество иностранцев в Чили никогда не превышало 5% ее населения. Однако количество иностранцев в Чили во второй половине XIX – начале XX века заметно увеличилось, и русские не стали исключением. Во время первого этапа иммиграции число россиян, проживавших в Чили, выросло в 66 раз, с 20 человек в 1854 г. до 1.320 человек в 1920 г., почти удваиваясь от переписи к переписи.

Данные чилийских переписей отражают количество россиян, проживавших в стране в этот период:

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕПИСИ РЕСПУБЛИКИ ЧИЛИ

год	1854	1865	1875	1885	1895	1907	1920
число	20	27	50	109	234	660	1.320

Стоит отметить, что источники, относящиеся к этому периоду русской иммиграции в Чили, являются крайне скудными. Современная русская колония не сохранила исторической памяти о периоде до 1920 г. Поэтому нашими основными источниками наряду со статистикой чилийских переписей стали воспоминания русских путешественников, побывавших в Чили в эти годы, а также разрозненная информация из самых различных публикаций.

Следуя динамике, отражённой в переписях населения, можно проследить эволюцию российской иммиграции в Чили на первом этапе. Мы ничего не знаем о 20 русских, упомянутых в переписи 1854 г. В первых переписях населения не указывались пол, возраст, род занятий и место жительства иммигрантов. Нет этих данных и у

русских путешественников, посетившие Чили в те годы.⁵

Возможно, в Чили уже находился Фелипе Вестхофф (Westhoff), первый человек, названный русским в чилийских источниках 1860 г., рассказывающих об основании им поселения Мелинка на крайнем юге Чили в провинции Айсен. Краеведческие документы указывают, что он назвал посёлок и остров, на котором он находится, в честь своей сестры Мелинки.⁶ Это была одна из самых ранних попыток колонизации южных регионов страны. Вестхофф ставил перед собой цель развития промышленности и торговли, он занимался заготовкой и продажей древесины, охотой на морских котиков, ловлей рыбы и моллюсков. Через несколько лет он вернулся в г. Вальдивия, больше чилийские источники не упоминают об этом первом русском иммигранте. Сегодняшние телефонные справочники Сантьяго свидетельствуют о наличии в стране нескольких десятков людей, носящих эту фамилию, проживающих в основном в обеспеченных районах чилийской столицы.

В устной традиции русской колонии в Чили отмечен тот факт, что город Мелинка был основан русскими, но не осталось имени его основателя. Более того, этот факт связывается с заходом в те края русских моряков, совершавших плавание вокруг мыса Горн, и название Мелинка объясняется как переиначенное русское слово «маленький».

Путешественник А. Фесун посетил Чили во время плавания на винтовой лодке «Морж» в 1861 г. и первым из русских оставил свои записки о районе Вальдивии и Чилоэ. В них был упомянут смелый и успешный предприниматель Рудольф Эстов (Estoff), уроженец г. Риги, который считал себя русским и стал первым русским в этих чилийских краях. Возможно, речь идет об одном и том же человеке, фамилия которого по-разному транскрибируется (Фесун записал ее на слух). Автор добавляет к портрету персонажа описание его предпринимательской деятельности, полностью совпадающее с тем, что чилийцы приписывают Вестхоффу – большинство его инициатив закончились фиаско. Хотя некоторые его дела принесли огромные прибыли, они были растрочены при реализации других

---

⁵ Censo General de la República de Chile. Santiago de Chile: Imprenta Ferrocarril, 1858.

⁶ Archivos del Instituto del Patrimonio Territorial de Chile. USACH. См. также: Araya U., Baldo “Historia de Aysén” en Revista de Caminos, Febrero de 1982, p.27.

сумасбродных проектов.⁷ Независимо от того, идёт ли речь об одном человеке, важно выделить социальный тип бесстрашного иммигранта-предпринимателя с авантюристической жилкой, отнюдь не бывшего исключением среди иностранцев на чилийском юге в те времена.

Фесун упоминает, что в 1861 г. на острове Чилоэ проживало несколько поляков, с которыми быстро сошлись члены судовой команды польского происхождения. Мы не знаем, успели ли их включить в перепись 1854 г., напомним лишь, что при переписи иностранцы предъявляли паспорт, поэтому эти поляки были бы записаны как русские.

Другое интересное свидетельство мы находим у Вышеславцева, судового врача клипера «Пластун», первого русского военного парового судна, зашедшего в Пунта-Аренас в 1859 г. (ранее проходившие парусники сильнее удалялись от мыса Горн). Уже в ту эпоху, до бурного развития города, русские моряки встретили там соотечественника. Это был русскоговорящий финн, ставший для них гидом по городу и основным источником информации о нем.⁸ Таким образом, первые российские подданные в Чили, упомянутые с именами и фамилиями или известные по конкретным ситуациям, являлись не этническими русскими, а представителями других народов империи (в 50-х–начале 60-х годов это были немцы, поляки и финны).

Та же тенденция продолжилась и в последующие годы. Так, данные переписи 1865 г. включают 10 поляков, чья страна стала частью Российской империи, и лишь 17 фигурируют как этнические русские, что не исключает присутствия среди них других народностей, неизвестных чилийцам, проводившим перепись. В этой переписи представлены более полные данные об иммигрантах, есть информация о поле, возрасте и грамотности.⁹

Российская колония в 1865 г. являлась исключительно мужской, что отражало общую тенденцию массовых экономических миграций, когда мужчина уезжал первым устроиться в Америке, а затем перевозил к себе жену и детей. Почти все россияне, проживавшие в

---

⁷ Фесун Н. *Из записок о кругосветном плавании на лодке «Морж» лейтенанта Фесуна. Часть II.* Санкт-Петербург, Типография министерства морских дел, 1863.

⁸ Вышеславцев А. *Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания А. Вышеславцева. 1857-1860.* Санкт-Петербург, 1860.

⁹ *Censo General de la República de Chile de 1865.* Santiago de Chile: Imprenta Nacional 1866.

Чили, были грамотными: из 17 записанных как русские (а не поляки), 16 умели читать, а 15 – читать и писать, в то время как в Российской империи грамотными тогда были не более 20% взрослого населения.

Из 17 мужчин 11 были холостяками и 6 женатыми. В переписи не упоминались русские замужние женщины, поэтому можно предположить, что в 6 отмеченных случаях русские были женаты на чилийках или других иностранках. В подобных случаях можно предполагать слабость связей между членами колоний и сильную тенденцию к ассимиляции принимающим обществом.

Переписи 1875 г. и 1885 г.: структура занятости русской иммиграции

Десять лет спустя, в 1875 г., число российских иммигрантов достигло 50 человек. Впервые перепись представила нам данные о занятости и экономической деятельности иммигрантов, а также о расселении иностранцев на чилийской территории.¹⁰ Самой большой профессиональной группой среди русских иммигрантов были моряки (15 человек из 50). Привлекает внимание и наличие специалистов: в группу входили 3 врача, 1 землемер, 2 служащих, 1 священнослужитель, 1 военный и большое число квалифицированных мастеров - ремесленников: столяры, плотники, часовщики, шляпники, швеи и пр. Любопытно, что лишь немногие русские иммигранты имели отношение к торговле: 3 торговца и 1 владелец постоянного двора. Эта структура занятости и профессий демонстрирует, что почти все русские иммигранты интегрировались в городское общество. Среди них упомянут всего 1 «землевладелец», 1 крестьянин и 1 батрак. Можно отметить здесь большие социальные различия внутри колонии, в которую входили члены как высших слоёв чилийского общества (землевладельцы и специалисты), так и низших (батраки).

Российская иммиграция была рассеяна по всей территории Чили. Самая большая группа проживала в Вальпараисо (21 человек), морских воротах Чили. На втором месте была провинция Магальянес на берегах Магелланова пролива (14 человек), где в это десятилетие начался интенсивный процесс колонизации. Климат этого региона не казался русским столь суровым, как представителям других европейских национальностей, к тому же русские корабли должны

---

¹⁰ Quinto Censo General de la Población de Chile de 1875. Santiago: Imprenta El Mercurio, 1876.

были заходить в южные порты Чили для ремонта и пополнения запасов продовольствия и топлива.

Русские проживали и в других городских центрах страны: в Сантьяго 4 человека, в Консепсьоне и Кальдере – два, в регионах Чилоэ, Вальдивия, Лаутаро, Линарес, Кольчагуа, Лимаче, Кокимбо и Фрейрина по одному. Большинство россиян, постоянно проживавших в Чили, были мужчинами (41 человек), хотя эта перепись впервые зафиксировала 9 женщин. 39 человек из 50 умели читать и писать, даже среди 9 женщин были 2 грамотные. В данных переписи фигурируют первые экономические активные женщины-иммигрантки в русской колонии: одна швея и одна торговка, обе жили в городе Пунта-Аренас. Хотя большинство членов группы русских иммигрантов были активно работавшими мужчинами-холостяками, появление в ней женщин и детей знаменовало начало семейной иммиграции, первые случаи которой наблюдаются в провинции Магальянес.

Имена и фамилии некоторых русских иммигрантов нам известны. Так, перепись упоминает русского врача, жившего на Чилоэ, причем это был единственный медик на острове. Наиболее вероятно, что речь идет о фельдшере Варфоломеевском, сбежавшем с русской винтовой лодки «Морж», заходившей на остров в 1861 г. по пути из Кронштадта на Камчатку. Как писал в своём дневнике его соотечественник и товарищ по плаванию лейтенант Фесун, этот фельдшер, узнав, что на всем острове Чилоэ нет ни одного врача, воспользовался стоянкой корабля в Сан-Карлосе (Анкуд), чтобы сбежать и открыть там свою аптеку и медицинский пункт под названием «Доктор Бартоломео, врач-хирург»¹¹.

С другой стороны, известно, что в 1874 г. в Пунта-Аренас прибыл русский еврей-иммигрант Илья (Элиас) Браун вместе с женой Софией Гамбургер и 4 детьми. То, что нам известно о них, совпадает полностью с данными о русской семье в переписи в Магальянесе. Илья Браун начал свою экономическую деятельность с розничной торговли и открытия гостиницы, затем занялся добычей угля и животноводством. Его сын Мориц (Маурисио) и дочь Сарра (Сара в испанского варианте), приехавшие в Чили в раннем возрасте, были записаны в переписи 1875 г. в качестве первых русских детей. Выросши в Патагонии, они внесли огромный вклад в развитие экономики Магальянеса. Маурисио Браун стал основателем Общества Эксплуатации Огненной земли, одного из крупнейших

---

¹¹ Фесун Н. Указ. соч.

чилийских предприятий того времени, хотя и вызывающего сегодня неоднозначную оценку (с его именем связано истребление коренного населения Огненной земли, вырубание и выжигание лесов для овечьих пастбищ). Брауны создали целую экономическую империю в чилийской и аргентинской Патагонии, а, породнившись с другими семьями основателей Пунта-Аренаса (Ногейра, Мелендес), в течение десятилетий практически держали под контролем экономику Патагонии. В сегодняшнем Пунта-Аренасе с именем этой семьи связаны лучшие архитектурные памятники города, начиная с дворца Сары Браун на центральной площади Пласа-де-Армас. При этом помимо всей прочей деятельности Маурисио Браун много лет являлся консулом России в Чили.

В переписи 1875 г. говорится о русском враче в Вальпараисо. Судя по всему, это был Алексей (Алехо) Щербаков (1842-1885), первый этнический русский в Чили, который известен по имени и фамилии, астраханский казак и политэмигрант-народник.¹² В 1863 г., будучи студентом медицинского факультета Казанского университета, он был осужден на 10 лет каторжных работ в Сибири за участие в так называемом «казанском деле», а через 2 года сбежал из тюрьмы и скрылся за границей. В 1867 г. Щербаков обосновался в Европе, где продолжил изучение медицины. В 1875 г. чилийское правительство заключило с ним контракт на 5 лет. В Чили Щербаков работал врачом-хирургом на фрегате «Бланко Энкалада», участвовал в Тихоокеанской войне, во время которой был назначен главным армейским хирургом боевой чилийской эскадры.¹³

В заключение этой части можно сказать, что первые чилийские переписи отразили основные демографические тенденции развития русской иммиграции в этот период: во второй половине XIX века в Чили приезжали в основном молодые холостые мужчины, с определённым уровнем образования. Хотя большинство из них были моряки, но уже встречаются также квалифицированные ремесленники, и даже специалисты профессионалы, что было совсем нетипично для иммиграции той эпохи.

К переписи 1885 года число русских в Чили снова удвоилось, увеличившись с 50 до 109 человек. Так же, как и в предшествующие десятилетия, количество мужчин значительно превышало число

---

¹² <http://www.astrakhan.ru/history/read/73/>

¹³ Las heridas de bala. Memoria presentada a la Facultad de Medicina de la U. de Chile por Alejo Scherbakov, doctor en medicina de la Facultad de Berna y de la de Chile, cirujano en jefe de la Escuadra de Chile en campaña. Santiago de Chile: Imprenta Nacional, 1881.

женщин (96 против 13). Продолжая прежнюю тенденцию, в Чили приезжали в основном холостяки (55 человек), хотя число женатых иммигрантов увеличилось до 45 человек, что с учётом малого числа женщин в этой группе позволяет предположить высокий процент смешанных браков, как с креольскими женщинами, так и с иностранками других национальностей. Детей среди русских иммигрантов было совсем немного: 4 человека от 5 до 15 лет. Это показывает, что семейная иммиграция развивалась очень медленно и постепенно¹⁴ (дети от смешанных браков, родившиеся в Чили, были уже чилийскими гражданами и фигурировали в переписи как таковые).

Возраст иммигрантов этого периода варьировался от 5 до 65 лет. Большинство русских, проживавших в Чили, находились в активном возрасте: 48 человек 15-30 лет, 34 человека 30-45 лет; 11 человек 45-60 лет и только 3 человека старше 60 лет.

В структуре занятости русских иммигрантов этого десятилетия продолжились прежние тенденции. Характерно большое разнообразие профессий и занятий, при этом число моряков снова было преобладающим: 41 человек. Именно с кораблей, бросавших якорь в чилийских портах, российские иммигранты попадали в Чили, вливаясь в местный рынок труда.

Среди прочих профессий было немало ремесленников – 16 человек. Значительно выросло число оптовых и розничных торговцев – 15 человек. Впервые появились специалисты по разработке недр – 11 человек, что говорит о том, что русские иммигранты включились в самую многообещающую отрасль чилийской экономики – горное дело. Были также домашние работники, механики, подёнщики и священники. Интересно, что среди русских иммигрантов полностью отсутствовали собственники и рантье, не были представлены столь популярные среди других иностранцев сферы деятельности как предпринимательство, фабричное, гостиничное и ресторанное дело. Примечательно, что среди иммигрантов пока не было музыкантов и актёров, лишь 1 человек обозначен как представитель свободных профессий. Ситуация эта радикально изменится уже через несколько лет.

Известно, однако, что переписи не всегда могут дать полное представление о занятости и профессиях опрошенных. Так, в этой переписи отсутствуют несколько русских иммигрантов, упомянутых

---

¹⁴ Censo General de la República de Chile de 1885. Santiago: Imprenta La Patria, 1890.

по имени и фамилии в записках путешественников. Можно предположить, что иммигранты могли быть заняты одновременно в нескольких сферах, указав при этом в переписи ту профессию, которая казалась им наиболее престижной. Могли и просто оказаться не охваченными опросом в силу каких-либо обстоятельств.

Так, уже знакомый нам Щербаков, проживавший в Чили, не записан врачом (в переписи нет данных ни об одном русском медике). Возможно, как военный служащий флота в переписи он был включён в категорию моряков. А может, как врач чилийского флота, уже получил чилийское гражданство.

С другой стороны, русский путешественник и дипломат А.Ионин, посетивший Чили несколько лет спустя, рассказал историю доктора Шредера, выпускника Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга, который жил в Чили примерно с середины 70-х годов XIX века, добился большого успеха и популярности в Вальпараисо и Сантьяго, основал курорт с морскими ваннами в Винья-дель-Мар. Возможно, в переписи сочли более существенным его статус собственника, нежели профессию.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой, встающей перед исследователем русской эмиграции в этот период (да и не только в этот): в какой степени мы можем считать русскими выходцев из Российской империи, принадлежавших к этническим меньшинствам империи? С той же проблемой сталкиваются все, изучающие миграционные процессы в других многонациональных империях, особенно континентальных.

С точки зрения изучения международных миграционных потоков, они, несомненно, являются частью демографических процессов между изучаемыми государствами. Что же касается качественного анализа процесса взаимодействия культур, необходимо рассматривать отдельно каждый семейный и индивидуальный случай, насколько это позволяют крупинки информации, которыми мы располагаем, и небольшой размер колонии.

Процесс формирования культурной идентичности индивидуумов продолжается на протяжении целых человеческих жизней, а в многонациональных государствах отличается ещё большей сложностью. В свою очередь, эмиграция и столкновение с новыми культурами неожиданно приводит к проявлению в нем новых черт.

Так, Ионин выделяет пример торговца лесом Гуцкова «из петербургских немцев», «в антиподах превратившегося в квасного русского патриота». Вначале занимаясь экспортом в Чили древесины из России и Финляндии, а затем, производя и экспортируя дерево с

чилийского юга, Гуцков с каждым годом все больше преуспевал. Однако, отрицая любую возможность ассимиляции в обществе, где он жил, он привёз жену из Санкт-Петербурга (это первый известный нам случай такого рода иммиграции женщины из России), создав свой семейный очаг в Вальпараисо по русскому образцу. Путешественник отметил типично русские убранство и еду в доме Гуцкова, а также принятую им на себя роль энергичного амфитриона офицеров заходящих в порт русских судов. Возвращаясь к социоэкономической характеристике группы, следует отметить, что, по словам Ионина, Гуцков был лишь одним из целого ряда преуспевающих предпринимателей - выходцев из Российской империи на крайнем юге Южной Америки.

В территориальном расселении русских в Чили в это десятилетие также произошли значительные изменения. Наибольшее число иммигрантов из России осело теперь в Сантьяго (15 человек). В основном они занимались ремеслом или имели свое небольшое дело, в их числе были машинист, священник, пряжи, торговцы, табачники. На втором месте был Вальпараисо (14 человек), здесь большинство были моряками (8), остальные – торговцами (3) и служащими (3). Русские проживали также в других портовых городах: Талькауано (12 человек), и Кокимбо (7 человек). В обоих случаях основной профессиональной группой здесь были моряки.

Появились первые русские в северном порту Тарапака, где снова из 10 человек 7 были моряками. Русская колония постепенно начала распространяться на осваивающийся в эту эпоху горнорудный север Чили. В год проведения переписи 23 человека, т.е. большая часть колонии, проживали к северу от Копьяпо (Арика, Писагуа, Тарапака, Антофагаста, Тальталь, Фрейрина, Копьяпо) на территориях недавно отвоёванных Чили в Перу и Боливии. Это перемещение свидетельствует о поиске удачи иммигрантами в многообещающем регионе меди и селитры, хотя среди проживавших в регионе Норте Гранде пока не было горняков.

Русские также впервые появились в зонах аграрной колонизации на юге Чили, в также недавно отвоёванной, на этот раз у индейцев мапуче, области Араукании. В Каньете перепись зарегистрировала 10 русских, все они были земледельцами. Судя по показателям возраста, пола и гражданского состояния, среди них были три семьи с детьми, обосновавшиеся на юге страны в самом начале колонизации. Это единственные земледельцы в русской колонии, зафиксированные этой переписью.

В свою очередь, источники по программам колонизации этого

десятилетия, принятым чилийским правительством, указывают, что уже в этот период (1883-1884 гг.) среди колонистов, приехавших по правительственному контракту из Европы, было 2 русских.¹⁵ В период 1884-1885 гг. статус колониста (и соответствующую поддержку) получили 8 уроженцев Российской империи.¹⁶ Эти данные совпадают с информацией переписи 1885 г. о 10 русских земледельцах в зоне Каньете.

Забегая вперёд, стоит сказать, что в следующем 1886 г. продолжилось участие русских в колонизации. На новых землях обосновались 5 семей общим числом 19 человек. Ко времени окончания проекта направленной аграрной иммиграции в 1890 году в Чили по этому каналу прибыло почти двести российских подданных (согласно источникам, 191 человек).¹⁷ На колонизируемых землях россияне проживали в следующих городах: Анголь – 7 человек, Магальянес – 6, Чилоэ (Анкуд и Кастро) – 4, Ла-Уньон, Арауко, Ла-Серена – по одному.

Несовпадение демографических данных о проживавших в Чили русских (пол, возраст, занятость) от одной переписи к другой можно объяснить высоким уровнем географической мобильности иммигрантов внутри страны (и, возможно, реэмиграцией), что часто свидетельствовало и о социальной мобильности. Так, например, семья Брауна уже проживала не в Пунта-Аренасе, а в центральной Чили. В Патагонии оставался лишь семейный бизнес, что подтверждают и данные переписи 1885, в которой можно проследить их переезд из Пунта-Аренаса в Вальпараисо. Именно с резиденцией в этом городе Иаурисио Браун станет российским консулом в Чили.

В целом, в 1885 г. русские иммигранты проживали в 24 городах и провинциях Чили, будучи рассредоточены по всей протяжённости страны, от Арики до Пунта-Аренаса.

Моряки и другие: почему их не помнит русская колония?

Прежде чем перейти к анализу следующей переписи, совпавшей по времени с началом еврейской эмиграции из России, стоит остановиться на основных тенденциях, выявленных на основе анализа предыдущих. В первую очередь, это высокий процент

---

¹⁵ MSOFOFA, 1885, p.625.

¹⁶ Norambuena C. Recopilación estadística sobre el proceso de inmigración a Chile" 1850-1930.//*Inmigración y estadísticas* Hernán Silva et.al. Montevideo, 1992. P. 239.

¹⁷ Ibidem.

моряков среди русских иммигрантов, вероятнее всего, бежавших с русских судов. Это не удивительно, если вспомнить господствовавшие на флоте России нравы. Трудности военно-морской службы, к тому же не выбранной добровольно, бесчеловечное обращение, перспектива вернуться в имение помещика в качестве крепостного – все это способствовало бегству членов команд русских кораблей во время стоянок за границей. Напомним, что крепостное право в России просуществовало до 1861 г., а военная реформа, сократившая срок службы до 5 лет в армии и до 8 лет во флоте, была проведена в 1871 г.

Прибавим к этому чувство свободы, неизменно возникавшее во время долгого плавания, контакт с внешним миром, недоступный ранее большинству соотечественников, обучение различным профессиям на корабле, а также чтению и письму. После начала использования паровых судов каждый русский матрос уже был квалифицированным рабочим или техником, что позволяло ему, при желании, найти работу в любой части света.

Записки путешественников, начиная с середины XIX века (кроме официальных докладов), отражают весьма позитивное восприятие местных условий жизни: райский климат, расслабленный образ жизни, успех живущих здесь европейцев, гостеприимное отношение к выходцам из Европы, красота и очарование местных женщин. Некоторые из них, например, В. Завойко, явно оценивали страну в точки зрения потенциальной возможности обосноваться в ней. Если таков был взгляд офицеров, имевших в своей стране собственность и положение в обществе, то можно предположить, что матросы и унтер-офицеры, которым было почти нечего терять в России, также делали свои выводы.

Тот факт, что самой крупной группой среди русских иммигрантов в Чили во второй половине XIX века были моряки, объясняет отсутствие исторической памяти колонии. Часть из них могла оставаться в стране на ограниченное время, а затем наняться на другое судно под чужим флагом.

Географическое распределение русских моряков, проживавших на территории Чили, показывает, что бегство с кораблей происходило в самых разных пунктах чилийского побережья, видимо, в разные годы и в разных экспедициях – поэтому беглые моряки могли не знать о своих соотечественниках, оказавшихся в аналогичной ситуации на другом конце страны.

Моряки, которые не меняли своей профессии, обычно не создавали семьи в стране. Если же они женились и имели детей, то

их воспитанием занималась мать, поэтому элемент иностранной культуры, привнесённый отцом, обычно терялся, так же как и какая-либо идея об отцовских корнях. При этом если родители не были официально женаты (а при религиозных различиях это было тем более проблематично), ребёнок записывался под материнской фамилией, что может служить дополнительным объяснением отсутствия русских фамилий среди возможных потомков, упоминаемых в переписях моряков.

Те, кто предпочёл окончательно обосноваться на суше, занимались самой разной деятельностью, создавали семьи с чилийками или женщинами других национальностей, их дети уже были полностью ассимилированы в местной социальной среде. Это, в свою очередь, подчёркивает важность роли женщины в сохранении национально-культурной идентичности в иностранных колониях за пределами своей страны.

Этническая и религиозная разнородность других категорий российских иммигрантов, наличие среди них эмигрантов политических, отсутствие контактов с родной страной, работали против формирования единой общности и ускоряли интеграцию в местную среду членов русской колонии, вдобавок распылённых по всей территории Чили.

Данные о грамотности и занятости русских иммигрантов показывают, что это были люди, выделявшиеся среди основной массы российского населения, крестьянского и по большей части ещё неграмотного. Они обладали большими знаниями, воображением, широким кругозором, наверняка больше верили в себя и свои силы, и это лишь подтверждает, что Америка привлекала и принимала наиболее активных и подготовленных к этому переселенцев из стран-источников эмиграции. Россия в этом плане не была исключением.

Правительство Чили назначило в середине 1870-х годов своего первого почётного консула в Одессе. Известно лишь, что его фамилия была Перельман, весьма типичная для еврейской общины этого города.¹⁸ Одновременно он являлся иммиграционным агентом Чили в России. Данных о его деятельности не сохранилось и нам неизвестно, смог ли он завербовать потенциальных мигрантов прямо

---

¹⁸ Существующая в Чили фамилия Перельман также пришла из России. Ее носят выдающиеся специалисты – архитекторы, кинематографисты, медики, университетские профессора. Но она не имеет отношения к первому чилийскому консулу в Одессе: чилийские Перельманы прибыли в Чили в начале XX века из Аргентины.

в России. Известные нам конкретные случаи иммиграции говорят о том, что помимо бежавших моряков, другие люди и семьи попадали в Чили через третьи страны, вначале выехав из России (Браун и Щербаков), либо узнавали о Чили от уже обосновавшихся здесь европейцев (Гуцков, Шредер).

Регион происхождения моряков невозможно установить из-за системы рекрутского набора в армию и флот, существовавшей в Российской империи: солдат собирали со всей территории страны от Польши до Тихого океана, за исключением мусульманских районов Кавказа и Средней Азии, а также почти не заселённых и не освоенных заполярных краёв.

Можно лишь указать место их прежнего проживания: торговые и военные суда, посещавшие Чили, чаще всего были приписаны к портам Санкт-Петербург, Кронштадт, Николаевск и Одесса, а также Петропавловск-Камчатский. Кроме того, до конца 60-х годов XIX века существовала «Русская Америка», колонии Российской империи на Аляске и в Калифорнии. Сообщение с ними осуществлялось вдоль южных берегов Америки, поэтому вполне возможно, что среди русских иммигрантов в Чили находились их бывшие или несостоявшиеся обитатели.

По данным переписи 1895 г. русское население Чили составило 234 человека (эта цифра сравнима с количеством русских, прибывших в страну после 1990 г., и с численностью нынешней колонии русских белоэмигрантов в Чили). Число русских, проживавших в стране, вновь удвоилось со времени последней переписи.¹⁹

Количество русских иммигрантов в этой переписи отражает участие поданных Российской империи в программах колонизации, осуществляемых в 80-е годы чилийским правительством. Как мы уже говорили, в рамках этого процесса в страну приехал 191 русский, большинство из них – во второй половине 80-х годов. Интеграция русских аграрных переселенцев в жизнь колонии объясняет изменения в ее географическом распределении по территории Чили.

Этническое происхождение этих российских иммигрантов неизвестно, можно с уверенностью сказать лишь, что все они являлись подданными многонациональной Российской империи. Хотя в эти годы уже набирала силу еврейская эмиграция из России, анализ переписи и устной истории русско-еврейской колонии в Чили

---

¹⁹ Séptimo Censo General de la Población de Chile de 1895. Santiago, Imprenta Universo, 1902.

показывает, что до этой южной страны докатились лишь отдельные первые всплески огромной волны. В то же время это был период активной славянской эмиграции (русской, украинской, белорусской, польской) из западных частей Российской империи, ещё не затронутой столыпинскими реформами и целенаправленной крестьянской колонизацией Сибири.

В Латинской Америке в те годы соседняя Аргентина переживала период наибольшего притока иммигрантов, значительно изменившего демографический и этнический состав населения страны. В Чили в это время также прибыло значительное количество иностранцев, помимо испанцев и немцев приезжали итальянцы, южные славяне и представители большинства других европейских народов.

Сохранились отмеченные нами тенденции массовой иммиграции той эпохи – большинство из приехавших были холостыми мужчинами активного возраста, умевшими читать и писать. Одновременно в русской колонии в этот период стало увеличиваться число женщин (их было 51, а мужчин 183), в целом число семейных иммигрантов (85 против 138 одиноких, да ещё 11 вдов и вдовцов), детей и подростков (30 человек младше 20 лет). Это демонстрирует, что семейная иммиграция стала важной частью этого миграционного потока.

Примечательно, что русская иммиграция распределялась относительно равномерно по всей территории Чили: на юге страны жили и работали 73 русских (30% от общего числа иммигрантов), в центральной части страны и в столице – 98 человек (42%), на чилийском севере проживали 53 русских иммигранта, или 23%.

Распределение русских иммигрантов по роду занятий и профессии примерно соответствовало производственной специализации географических зон Чили. Если моряков и торговцев можно было встретить в любом районе страны, то немногие земледельцы, подёнщики, пастухи и батраки русской колонии жили на юге, в зоне аграрной колонизации. В центральной части Чили было больше служащих, специалистов, ремесленников, работавших в сфере производства предметов потребления, на севере работали механики и инженеры, последние - в районе Антофагасты.

В структуре деятельности и занятий русских иммигрантов в последнем десятилетии XIX века продолжалось преобладание моряков над прочими профессиями: по данным переписи, 47 человек были моряками. На втором месте были ремесленники: плотники, каменщики, сапожники, портные (всего 18 человек); на третьем

техники и высококвалифицированные рабочие: печатники, машинисты и механики (16 человек), за ними шли служащие (11 человек).

Эта перепись зафиксировала некоторые изменения по сравнению с предыдущими: в группе русских иммигрантов появились торговцы и собственники (34 человека, 15% от общего числа иммигрантов), причём торговцы заняли второе место после моряков по своей численности. И, несомненно, были гораздо более стабильной, а потому и более заметной группой, чем мореплаватели.

Среди русских иммигрантов впервые появились представители артистических и интеллектуальных профессий: преподаватели, художники, декораторы. Помимо уже зафиксированных прежними переписями врачей появились и другие специалисты: химики-фармацевты и инженеры. С расширением семейной иммиграции в русской колонии появились учащиеся.

Появление среди русских иммигрантов торговцев, а также специалистов совпало по времени с началом еврейской эмиграции из России. Торговля была весьма распространённым занятием среди еврейской общины в Российской империи, но далеко не единственным.

Наконец, в этот период мы находим корни первой цепочки русских иммигрантов в Чили²⁰. Так, в переписи 1895 года упоминается проживавший в Сантьяго русский военный. Это был Владимир Юрьевич Дрентельн, выходец из старой дворянской семьи, бывший артиллерийский офицер гвардейского Измайловского полка. Это первый русский, память о котором сохранилась в нынешней русской колонии, основатель первой и долго бывшей единственной миграционной цепочки русских в Чили. Он посетил Чили впервые во время своего свадебного кругосветного путешествия в 1887-1888 годах, и страна ему очень понравилась. Позже он добился назначения в Чили военным советником и здесь включился в работу немецкой миссии, привлечённой для модернизации и «пруссификации» чилийской армии. Это было время «Союза трёх императоров» и контакты между военными России и Германии поощрялись дворами обеих империй. Дрентельн стал первым преподавателем кафедры артиллерии в только что

---

²⁰ Миграционная цепочка – принятое в миграционных исследованиях понятие, отражающее специфический характер миграций, основанных на личностных (семейных, соседских, партнерских) связях между уже обстроившимися на новом месте иммигрантами и новыми кандидатами к иммиграции.

основанной тогда Военной академии сухопутных войск Чили, возглавлял первые современные артиллерийские части армии, руководство которыми затем передал своим чилийским ученикам.²¹

Еще один любопытный факт. Похоже, что некоторые профессиональные ниши также наследовались внутри русской колонии. Вспомним, что в переписи 1865 г. упомянут один русский врач на Чилоэ, Варфоломеевский, беглый фельдшер с винтовой лодки «Морж», в возрастной категории от 50 до 80 лет. В переписи 1895 г. на Чилоэ также присутствует один русский медик, на этот раз ему от 30 до 40 лет. Есть ли между ними какая-либо связь? На наш взгляд это не исключено.

«Скрипач на крыше» у Южных берегов Америки.

Русско-еврейская эмиграция в Чили началась в 1907 г.²² Перепись этого года зафиксировала значительный рост числа российских иммигрантов по сравнению с предыдущими десятилетиями: с 234 до 660 человек. Российское население Чили выросло за 12 лет на 280%, число мужчин превысило число женщин в 5 раз: 508 против 152, хотя и женщин тоже стало намного больше. Впервые в переписи было отдельно учтено городское и сельское население. В городах проживало 590 русских, из них 447 мужчин и только 143 женщины, в сельской местности были распылены 70 человек (61 мужчина и 9 женщин). Такое соотношение, несомненно, способствовало быстрой ассимиляции российских иммигрантов в чилийском обществе.

Как и десятью годами раньше, наибольшее число иммигрантов проживало в Сантьяго (250 человек), в то время как Антофагаста, центр процветающей селитряной промышленности, сравнялась с Вальпараисо по числу проживавших россиян: в каждом из них было 94 человека. Этот рост можно объяснить увеличением роли Антофагасты в развитии промышленного севера Чили, что делало его привлекательным для иммигрантов, а также наличием в нем большой югославской колонии, в которой в годы перед первой мировой войной были сильны панславянские настроения. Как всегда, большое число русских проживало в Консепсьоне (54 человека) и Магальянесе (65).

К сожалению, мы не располагаем данными о профессиональной

---

²¹ Интервью с А. М. Заушкевичем (15.11.94 г. в Сантьяго).

²² Censo de la República de Chile de 1907. Santiago, Sociedad, Imprenta y Litografía Universo, 1908.

структуре и видам занятости русских иммигрантов этого периода. Однако косвенные свидетельства и источники русско-еврейской колонии указывают на преобладание торгово-коммерческой деятельности над всеми остальными. Среди других видов занятости выделяются ремесленники и квалифицированные рабочие, в том время как число моряков понемногу уменьшается.

В свою очередь, источники по истории одного из первых объединений любителей музыки в Чили, «Общества любителей Баха», указывают, что в Чили проживало большое число артистов – выходцев из Российской империи и, судя по их именам, в основном это были русские евреи.

Маршрут, по которому первые русско-еврейские семьи попали в Чили (известны примеры семей Перельман, Грюнвальд, Маргулис, Кузнецов, Стичкин), проходил через Магелланов пролив и заканчивался в Пуэрто-Монтте, Консепсьоне, Вальдивии и городе Трайген. Поэтому и первые синагоги в Чили появились на юге страны, а не в Сантьяго.

В 1910 году была открыта железная дорога через Анды, между аргентинским городом Мендоса и чилийским Лос-Андес, значительно облегчившая контакты Чили с соседней страной. Именно этот момент стал поворотным в истории русско-еврейской иммиграции в Чили, подавляющее большинство участников которой прибыли в Чили не напрямую из Европы, а из Аргентины. Переезд по железной дороге через Анды присутствует практически во всех семейных историях, которые нам удалось собрать. В годы перед первой мировой войной и в первые годы войны Чили переживала экономический бум, основанный на экспорте селитры, и именно на эти годы приходится пик данного иммиграционного процесса.

Ее результаты отразились в переписи 1920 г., когда российское население Чили достигло 1.320 человек, снова удвоившись по сравнению с предыдущей переписью. Теперь в российской колонии было больше семей, чем когда-либо ранее в истории ее существования. Женщины составляли более трети ее членов (489 женщин против 831 мужчин).²³

Хотя российские иммигранты проживали в 48 населённых пунктах территории страны – от Такны, принадлежавшей тогда Чили, до Магальянеса, ядро колонии начало концентрироваться в столице. В Сантьяго проживало уже более половины русских

---

²³ Censo de Población de la República de Chile. Santiago: Sociedad Imprenta y Litografía Universo, 1925.

иммигрантов (721 человек, из них 418 мужчин и 303 женщины). В Сантьяго вместе с Вальпараисо (162 человека, из них 102 мужчины и 60 женщин) сосредоточились две трети жителей русской колонии.

Произошли важные изменения в распределении русской колонии по другим городам страны. 150 человек проживали на чилийском севере Норте Чико и Норте Гранде (включая Овалье - к северу от них), из них почти половина (70 человек) – в городе Антофагаста. На юге (от Чильяна до Магальянеса) проживало 210 человек, разбросанных по 20 населённым пунктам. Самые большие группы русских жили в Чильяне (30 человек), Консепсьоне (38), Темуко (24), Льяникуэ (23) и Магальянесе (35). В центральной части Чили, помимо Сантьяго и Вальпараисо, проживало 67 русских.

Российская иммиграция носила преимущественно городской характер. Вместе с тем, заметно снижение привлекательности для иммигрантов портовых городов и рост их присутствия в Сантьяго (равно как и новые виды занятости российских евреев). Это может быть связано с вводом в действие железной дороги через Анды, по которой иммигранты прибывали в страну (Чили уже не начиналась только с моря), а также определённым упадком чилийских портов в связи с открытием Панамского канала.

Русско-еврейская иммиграция в Чили имела свои особенности и заметно отличалась от подобных процессов в других странах Северной и Южной Америки в этот период. Если еврейская община в Северной Америке была изначально основана сефардами, прибывшими туда до начала массового исхода евреев из Восточной Европы, то в Чили обе эти волны иммиграции совпали по времени. Как пишет аргентинский историк М. Сендерей, в эту страну сефарды и ашкенази прибыли почти одновременно. Поэтому сефарды не успели создать здесь еврейские организации, в то время как еврейские иммигранты немецкого происхождения, начавшие прибывать в Чили после 1933 года, нашли здесь консолидированную еврейскую общину с ярко выраженной этнико-религиозной идентичностью. Таким образом, евреи из Восточной Европы «оставили свою печать на всей еврейской общине и ее среде влияния, и в Чили это заметно более, чем где бы то ни было», - заключает Сендерей.²⁴

Другой особенностью еврейской иммиграции в Чили было то, что она шла не напрямую из Европы, а в большинстве случаев проходила

---

²⁴ M.Senderey, *Historia de la colectividad israelita de Chile*. Santiago de Chile: Ed. Dos Ydische Wort, 1956. P.11.

через Аргентину. Эти иммигранты, прежде чем обосноваться в Чили, провели некоторое время в соседней стране, научились немного говорить по-испански, что облегчило их дальнейшую адаптацию. Сравнительный анализ статистики переписей и библиографических источников по истории еврейской колонии в Чили позволяет предположить, что большинство тех, кто фигурировал в переписях начала XX века как русские, были русскими евреями. М. Сендерей также подчёркивает, что большинство евреев, приехавших в конце XIX–начале XX века в Чили, были выходцами из Восточной Европы, и чаще всего из Российской империи. Поскольку эта группа иммигрантов въезжала в страну по паспортам Российской империи, для местных властей они были однозначно «русскими».

Поскольку это «приписывание» к имперским идентичностям не препятствовало, а наоборот, облегчало обустройство на новом месте, иммигранты ему не противились. Что касается российских евреев, среди них сильны были воспоминания о погромах и страх антисемитизма на новом месте. И хотя в Чили еврейских погромов никогда не было, бытовой антисемитизм, поддерживаемый католической религией, присутствовал и выражался в дискриминации на бытовом уровне. Поэтому проще было, по крайней мере, до 1917 года, фигурировать как «русские», несмотря на всю сложность своего отношения к Российской империи.

По тем же причинам первые социальные и культурные организации этой группы иммигрантов также фигурировали как «русские». Первая еврейская организация в Чили была основана в 1906 г. под названием «Русская филармония». Филармониями в Чили назывались социальные клубы (отнюдь не обязательно аристократические), в которых устраивались концерты и театральные представления, танцы, званые обеды, отмечались всякого рода праздники и юбилеи. Один из первых торговых домов в Сантьяго был основан русско-еврейскими иммигрантами и был известен как «Русский дом».

Только после октябрьской революции, когда слово «русский» в латиноамериканском мире стало ассоциироваться со страшным для многих словом «большевик», уже оформившиеся к тому времени еврейские организации вернулись к библейскому названию своей религиозной группы. На это возвращение исторического имени огромное влияние оказали события в Буэнос-Айресе в январе 1919 года, названные «Трагической неделей». Тогда народные выступления и забастовки, вспыхнувшие под влиянием русской революции, были представлены аргентинскими властями как рус-

ско-большевистский заговор против правительства, и первый удар местных «черных сотен» был нанесён против анархистских и социалистических организаций русских и еврейских иммигрантов в этой стране. В то время в аргентинском массовом сознании слово «большевик» было равнозначно слову «русский», а «русский» было то же, что и «еврей», и многие далёкие от всякой политики еврейские ремесленники, торговцы, даже относительно крупные предприниматели, подверглись репрессиям как агенты советского режима. С тех пор называться русским стало опасно.

Установив, что большинство русско-еврейских иммигрантов прибыло в Чили из Аргентины, мы попытались выявить причины этой реэмиграции. Что побудило этих людей вновь двинуться в путь, на этот раз из более развитой и богатой Аргентины (экономика этой латиноамериканской страны находилась на шестом месте в мире в годы предшествующие первой мировой) в малоизвестную и гораздо более бедную Чили? По каким причинам не все русские евреи остались в Аргентине, а часть из них решили вторично иммигрировать в Чили? Можно ли вывести какую-либо социальную типологию этих реэмигрантов? Интервью с их потомками позволили нам сделать некоторые выводы.

Большинство русских еврейских иммигрантов прибывали в Аргентину в рамках так называемой «направляемой иммиграции», руководимой различными сионистскими организациями, ставившими своей целью создание «еврейского национального очага» на аргентинской территории и ориентированными на аграрную колонизацию. Как уже говорилось, Аргентина была единственной страной Латинской Америки, которая смогла ассимилировать эту массовую иммиграционную группу и даже создать настоящую аграрную еврейскую культуру. Однако не все еврейские иммигранты, прибывавшие в Аргентину из России, особенно из относительно крупных городов, были готовы посвятить себя сельскому труду. Некоторые из них уже обладали определённым образовательным уровнем, другие были ориентированы на его приобретение, поэтому в их ожидания не входило намерение примкнуть к славной группе аргентинских гаучо. Часть из них, по рассказам их детей, в какой-то момент, будучи еще в России, вдохновилась утопической идеей создания еврейской общины на земле, но, попав в Аргентину и непосредственно на землю, убедилась, что не принадлежали к сельскому миру. А возникшие трения с религиозно настроенными лидерами во многих случаях окончательно отвратили от проекта не столь религиозно

ориентированных участников. Те, кто не смог или не захотел заняться сельским трудом, перебирались в аргентинские города, а в отдельных случаях, предпочли реэмигрировать в Чили. Таким образом, можно сделать вывод о том, что русская еврейская иммиграция в Чили имела более избирательный характер чем аргентинская, была городской и светской, а также более индивидуалистической.

Так, опрошенные нами вспоминали рассказы своих родителей и дедушек, которые объясняли своим детям переезд в Чили тем, что Буэнос-Айрес, да и все аргентинское общество показались слишком «перенаселёнными иностранцами», что не позволяло им выделиться своими способностями и талантами. В этом смысле чилийское общество, небольшое и более однородное, по их представлению, открывало больше возможностей для индивидуального успеха. К тому же в Чили в отличие от Аргентины не было ни анархистских, ни социалистических организаций русско-еврейских иммигрантов. Также почти не известны случаи их активного участия в чилийском рабочем и социалистическом движении. Переезжая через Анды, эти иммигранты стремились к профессиональному и предпринимательскому успеху. Поворот к левым взглядам многих их потомков наметился намного позже, в 30-е годы, после прихода к власти в Германии Гитлера.

Определённую роль в реэмиграции из Аргентины в Чили сыграл климатический фактор. Выходцам из сухих и жарких степей Украины и Бессарабии было сложно адаптироваться к слишком влажному климату Буэнос-Айреса и ещё труднее к тропической жаре и влажности провинции Энтре-Риос, где создавались еврейские аграрные общины. Так что «горный воздух» Чили казался им более здоровым.

В итоге в отличие от других стран Латинской Америки и США русско-еврейская иммиграция в Чили осуществлялась не большими группами, а индивидуально (М.Сендерей), в основном выходцами из городов. Для них было характерно разрозненное включение в чилийское общество. Частный характер приезда и смешанные браки совпадали с особенностями русской иммиграции в целом.

Основным занятием этих иммигрантов, как и членов других относительно крупных иммигрантских колоний в Чили, включая испанскую и итальянскую, становилась мелкая розничная городская торговля и различного рода ремесла. Этому посвящало себя первое поколение, а уже следующие, во многих случаях получив лучшее образование, чем их родители, занимали более высокие позиции в

предпринимательской и профессиональной сфере.²⁵

Примером тому является Иосиф (Хосе) Рабинович, один из первых русско-еврейских иммигрантов, приехавший в Чили в 1884 году и позднее ставший первым производителем сельскохозяйственных машин в стране и хозяином крупного металлургического завода. Он положил начало иммиграционной цепочке, посвятившей себя развитию промышленного и банковского сектора в Чили. В 1914 г. в мастерскую Рабиновича поступил молодой техник Соломон Сак Мот (1892-1961 гг.), уроженец Вильно, нынешней столицы Литвы. Приобретя опыт работы в металлургическом бизнесе, он женился на дочери Х. Рабиновича Юлии и вскоре начал собственное дело. Его специализацией стала поставка строительных материалов, железных и стальных конструкций. Скоро его предприятие стало крупнейшим и наиболее признанным в Чили в этой отрасли. Имя С. Сака неразрывно связано с процессом импортозамещающей индустриализации в стране, со всеми ее знаменитыми проектами. В 30-50-е годы XX века он был президентом Израильского общества и Израильского банка. С.Сак внес также большой вклад в развитие чилийского образования: на территории, подаренной им Чилийскому Университету, была основана Школа Архитектуры инженерного факультета, а созданный им в 1948 г. Фонд Соломона Сака, явился первой в стране инициативой частного бизнеса в области профессионально-технического образования²⁶

Хотя приезжавшие в Чили русские евреи не все имели высокий образовательный уровень, в силу своего происхождения из многонациональной еврейской «черты оседлости» на западе Российской империи почти каждый говорил на нескольких языках. Практически все были грамотные, что для того времени было уже немало, владели широким спектром трудовых навыков. Поставленные в экстремальные условия необходимости выживания на новом месте они были ориентированы на успех. На бытовом уровне, будучи частью городской культуры Восточной Европы, зачастую являлись для провинциальных периферийных обществ своей новой родины носителями этой культуры, в первую очередь музыкальной, но и также лингвистической. Все это облегчало их вхождение в средние слои чилийского общества, более открытого новым веяниям и всему тому, что могли привнести с собой

---

²⁵ Senderey M. Op. cit., P. 216 - 230.

²⁶ Chile a Color. Biografias. P. 381. см. также <http://www.sack.cl/historia.htm>

иммигранты.

Более светский характер этой группы иммигрантов по сравнению с большинством российских евреев в Аргентине являлся результатом их большей степени ассимиляции еще в российском обществе. Во многих случаях можно говорить о смешанной русско-еврейской идентичности. Их дети и внуки вспоминают, что в семьях говорили не только и не столько на идиш, сколько по-русски, особенно те, кто успел получить среднее и начать университетское образование в России, и даже предпочитали изъясняться по-русски, а не на «жаргоне», как они называли язык евреев Восточной Европы. Многие евреи женились на этнических русских, играли на русских народных инструментах и готовили русские национальные блюда наряду с еврейскими. Хотя они и стремились сохранить некоторые национальные обычаи, это не было религиозной еврейской традицией и, придерживаясь светских образовательных традиций, они были открыты к культурному взаимодействию с принявшим их обществом.²⁷

Истории русско-еврейских семей демонстрируют эту высокую способность адаптации к переменам и большой социальный динамизм. Так, профессор Университета Чили Мириам Земельман, особо подчёркивает, что если родители-иммигранты приехав в Чили, зарабатывали на жизнь ремёслами (мебельщиками, столярами-краснодерёвщиками, ювелирами), то их дети шли в бизнес или в профессионально-интеллектуальную сферу деятельности с преобладанием профессий адвоката, архитектора или врача. Они и их потомки внесли большой вклад в развитие бизнеса, культуры, науки, здравоохранения Чили. Достаточно просмотреть списки членов профессиональных коллегий, новости экономики, науки и культуры в чилийской прессе, или просто прогуляться по улицам Сантьяго, обратив внимание на имена архитекторов на стенах построенных ими зданий. Будет трудно поверить, что в момент наивысшего подъёма этого течения, число российских иммигрантов в Чили не превышало 1.320 человек.

Борис Оржих: по следам последнего народовольца.

Среди европейских учёных-натуралистов, а также специалистов в различных областях, переселившихся в XIX веке в Латин-

---

²⁷ Интервью с Мириам Земельман. Взяли О.Ульянова и К. Норамбуэна 7.09.1995 г., Сантьяго.

скую Америку, было немало политических эмигрантов, главным образом из Российской и Австро-Венгерской империй. Перебравшись на новый континент, большинство из них сразу или постепенно меняли свои прежние либеральные взгляды на достаточно консервативные и успешно вливались в местную элиту, скорее на консервативном ее фланге. В Чили примером такой эволюции служит выдающийся польский учёный и инженер, основатель чилийской геологии и минералогии, ректор Университета Чили, Игнатий (Игнасио) Домейко.

С конца 19 века и в начале 20, политэмигранты социалисты и анархисты, в основном из Южной Европы, пытаются продолжить свою революционную деятельность на новом континенте. В странах массовой иммиграции, таких как Аргентина, Уругвай, Бразилия, первые социалистические и анархистские организации были созданы как раз иммигрантами. В чилийской истории мы имеем лишь один, но весьма выдающийся пример российского иммигранта революционера, сохранившего политическую активность на новом месте, в стране, где в целом иммигранты не играли важной роли в политических организациях.

Речь идёт о народовольце Борисе Дмитриевиче Оржихе, судьба которого настолько богата событиями, странами и континентами, что хватило бы на несколько жизней. Борис Оржих родился в 1864 году в Одессе, в семье адвоката, вырос и закончил реальное училище в Сибири, в Томске, где подростком примкнул в революционному движению. В 1882 году поступил на физико-математический факультет университета в Одессе и вошёл в состав Одесской группы «Народной воли». То была одна из немногих, юных и героических попыток нового поколения народовольцев воссоздать организацию после уничтожения структуры, созданной Перовской и Желябовым, последовавшего за убийством Александра Второго. Оржиху, возглавившему эту попытку воссоздания «Народной Воли» на юге России было тогда 18 лет. Через 2 года организация была раскрыта, Оржиху удалось избежать ареста, но с тех пор он переходит на нелегальное положение. Последующие полтора года проходят для него как невероятный водоворот событий. Двадцатилетний студент разворачивает бурную деятельность по объединению народовольческих групп и кружков на юге России в единую организацию, основывает первую после разгрома перво-мартовцев успешную подпольную типографию в России.

В январе 1886 года следует арест, далее суд и в 1888 году приговор к смертной казни, заменённой на бессрочную каторгу. Бори-

су Оржиху всего 24 года. Вместо каторги в Сибири он был оставлен в Шлиссельбургской крепости, где провёл в одиночном заключении 10 лет. В 1898 году крепость была заменена на ссылку в Амурском крае.

Во Владивостоке Оржих становится естествоиспытателем, создаёт первую в крае оранжерею, выступает за придание (точнее возвращение) Владивостоку статуса свободного порта, основывает общественную библиотеку, которой передаёт в дар свои книги. В 1901 году Борис Оржих женится на Прасковье Григорьевне Светаевой, одной из первых женщин специалистов на Дальнем Востоке, работавшей акушеркой городской больницы Владивостока.

Выходец из ассимилированной, светской и русскоязычной еврейской семьи по законам Российской империи Борис Оржих оставался евреем. Официальному заключению брака с Прасковьей Светаевой предшествует принятие им православия, скорее бюрократическая формальность для далёкого от религии человека, чем обращение в другую веру. Подлинной Верой Бориса Оржиха была Революция.

С 1904 года он начинает (наверное, не совсем легально) ездить в Японию. В 1905 году эмигрирует туда, чтобы больше не вернуться в Россию. В 1905-1907 годах издаёт в Японии газету «Воля» на русском языке, ведёт революционную пропаганду среди русских военнопленных.

В 1910 году с женой, Прасковье Светаевой и тремя детьми Борис Оржих переезжает в Чили. О следующих 20 годах его жизни в этой стране ничего не известно. Но в 30-е годы уже семидесятилетний Борис Оржих приобретает второе политическое дыхание: издаёт одну за другой три книги²⁸, активно участвует в Обществе Друзей СССР, переводит советские публикации, ведёт переписку с ВОКСом (советская организация, курировавшая зарубежные «Общества дружбы»)²⁹. Как тематика книг Бориса Оржиха, так и характер его общественной деятельности говорят о том, что старый революционер-народник принял большевистскую революцию и советский режим.

В Чили тех лет у него не было сходной ему по духу и судьбе

---

²⁸ Boris Orjikh, *Como se vive y se trabaja en la Rusia Soviética*, Santiago, Imprenta Selecta, 1933; *El último reinado de los Romanoff*, Santiago, Editorial Bola, 1933; *La Nueva Constitución Soviética, el Documento Fundamental de la URSS*. Santiago: Antares, 1936

²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. оп.106. д.48. л. 1-8.

среды. Неизвестно. Вряд ли вёл он и переписку со своими бывшими товарищами – народниками – эсерами. Биографические словари, кстати, похоронили его гораздо раньше его действительной смерти, указывая дату таковой неопределённо в 30-е годы. Последний этап его политической деятельности проходит под эгидой чилийской компартии и Народного Фронта, в которых он участвует как чилийский гражданин.

В 1939 году незадолго до того овдовевший Оржих отправляется в СССР на пароходе. Шла ли речь о поездке по линии Ассоциации друзей СССР или о планах возвращения на Родину, трудно сказать. Какими бы ни были планы, их изменило начало войны, заставшее Оржиха во Франции и вынудившее его вернуться в Чили. Умер Борис Оржих в 1947 году в Сантьяго.

Его сын Борис Оржих Светаев, родившийся в 1905 году ещё в России, стал в Чили адвокатом и пережил отца ненадолго. Семейную фамилию сохранила как литературный псевдоним жена сына, известная чилийская поэтесса и романистка Виктория Сааведра Рохас, печатавшаяся как Виктория Оржих. Поколения внуков и правнуков российского революционера народника живут сегодня в Чили и в Канаде, куда они эмигрировали из Чили после переворота 1973 года.

Российская иммиграция в Чили в XIX веке вписывается в основные тенденции иностранной иммиграции в этой южноамериканской стране в описываемый период, но в то же время отличается и рядом особенностей. К общим тенденциям можно отнести немногочисленность российской колонии (в Чили иностранцы никогда не составляли более 5% населения, в отличие от соседней Аргентины), включение ее представителей в экономическую жизнь Чили и чилийское общество в качестве среднего класса: от мелких хозяев, ремесленников и фермеров до специалистов профессионалов и крупных предпринимателей (при небольшой обитаемой территории и обилии дешёвой местной рабочей силы иммигранты в Чили не пролетаризировались, опять же в отличие от Аргентины), в основном её городской характер. Среди особенностей можно отметить более высокий образовательный уровень по сравнению с другими группами иммигрантов, мультиэтнический состав, при немногочисленности группы относительно высокий процент не традиционных для эпохи массовых экономических миграций мотиваций. Иными словами, российские иммигранты, обосновавшиеся в Чили, чаще основывали своё решение покинуть свою страну

не по экономическим причинам: национальная дискриминация меньшинств, политические преследования. Высокий образовательный уровень отдельных представителей этой группы мигрантов способствовал складыванию первого образа России в чилийском обществе, в котором культурная составляющая играла большую роль по сравнению с имиджем других европейских стран, чьи подданные и граждане основывались на далёких берегах южно-американского конца света.

Сезар Росс¹
César Ross

Японские иммигранты в Чили (1897-1943): от торговли к шпионажу?²
Japanese migration to Chile, 1897-1943: from business to espionage?

Аннотация: В период с 1897 по 1943 гг. в отношениях между Чили и Японией чётко прослеживаются два этапа: первый продолжался с 1897 по 1940 гг., второй с 1941 по 1943 гг. В этой периодизации ключевую роль играет вступление Японии в 1941 г. во Вторую мировую войну, изменившее характер японо-чилийских отношений и поставившее под угрозу завоёванные к 1930 г. позиции Японии как главного партнёра Чили в Азии. Япония из главного азиатского партнёра превратилась в угрозу стратегического характера (опасность бомбардировок и вторжения); в Чили японцы перестали восприниматься в качестве друзей (иммигрантов интегрированных в чилийское общество) и превратились во внутренних врагов (иммигрантов связанных с сетью японских шпионов). В этой статье речь идет о малоизвестной главе истории международных связей Чили и ее отношений с Японией.

Ключевые слова: Миграция, Япония, Чили, Вторая мировая война шпионаж.

Abstract: In the period from 1897 to 1943, the relations between Chile and Japan went through two distinct stages (1897-1940 and 1941-1943). This periodization was marked by the entry of Japan into the Second World War in 1941, changing the course of the relationship with Chile and endangering the position reached by Japan to 1930 as senior partner of Chile in Asia. There was a radical transformation: in the bilateral level, Japan went from being the most important trading partner country in Asia to become a strategic threat (danger of bombing and invasion); and

---

¹ Профессор, научный сотрудник Института высших исследований Университета Сантьяго-де-Чили. Заведующий докторантурой по специальности “Американские исследования” Университета Сантьяго-де-Чили.

² Эта статья является частью большого исследовательского проекта (№ 1110820), финансируемого Национальным фондом научного и технологического развития (Чили).

in a national level, the Japanese went from being displayed as friends (migrants integrated into Chilean society) to become domestic enemies (migrants associated with the Japanese spy network in Chile). This story involves a relatively unknown chapter of the international history of Chile and its relationship with Japan.

Keywords: Migration, Japan, Chile, World War II, Espionage

В истории американского континента иммиграция сыграла ключевую роль в формировании наций и складывании национальных идентичностей. В Чили иммиграция также являлась очень важным фактором, хотя ее значение имело скорее качественный, а не количественный характер, поскольку число иммигрантов было гораздо меньше, чем в США, Аргентине и Бразилии. Иммигранты оказали значительное влияние на чилийскую элиту, которая пополнялась ими, особенно выходцами из Европы³, с момента достижения независимости Чили. Иммигранты с европейской периферии⁴ и других континентов⁵полнили средний класс и, за редким исключением, пользовались меньшим влиянием⁶. Японцы, иммигрировавшие в Чили, были частью этой второй группы, но с одним важным отличием: по крайней мере во время Второй мировой войны они достигли непропорционально большого влияния, если учитывать их малую численность в общей массе иммигрантов⁷.

В период с 1897 по 1943 гг. в отношениях между Чили и Японией выделяются два этапа (1897-1940 гг. и 1941-1943 гг.); в это время Япония занимала центральное место в отношениях Чили с азиатским континентом, особенно в торговой сфере. В разгар Второй мировой войны (нужно учитывать, что Чили находилась в сфере влия-

---

³ Среди них выделяются британцы и французы – холостые мужчины, которые разбогатели в Чили и затем вошли в правящий класс с помощью женитьбы. Немецкие иммигранты, ценившиеся за их вклад в экономику, занимали особое положение, так как они селились на юге страны и заключали браки внутри своей группы, что замедлило их интеграцию в чилийское общество.

⁴ Хорваты, испанцы, греки, итальянцы и другие.

⁵ Палестинцы, китайцы, японцы и другие.

⁶ Самым ярким исключением был Артуро Фортунато Алессандро Пальма (1868-1950) – внук итальянских иммигрантов, ставший первым президентом (1920), чья семья не была частью традиционной чилийской олигархии.

⁷ Согласно переписи 1940 г. японские иммигранты составляли 36,2 % от всех иммигрантов из Азии, 0,9 % от всех иностранцев и 0,02 % от населения страны в целом.

ния США) связи были разорваны, что привело к важным последствиям как во внешней, так и в во внутренней политике страны.

Частью японской экспансии в Латинской Америке стало подписание японо-чилийского договора о дружбе, торговле и судоходстве в сентябре 1897 г.⁸, который положил начало очень тесным двусторонним связям и во многом повлиял на позиции занимаемые Чили в Азии вплоть до сегодняшнего дня. Как было отмечено в ряде публикаций⁹ подписание этого договора и начало пароходного сообщения в 1905 г. (“Тойо Кисен Кайша”¹⁰) стали ключевыми факторами, вызвавшими увеличение объёма торговли между странами, и привели к росту потока японских иммигрантов в Чили. Как видно из чилийской статистики¹¹ к середине 1930 г. Япония являлась главным рынком для чилийского экспорта в Азии и важным поставщиком иммигрантов в Чили (второе место в Азии после Китая).

До 1930 г. японо-чилийские отношения развивались на фоне роста могущества Японии: в 1854 г. под воздействием США страна открылась влиянию Запада, позднее Япония победила Российскую империю в войне 1904-1905 гг., была главным торговым партнёром Чили в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1905-1930 гг.¹²

После преодоления последствий кризиса 1929-1930 гг. объёмы двусторонней торговли восстановились и начали расти, однако эта тенденция прервалась из-за разрыва дипломатических отношений, произошедшего 20 января 1943 г. по инициативе правительства Чили¹³.

---

⁸ Договор был подписан 25 сентября 1897 г., ратифицирован 24 сентября 1907 г. и обнародован 30 марта 1907 г.

⁹ См.: *Ross C.* Chile y Japón: balance de un siglo de relaciones económicas, 1897-1997 // *Diplomacia*. 1999. № 78. P. 55-67.

¹⁰ См.: *Jara M.* Hace 85 años: arribo del primer vapor de la Toyo Kisen Kaisha a Chile // *La Segunda*. 25 de abril de 1991. P. 18.

¹¹ *Censos de Población y Estadística Comercial*.

¹² Торговые и миграционные потоки между странами усилились после открытия пароходной линии “Тойо Кисен Кайша”, связавшей Японию с Чили.

¹³ Decreto N° 182, del 20 de enero de 1943. Mensaje presidencial en Sesiones Ordinarias del Congreso Nacional, 21 de mayo de 1943, pp. XIII-XV. Sobre la ruptura de relaciones de Chile con el Eje, entre otros, véase: Barros Van Buren, Mario (1998) *La Diplomacia Chilena en la II Guerra Mundial*, Empresa Editora Arquen Ltda., Santiago-Chile; y Nocera, Raffaele (2005), *Ruptura con el Eje y Alineamiento con Estados Unidos. Chile durante la Segunda Guerra Mundial*, en *Historia* No 38 (PUC), Vol. II, pp. 397-444.

Социальный аспект периода 1930-1943 гг. характеризовался консолидацией иммиграционного потока, что позволило японской диаспоре укрепиться в Чили: ее представители поселились в различных регионах страны, вели трудовую деятельность, создали семьи, отправляли детей в местные школы и начали успешную интеграцию в общество, постепенно “чилинизируясь”¹⁴.

Если посмотреть на проблему более широко, то мы увидим, что японская иммиграция в Чили была вызвана процессами, происходившими в самой Японии в изучаемый период, а также ключевыми событиями мировой истории первой половины XX в.¹⁵ Этот контекст серьёзно повлиял на развитие событий. Если поначалу японская эмиграция являлась типичным социально-экономическим феноменом, то с началом Второй мировой войны она оказалась связанной с международной политикой, приобрела гораздо большее значение, а Япония¹⁶ стала играть главную роль во внешней политике Чили.

Как видно из названия статьи основное содержание феномена японской иммиграции в Чили в период с 1905 по 1940 г. заключалось, главным образом, в ведении торговли и бизнеса, а в 1941-1943 гг. оно поменялось и оказалось связанным с Войной и ее последствиями¹⁷.

С конца XIX в. японская иммиграция в Чили приобретала типичные черты свойственные иммиграции в страны Латинской Америки и Карибского бассейна (наибольшее число приезжих принимали Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика и Перу). Японские иммигранты были бедны, малообразованны, имели сильное желание работать и эволюционировали также как их предшественники и современные коллеги: на первом этапе они тяжко трудились, копили начальный капитал для собственного дела; на втором этапе приоб-

---

¹⁴ Я использую термин “чиленизация”, так как его использовал S. González Miranda в книге “Chilenizando Tunupa. La escuela pública en el Tarapacá Andino 1880-1990”. Santiago de Chile, 2002. Этим термином обозначается процесс, инициированный сверху, в результате которого “возникла вынужденная идентификация” определённой группы населения с государством Чили.

¹⁵ Русско-японская война (1904-1905), Первая мировая война (1914-1918), мировой экономический кризис 1921 г., мировой экономический кризис 1929 г. и Вторая мировая война.

¹⁶ Вместе с другими державами Оси и главными членами Антигитлеровской коалиции.

¹⁷ Военная угроза и шпионаж.

ретали частную собственность, вступали в брак с японками или местными женщинами; на третьем этапе они приобретали определенное положение благодаря успеху в делах и большому участию в общественной жизни, а также благодаря растущей роли Японии в мировой промышленности и торговле с Чили (уже в 1930 г. Япония была главным азиатским торговым партнером Чили). Таким образом, в 1930-е гг. Япония и японцы занимали важное место в представлениях чилийской элиты о мире и позитивно оценивались средним и низшими классами Чили¹⁸.

Вторая мировая война и особенно атака на Перл-Харбор (1941)¹⁹ изменили динамику отношений между Чили и Японией. С точки зрения чилийцев произошли кардинальные перемены: Япония из главного торгового партнера в Азии превратилась в стратегическую угрозу (опасность бомбардировок и вторжения); внутри Чили японцев перестали воспринимать в качестве друзей (иммигрантов интегрированных в чилийское общество) и стали относиться к ним как к внутренним врагам (иммигрантам, связанным с японской шпионской сетью в Чили).

Таким образом, война привела к тому, что различные аспекты двусторонних отношений²⁰ свелись к двум – к безопасности и обороне, через призму которых оценивались взаимодействия между странами.

В связи с этим трансформация общей парадигмы не только изменила отношение чилийцев к Японии и японцам, но и повлияла на развитие двусторонних связей: от нормальных дипломатических отношений, существовавших в 1897-1943 гг.²¹, к их разрыву в 1943 г.²² и объявлению войны в 1945 г.²³

Учитывая контекст в котором шла японская иммиграция в Чили, вопрос, рассматриваемый в этой статье, заключается в следующем: какими были основные последствия Второй мировой войны для японцев, поселившихся в Чили в период с 1875 по 1940 гг.?

---

¹⁸ *Takeda A. Anecdotalario histórico: Japoneses chilenos. Primera mitad del siglo XX. Santiago de Chile, 2006.*

¹⁹ 7 декабря 1941 г.

²⁰ Торговые, социальные, культурные, политические и т. д.

²¹ Формально они были установлены с момента заключения “Договора о дружбе, торговле и судоходстве между Чили и Японской империей”, подписанного в Вашингтоне 25 сентября 1897 г.

²² 19 января 1943 г. на секретном заседании Сената Республики Чили.

²³ 14 февраля было введено “состояние боеготовности”, а 12 апреля 1945 г. объявлена война.

Гипотеза, развиваемая в этом исследовании, состоит в том, что длительность процесса миграции японцев в Чили, их глубокая интеграция в общество, а также политический вес участников сети, сложившейся вокруг так называемой “Дипломатии иены”, помогли сдержать негативные последствия, вызванные восприятием Японии как стратегической угрозы Чили. Кроме того, мировая реакция на ядерные атаки городов Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. способствовала пересмотру угрожающего образа Японии, сложившегося в 1941- 1943 гг.

В этой статье речь идёт о малоизвестной главе истории международных связей Чили и ее отношений с Японией. Ниже в статье будут прослежены основные этапы японской иммиграции в Чили и влияние войны на японских иммигрантов в контексте сложной системы противоречивых интересов, в которой представители чилийского общества были связаны с японскими дипломатами через “торговлю влиянием”, взятки и угрозы.

1. Японская иммиграция в Чили (1875-1943)

Даже в последних исследованиях о японской иммиграции в Латинскую Америку²⁴ обычно выделяют два периода или две миграционные волны: до и после Второй мировой войны. Тем не менее, Котаро Оризака и Эйзабуро Окуйзуми предлагают более широкую и сложную картину процесса, о котором мы пока знаем далеко не все.

Котаро Оризака выделяет четыре этапа в истории связей между Японией и Латинской Америкой в XX в.: первый был отмечен иммиграцией и торговлей, второй – иностранными инвестициями, третий – займами частных банков и четвёртый – бездеятельностью²⁵. Таким образом, хотя миграционный поток шёл непрерывно (он был прерван лишь Второй мировой войной), особое значение он имел в период с 1899 по 1943 гг. Эйзабуро Окуйзуми, считающийся одним из главных экспертов по проблеме японских мигрантов²⁶, отмечает, что это объясняется в первую очередь внутривнутриполитическими причинами, вызванными реформами эпохи Мейдзи (1868-1912), кото-

---

²⁴ *Toake E.* Exporting Japan: Politics of Emigration to Latin America. Chicago, 2009.

²⁵ *Horizaka K.* Las relaciones económicas de Japón con América Latina // Japón, los Estados Unidos y la América Latina. ¿Hacia una relación trilateral en el hemisferio occidental? México, 1994. P. 61-87.

²⁶ Так считает эксперт Adolfo A. Laborde Carranco. См.: La política migratoria Japonesa y su impacto en América Latina // Migraciones Internacionales. 2006. Año/vol. 3. № 003. P. 155.

рые выступили в качестве “выталкивающей силы”. Сторонники этой аргументации, как видно из работ Мацушита²⁷, Мастерсона и Фунады²⁸ и Лаборде²⁹, выделяют четыре причины: первая связана с аграрной реформой и ее двумя главными последствиями – пролетаризацией многих землевладельцев, которые, не сумев уплатить новые налоги, лишились земель, и потеря конкурентоспособности многих мелких собственников из-за внедрения новых технологий в производственный процесс (модернизация). Эти обстоятельства вынудили японских батраков мигрировать в города (главным образом в Токио и Осаку), что заставило правительство искать пути уменьшения давления (трудового и социального) с помощью государственной миграционной политики. Вторая причина, как показали Даниэль М. Мастерсон и Саяка Фунада-Классен³⁰, состоит в том, что японская эмиграция отвечала геостратегическим целям расширения политического и экономического влияния Японии в мире. Третьей причиной, отмеченной профессором Хироши Мацушито³¹, была необходимость доступа к природным ресурсам. И четвертой причиной, связанной с предыдущей, являлась потребность в развёртывании широкой сети японцев для обеспечения интересов связанных с доступом к источникам сырья.

Исходя из этого Япония разработала долгосрочную, хорошо продуманную миграционную политику. В конце XIX в. в Министерстве иностранных дел Японии ее курировал Такеаки Еномото, занимавшийся отправкой специальных агентов на Филиппины, Фиджи, в Малайзию и Мексику с целью выявления возможных направлений японской миграционной политики в этих странах. В марте 1927 г. после одобрения в парламенте японское правительство создало Федерацию миграционных кооперативных сообществ, которая к середине 1930-х гг. действовала в 44 из 47 префектурах страны, что позволило ей добиться больших успехов в решении поставленных задач (также в распоряжении Федерации находились значительные материальные ресурсы)³². В 1930-е гг. Сехимура,

---

²⁷ *Matsushita H.* La Diplomacia Japonesa en América Latina después de la segunda Guerra Mundial // *Japón, los Estados Unidos y la América Latina. ¿Hacia una relación trilateral en el hemisferio occidental?* México, 1994. P. 88-108.

²⁸ *Masterson D. M., Funada-Classen S.* The Japanese in Latin America. Chicago, 2004.

²⁹ *Laborde Carranco A. A.* Op. cit. P. 155.

³⁰ *Masterson D. M., Funada-Classen S.* Op. cit.

³¹ *Matsushita H.* Op. cit. P. 88-108.

³² Мастерсон и Фунада подсчитали, что в первые годы для осуществления

бывший директор отдела Торговли Министерства иностранных дел Японии (английская аббревиатура – MOFA³³), развивал отношения с Бразилией – во-первых, для укрепления политического и торгового влияния Японии, а во-вторых он искал новые территории для японских мигрантов в Южной Америке.

Основываясь на вышесказанном, перечисленные авторы выделяют два главных миграционных потока японцев. В конце XIX в. первый поток шел сначала на Гавайские острова, а затем в США и Канаду где вызвал ксенофобскую реакцию и принятие законодательных актов³⁴, ограничивших японскую иммиграцию. По мнению Эйзабуро Окуйзуми³⁵ в это время США и Япония начали секретные переговоры по вопросу предотвращения миграции японцев в США и Мексику и их расселения в районе границ этих стран. Эти переговоры привели к появлению второй миграционной волны, направленной в Бразилию и Перу³⁶.

Принимая во внимание статистику, составленную Ийо Кунимото³⁷, в один только период до начала Второй мировой войны, по-видимому, было три волны или фазы миграционного процесса: с 1899 по 1910 гг., с 1911 по 1920 гг. и с 1930 по 1940 гг.

Согласно Ийо Кунимото в 1899-1940 гг. японская миграция в Латинскую Америку³⁸ шла по трем главным направлениям: в Бразилии обосновались 187.709 японцев (77,3 %), в Мексике 14.448 (5,9 %), в Перу 32.946 (13,6 %). Несмотря на то что не все согласны с этой статистикой, различные авторы сходятся в том, что эти цифры

колониционных проектов японское правительство выделило около 800 тысяч иен.

³³ MOFA, Ministry of Foreign Affairs (Japan).

³⁴ В США их приняли в 1907 г., в Канаде в 1908 г., затем к этим странам присоединилась Австралия, принимавшая только белых мигрантов.

³⁵ *Okuizumi I. Annexes to Summary of the Course of Negotiation between Japan and the United States concerning the Problem of Japanese Immigration in the United States. Vol. 1, 2. Tokyo, 2004.*

³⁶ Во время второй миграционной волны Япония вновь попыталась направить мигрантов в Мексику, однако потерпела неудачу. Из-за этого основное внимание было сосредоточено на Южной Америке.

³⁷ *Kunimoto I. La Emigración Japonesa a América Latina // Japón, los Estados Unidos y la América Latina. ¿Hacia una relación trilateral en el hemisferio occidental? México, 1994. P. 109-129.*

³⁸ В 1899-1940 гг. всего в Латинскую Америку эмигрировали 242.899 японцев. Эти и другие статистические данные см. *Kunimoto I. Op. cit. P. 114.*

отражают масштабы миграции.

Оставив в стороне историографические дебаты о периодизации и проанализировав статистику, можно увидеть, что японская миграционная политика в целом достигла своих целей. Действительно, она сумела направить японцев в Латинскую Америку и сконцентрировала их в трёх странах, обозначенных с самого начала (Мексика Бразилия Перу), несмотря на то что со временем, из-за давления США, Мексика перестала быть осуществимым вариантом.

В 1897-1943 гг. и позднее японские иммигранты в Латинской Америке превратились в один из факторов взаимоотношений между Японией и латиноамериканскими странами, а после вступления Японии во Вторую мировую войну они приобрели особое значение, стали возбуждать недовольство.

В целом периодизация профессора Оризаки все ещё является ценной для изучения отношений между Японией и Чили. Первый этап, отмеченный приездом японских мигрантов и торговлей, охватывает период с 1875 по 1943 гг., второй этап, связанный с инвестициями и торговлей, прошёл с 1953 по 1973 гг., третий этап, основанный на торговле, инвестициях и займах частных банков, начался в 1973 г. и закончился в 1996 г., четвёртый этап в Чили начался после кризиса в Азии в 1997 г.

Как говорилось выше и как показывают статистические данные переписей населения Чили, азиатские мигранты приезжали главным образом из Китая и Японии; гораздо меньше было выходцев из Шри-Ланки, Филиппин, Индии, Сиамы (Таиланд, Камбоджа, Лаос) и других стран Азии не отмеченных в переписях.

Китайцы (77,2 %) и японцы (20,1 %) были наиболее многочисленными группами, отмеченными в чилийской миграционной статистике³⁹.

Первое упоминание о японских иммигрантах появилось в переписи населения 1875 г., а их наибольшее число зафиксировано в переписи 1940 г. (948 человек)⁴⁰. Переселение японцев было классическим примером экономической миграции. В первый период (1875-

---

³⁹ В 1875-1940 гг. общее число мигрантов, приехавших в Чили, составило 11.927 человек. Из них китайцев было 9.207, японцев 2.394 (подсчитано автором на основе переписей населения Республики Чили в указанный период).

⁴⁰ В переписи 1952 г. японцы не выделены в отдельную группу, в ней есть лишь параграф о азиатских иммигрантах в целом, которых насчитывалось 1749 человек (в это число не входят китайцы).

1885 г.) это проявилось в среде японцев, проживавших в перуанских и боливийских провинциях присоединённых к Чили после Тихоокеанской войны (1879-1883). На втором этапе (1885-1905 гг.) иммиграция усилилась в результате появления заманчивых рабочих мест в “селитряном анклаве” и порте Вальпараисо. На третьем этапе (1905-1943 гг.) уже более динамичная японская иммиграция в Чили стимулировалась удобством морского транспорта⁴¹. В этот период миграционный поток из Японии в Чили шёл осознанно и не был следствием внешних факторов, как это было на первом этапе.

В отличие от обычной практики торговые отношения между двумя странами начались не со свободного обмена продуктами, а с подписания исторического “Договора о дружбе, торговле и судоходстве между Чили и Японской империей”⁴² в Вашингтоне 25 сентября 1897 г. В 1899 г. Чили направило в Японию своего первого дипломатического представителя - Карлоса Морлу Видуэру. Эти события положили начало политическим и дипломатическим отношениям между странами.

Собственно торговля началась в 1903 г. и ее оборот составил всего 108.803 доллара. Торговые операции начали стабильно расти лишь с открытием паромной линии “Тойо Кисен Кайша” между Токио и Вальпараисо. Начиная с этого момента, число иммигрантов и объем торговли уверенно росли вплоть до разрыва отношений между Чили и державами Оси (Германия, Италия и Япония) в январе 1943 г., что ознаменовало конец первого этапа отношений между Чили и Японией. Тем не менее, за это короткое время Япония превратилась в главного торгового партнёра Чили в Азии с торговым оборотом составлявшим приблизительно 20 миллионов песо.⁴³

К 1930 г. имидж Японии в Чили был очень позитивным. Во-первых, из-за уровня развития достигнутого Японией и соответствующих ожиданий чилийцев воспользоваться этим во благо своей страны⁴⁴, во-вторых, из-за победы над Российской империей в войне 1904-1905 гг., в-третьих, из-за лидерства Японии в торговле Чили с азиатскими странами, и в-четвертых, из-за физического⁴⁵ присут-

---

⁴¹ Подробности см. в пункте 1.1 данной статьи.

⁴² Boletín de Leyes y Decretos 1897, Tomo I, p. 229 y ss.

⁴³ Цифры взяты из отчётов Министерства финансов.

⁴⁴ Примером этого стали позитивные результаты миссии Фукишимы в Чили. См.: *Schneider T.* Importancia de la Misión Fujishima // Boletín de la Sociedad Nacional de Agricultura. 1903. Vol. XXXIV. № 5. P. 77-79.

⁴⁵ Не символического.

ствия японских иммигрантов, которые хотя и расселились по всей тогдашней территории страны⁴⁶, но концентрировались в городах.

Японские иммигранты (Исисей⁴⁷) обладали скромными финансовыми ресурсами и были малообразованны, что заставляло их браться за незначительные работы. Несмотря на это они довольно успешно начали вести независимую торговую деятельность, позволившую им быстро интегрировать детей (Нисей⁴⁸) в чилийскую школьную систему и благодаря этому все больше японцев получали доступ к образованию третьего уровня (техническому и университетскому). Таким образом, шёл классический процесс продвижения по социальной лестнице: очень бедные иммигранты поднимались благодаря труду и образованию от поколения к поколению, из одного социального класса или подкласса в другой, более высокий.

Из статистики видно, что число японских иммигрантов в Чили росло и достигло пика в 1940 г.⁴⁹ Их расселение по территории страны показывает, что большинство концентрировалось в центре и на севере Чили; города Антофагаста и Сантьяго поглотили почти половину (45,7 %) японских иммигрантов. Антофагаста привлекал своей горнодобывающей отраслью, а Сантьяго сложной экономической структурой и следовательно значительными возможностями трудоустройства.

Можно утверждать, что к середине 1940 г. японские иммигранты сумели обустроиться и развили активную трудовую деятельность в разных сферах. После Второй мировой войны представители второго и третьего поколения иммигрантов уже были частью наиболее обеспеченной прослойки чилийского среднего класса и высших слоёв⁵⁰. Что касается политики, то нет исследований, проливающих свет на роль первого поколения японских иммигрантов в политических организациях, но существуют отдельные данные, указывающие на то, что некоторые японцы были связаны с этими организациями, хотя точно неизвестно насколько тесными были эти связи.

---

⁴⁶ Включая провинцию Тарапака, которая после подписания «Лимского договора» вновь вошла в состав Перу.

⁴⁷ Японский иммигрант в первом поколении, родившийся в Японии.

⁴⁸ Японский иммигрант второго поколения, родившийся за пределами Японии.

⁴⁹ Из последующих переписей населения видно, что число японских иммигрантов постоянно уменьшалось.

⁵⁰ Исключительным примером является Карлос Оминами Паскуаль, который после восстановления демократии в Чили (в 1990 г.) занимал посты в правительстве и выборные должности.

Война и шпионаж (1941-1943): другая сторона японской иммиграции?

Чили была вовлечена во Вторую мировую войну на трёх различных уровнях: благодаря местной прессе, распространявшей сообщения мировых информационных агентств, посредством поляризации чилийцев по линии идеологических предпочтений и симпатий (часто связанных с происхождением предков) и через секретные действия дипломатов противоборствующих сторон, принявших форму шпионажа.

В связи с этим возникает вопрос: какими были основные последствия Второй мировой войны для японских иммигрантов в Чили?

Атака на Перл-Харбор стала поворотным моментом, активировавшим процесс трансформации отношений между Чили и Японией, и привела к переоценке промышленной мощи Японии: восхищение “эпохой Сёва”⁵¹ сменилось страхом, вызванным мыслью о том, что эта выдающаяся эффективность поставлена на службу разрушению.

После атаки на Перл-Харбор и особенно после разрыва дипломатических отношений в чилийской прессе начали появляться тревожные сообщения, суть которых сводилась к тому, что Чили могла стать объектом военной агрессии со стороны Японии. Журнал “Ercilla” 27 января 1943 г. озвучил официальную точку зрения японского правительства: «Пресс-атташе японского правительства Томаказу Ори заявил на пресс-конференции в прошлый четверг (21 января), что “Чили понесёт полную ответственность за последствия разрыва отношений с Японией и двумя другими державами Оси”, и что “Чили отказалась от сильных морских позиций на южном побережье Тихого океана”»⁵².

Реальная или мнимая, эта угроза вызывала неуверенность и дискуссии в обществе и не всегда они велись на тему опасности трагического вступления в войну, как это случилось с США.

В начале 1942 г. правительство США отправило 100 военных в Чили для установки тяжёлой артиллерии в Антофагасте и Токопилье. Это было сделано для защиты медных залежей и экспортных поставок этого металла, необходимого военной промышленности США, от возможных диверсий со стороны Японии⁵³.

---

⁵¹ Период правления императора Хирохито (25 декабря 1926 г. – 7 января 1989 г.).

⁵² Revista Ercilla, enero 27 de 1943. P. 11.

⁵³ *Fernandois J.* Op. cit. P. 168-169.

В том же номере журнала “Ercilla” от 27 января 1943 г. шли дискуссии об этой скрытой угрозе и перечислялись аргументы, направленные на предотвращение возможной паники: во-первых, был отмечен фактор территориальной удалённости Чили и указывалось, что из всех американских стран Тихоокеанского побережья Чили находится на наибольшем расстоянии от любой военно-морской базы Японии; во-вторых, отмечалось, что не существовало самолётов, способных пересечь Тихий океан, и тем более было невозможно совершить перелёт туда и обратно, поэтому Чили находилась вне воздушной досягаемости; в-третьих, говорилось о том, что страна могла подвергнуться атаке с авианосцев, но сами по себе авианосцы были “беззащитны и неэффективны” и нуждались в мощной охране, которую Япония не могла финансировать; и, в-четвертых, доказывалось, что Чили “также была вне зоны действия подводных лодок”, если только последние не располагали “плавучими базами”⁵⁴, разбросанными вблизи от американского побережья Тихого океана⁵⁵.

Так как в то время была доступна не вся информация известная в наши дни, можно сказать, что статья заканчивается наивными выводами, однако в свете произошедших событий она заставляет задуматься. В статье говорится, что если бы Япония располагала военно-морской или военно-воздушной базой “в глубинах” Тихоокеанского региона, то “ситуация была бы иной”. “Чтобы успешно атаковать Чили, Япония должна была бы захватить Остров Пасхи, который находится на расстоянии 3.760 км. от города Кальдера”⁵⁶. По данным ФБР именно в тот период японское правительство прилагало значительные усилия для покупки Острова Пасхи, но в конечном итоге успеха не достигло.

С июля 1941 по февраль 1942 г. МИД Чили выдал японскому посольству в Сантьяго 34 новых дипломатических паспорта⁵⁷. Отчёты ФБР⁵⁸ и историографическая дискуссия на эту тему (Matthews, Rodao, Rafalko) показывают, что речь шла о формировании шпионской сети для проведения операций в портах Мехильонес, Токопилья, Антофагаста и Вальпараисо, а управлять этой сетью должно

---

⁵⁴ Для материально-технического обеспечения операций.

⁵⁵ Revista Ercilla, enero 27 de 1943. P. 11.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Данные на основе ежегодных отчётов Министерства иностранных дел Чили (1941-1943).

⁵⁸ См. архивы ФБР, находящиеся в NARA (National Archives and Records Administration: <http://www.archives.gov/>).

было японское посольство в Сантьяго.

Не случайно министр иностранных дел Японии Шихенори Того выбрал Киоши Ямагату и дал ему указания обосноваться в Сантьяго, который, по мнению самих японцев, был наилучшим местом для руководства японской шпионской сетью в регионе⁵⁹. Перед тем как осесть в Чили Ямагата в ранге посла ездил по всему американскому континенту и собирал информацию о каждой стране для правительства Японии⁶⁰.

Шпионская деятельность сети “То” в стране, вербовка чилийцев, а также ее способность оказывать эффективное влияние на высшие сферы чилийской политики были ключевыми факторами, приведшими к появлению новой формы двусторонних отношений – “Дипломатии иены”.

Феномен, который в этой статье обозначен термином “Дипломатия иены” был официальной, но неформальной политикой, позволившей Японии оказывать влияние с помощью подкупа и взяток (Galbraith). Согласно архивам ФБР, докладам Секретной разведывательной службы (МИ 6) и отчётам Главного управления разведки Чили, такая политика начала применяться с 1942 г. и велась, помимо прочего, по трём направлениям:

а) Стремление купить Остров Пасхи⁶¹ и газету “La Nación”⁶².

б) Создание лобби для влияния на СМИ (“La Opinión”, “El Diario”, “El Ilustrado”, “Zig-Zag”, “La Hora”)⁶³.

в) Организация системы подкупа группы чилийских депутатов, лидером которых был, по-видимому, Карлос Ибаньес-дель-Кампо⁶⁴, с целью формирования благоприятного общественного мнения по отношению к Японии и недопущения принятия Конгрессом Чили

---

⁵⁹ Это противоречит тезису Флорентино Родао, согласно которому центром шпионской сети “То” в Латинской Америке был Буэнос-Айрес. См.: Rodao F. Franco y el imperio japonés. Imágenes y propaganda en tiempos de guerra. Barcelona, 2002.

⁶⁰ Sanchís Muñoz J. R. Japón y la Argentina. Historia de sus relaciones. Buenos Aires, 1997. P. 99.

⁶¹ См.: Meneses Ciuffardi E. El factor naval en las relaciones entre Chile y los Estados Unidos (1881-1951). Santiago de Chile, 1989. P. 199-203.

⁶² См.: Daza, Loreto (1997), “Los archivos del FBI sobre Chile”, Documento especial revista Qué Pasa, Santiago, Chile.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Карлос Ибаньес-дель-Кампо – чилийский военный, ворвавшийся в политику во время переворота 1924 г. (“трохот сабель”). Был президентом Чили в 1927-1931 и 1952-1958 гг.

решения о разрыве отношений с державами Оси и объявлении им войны⁶⁵.

Политические последствия и вопросы национальной безопасности, связанные с проведением “Дипломатии иены”, привели к тому, что сохранение нейтралитета Чили стало невозможным. Правительство Хуана А. Риоса наблюдало как суверенитет страны “подтачивался”⁶⁶ и разрыв отношений, как и объявление войны, становились неизбежными. Тем не менее, только прямая угроза государственного переворота против Риоса заставила последнего разорвать отношения с Японией.

Некоторые исследователи утверждают, что в конце 1943 г. английская разведка раскрыла попытку государственного переворота против президента Риоса для восстановления нейтралитета Чили и открытия страны влиянию Германии⁶⁷. Помимо других организаций за попыткой переворота стояло правительство Японии, выделившее на эти цели 1,5 миллиона чилийских песо (около 47 тысяч долларов)⁶⁸.

9 января перед лицом неминуемого разрыва отношений японское правительство направило 5,5 миллионов песо (170 тысяч долларов) на те же цели. 12 февраля японское посольство в Буэнос-Айресе информировало, что запланированная встреча между чилийскими “заговорщиками” и послом Японии в Аргентине Шу Томии⁶⁹ была отменена, так как американская разведка вела за ними жёсткую слежку⁷⁰. Вместо себя посол послал третьего секретаря Кен Усуя, сообщившего, что заговорщики изложили часть своего плана и попросили больше денег.

По данным ФБР цель переворота состояла в принуждении Риоса поменять правительство для недопущения разрыва отношений. Если к моменту начала переворота отношения уже были бы разорваны, то

---

⁶⁵ Согласно докладом ФБР сам председатель Сената Чили Флоренсио Дурран посоветовал японскому послу в Сантьяго Киоски Ямагате использовать подкуп. NARA, Archivo FBI, Cable 53531.

⁶⁶ Существовала пятая колонна, о действиях которой было много информации, а ее лидером, по-видимому, был Такаясу Омбо.

⁶⁷ См.: *Takeda A.* Op. cit.; *Meneses Ciuffardi E.* Op. cit. P. 199-203.

⁶⁸ Этот и нижеследующие подсчеты сделаны на основе курса обмена валют, указанных в *D’Ottone H., Cortés H.* *Tasas cambiarias de Chile en relación al dólar y la libra esterlina (1830-1964)* // *Boletín Mensual del Banco Central de Chile.* 1965. № 450. P. 1100-1104.

⁶⁹ *Sanchís Muñoz J.R.* Op. cit. P. 97-116.

⁷⁰ NARA, Archivo FBI, Cables 63024 y 60139 WRP.

целью восставших становилось их восстановление. Несмотря на то что в японских сообщениях, перехваченных ФБР, не указывается имя лидера мятежников, американская разведка была твёрдо уверена, что им являлся Карлос Ибаньес-дель-Кампо, также находившийся в те дни в Буэнос-Айресе.

Директор ФБР Эдгар Гувер признал, что не было явных доказательств участия Ибаньеса в организации заговора против правительства Хуана А. Риоса, но точно известно, что правительство Японии выделило 500 тысяч песо на президентскую кампанию Ибаньеса в начале 1942 г., и что он был выбран министром иностранных дел Японии Шихенори Того в качестве главы коррупционной сети, занимавшейся подкупом чилийцев, поэтому подозрения по отношению к Ибаньесу были вполне обоснованными.

19 января 1943 г., в день секретного заседания на котором должно было решиться будущее отношений между Чили и державами Оси, газета “La Nación” опубликовала прогноз итогов голосования, основанный на журналистском расследовании. Согласно оценкам газеты, 34 человека должны были проголосовать за разрыв отношений, а 10 за их сохранение в рамках проводимой политики нейтралитета⁷¹.

“La Nación” предположила, что среди сенаторов, проголосовавших против разрыва отношений, были, среди прочих, консерваторы Мануэль Муньос Корнехо и Эктор Родригес де ла Сотта и с меньшей долей вероятности Алехандро Лира Инфанте. Как мы увидим ниже, документы, относящиеся к деятельности коррупционной сети, раскроют другие имена из этого списка.

“La Nación” сообщила, что за разрыв отношений выступили радикалы Луис Амбросио Конча, Исауро Торрес, Густаво Хирон, Рудесиндо Ортега; либералы Эрнан Видела Лира, Грегорио Амунатеги; консерваторы Орасио Валкер Л., Эдуардо Крус-Коке; коммунист Карлос Контрерас Лабарка и социалист Элиодоро Домингес⁷².

Результаты голосования не сильно отличались от прогноза газеты: за разрыв проголосовали 30 человек, против 10, 2 воздержались⁷³.

---

⁷¹ За (34 голоса): коммунисты – 4; консерваторы – 5; демократы – 2; либералы – 3; радикалы – 13; социалисты – 5; независимые – 1. Против (10 голосов): аграрии – 1; консерваторы – 5; либералы – 4. См.: La Nación (Сантьяго, Чили, вторник 19 января 1943 г., стр. 8).

⁷² Diario La Nación, 20 de enero de 1943. P. 1.

⁷³ Revista Ercilla, 28 de enero de 1943. P. 33.

Разрыв отношений между Чили и державами Оси стал результатом постепенно нараставшей напряжённости, климакс которой наступил в момент, когда чилийское правительство и Сенат осознали, что Чили была одним из участников конфликта и что действия разведок противоборствующих сторон на ее территории ставили под угрозу безопасность страны. Секретный доклад Главного управления разведки Чили подтвердил многие подозрения, существовавшие среди хорошо информированных кругов общества. 19 января на секретном заседании министр иностранных дел Хоакин Фернандес Фернандес доложил о сложившейся ситуации Сенату⁷⁴, который принял решение, как уточняет Марио Баррос⁷⁵, “приостановить” отношения со странами Оси.

Решение о разрыве отношений, принятое Сенатом и обнародованное президентом Хуаном Антонио Риосом 20 января 1943 г., привело к яростной полемике, ставшей отражением поляризации участников конфликта.

Решение Сената вызвало гневную реакцию двух представителей “Националистического союза”, симпатизировавших нацизму – депутатов Густаво Варгаса Молины и Хорхе Гонсалеса вон Марееса. Варгас выступил с критикой министра вооружённых сил Альфредо Дуальде за его речь в Военной академии, в которой он призывал разорвать отношения, а также упрекал генерала Оскара Эскудеро, главнокомандующего армией, за его доклады правительству, повлиявшие, по мнению Варгаса, на принятие решения о разрыве. Депутат Гонсалес вон Мареес⁷⁶, печально известный лидер чилийских нацистов, заявил, что принятое решение является позором и не имеет ничего общего с традициями страны, а главным виновником яв-

---

⁷⁴ Senado de Chile, (1943). Boletín de Sesiones Extraordinarias, 1942-1943 (referencia: Sesión Secreta: martes 19 de enero de 1943), p. 680.

⁷⁵ Barros van Buren M. Op. cit. P. 261-264.

⁷⁶ Хорхе Гонсалес вон Мареес (1900-1962) – чилийский политик, возглавлял местное нацистское движение, которое в конце второго периода правления Артуро Алессандри П. (1932-1938) попыталось осуществить государственный переворот с целью недопущения победы на выборах 1938 г. Густаво Росса (министра финансов в правительстве Алессандри) и обеспечения захвата власти Карлосом Ибаньесом. 5 сентября 1938 г. около 60 молодых нацистов захватили центральное здание университета Чили. Их действия не увенчались успехом: после ожесточённой перестрелки нацисты сдались, были доставлены полицией в здание Фонда страхования рабочих, находившегося рядом с Правительственным дворцом, и расстреляны. Гонсалес вон Мареес был арестован как организатор переворота.

ляется президент Хуан А. Риос⁷⁷.

Такая реакция вызвала протесты депутатов-сторонников разрыва отношений – социалиста Бернардо Ибаньеса и фалангиста Мануэля Гарретона. Последний обвинил Гонсалеса в разглашении парламентской тайны и, следовательно, в измене родине⁷⁸.

Разрыв отношений также положил начало новому этапу истории японских иммигрантов, проживавших в Чили. Новый статус двусторонних отношений привёл к переселению японцев, проживавших в прибрежных зонах и депортации японских дипломатов.

Главным последствием разрыва отношений с державами Оси во внутренней политике стало переселение членов немецкой и японской диаспор. Больше внимание уделялось немцам, поскольку Германия играла основную роль в войне, занимала прочные позиции в Чили в сфере предпринимательства и вела активную шпионскую деятельность на территории страны; все это делало немецких иммигрантов чересчур заметными⁷⁹.

По данным прессы того времени переселение коснулось лишь немецких (168 человек) и японских иммигрантов (75 человек)⁸⁰.

Менее активная и влиятельная японская диаспора имела меньше возможностей противостоять жёстким мерам, хотя в Чили последствия переселения не были такими тяжёлыми как в Перу и Мексике.

В Чили большинство переселенцев были отправлены в места, где вполне можно было жить; взрослым разрешалось работать, а их дети посещали школу. В стремлении убрать японцев подальше от побережья правительство Чили старалось расселять их в пригородах

---

⁷⁷ Diario La Nación, 21 de enero de 1943. P. 3.

⁷⁸ *Ibidem*.

⁷⁹ *Canales Ramírez D., Muñoz Leiva D., Pérez Ortiz R. De amigos fraternales a espías encubiertos. Visiones de lo alemán en Chile: Los Informes Zinger y Martínez (1942) // Contextos: revista de humanidades y ciencias sociales. 2010. № 24. P. 43-56.*

⁸⁰ О точном числе переселённых идут споры. “El Diario El Sur” (г. Консепсьон) 28 января 1943 г. опубликовал список из 85 человек (с.5). По данным журнала “Ercilla” (г. Сантьяго) от 28 января 1943 г. число переселённых японцев составило 74 человека (с. 31). В книге Марии Соледад де ла Серды “Chile y los hombres del Tercer Reich” говорится о 74 лицах (с. 165). По мнению Ариэля Такеды, возможно лучшего знатока истории японской диаспоры в Чили, количество переселённых достигло 75 человек, хотя эта цифра получается после проверки списка, опубликованного самим Такедой в книге “Anecdotario histórico: Japoneses chilenos. Primera mitad del siglo XX”.

Сантьяго и внутренних районах страны⁸¹: 85,3 % были направлены в провинции Сантьяго⁸², Кольчагуа⁸³ и Талька⁸⁴.

Несмотря на вышесказанное, неопределённость и страх, вызванные войной, а также воздействие чилийской прессы с ее предрассудками на общественное мнение страны, привели к явно негативным последствиям для японских иммигрантов.

Средства массовой информации того времени утверждали, что среди переселённых находились подозрительные лица: «Они являлись активными членами военно-морского флота Японской империи, хотя и проживали в Чили в качестве отставных или простых гражданских лиц. Проведённые расследования показали, что их деятельность не имела ничего общего с их настоящей профессией. Так, один японец работал парикмахером, хотя его настоящая профессия – матрос. Другие подобные примеры оправдывают подозрения властей и меры по переселению японцев⁸⁵».

Таким образом, японцам, прошедшим в прошлом военную подготовку, приходилось тяжело. Недоверие к ним было огромным. Фернандо Сато Аумада, сын иммигранта, приехавшего в Чили в начале XIX в., вспоминал о годах, проведённых в Военной академии, с разочарованием: «При распределении званий командующий сказал, что он дал бы мне звание ефрейтора, но из-за войны он не мог этого сделать»⁸⁶.

Тем не менее, большинство потомков японских иммигрантов отметили, что они не слишком пострадали от войны и связанной с ней дискриминацией, поскольку это проявлялось в политике, а не в социальной сфере.

Угрожающий образ Японии и японских мигрантов, существо-

---

⁸¹ Статистика по провинциям: Тарапака (2 переселенца), Аконкагуа (3), Сантьяго (19), Кольчагуа (35), Талька (10), Био-Био (5), Каутин (1).

⁸² Департаменты провинции Сантьяго, куда были направлены переселенцы: Сантьяго, Мелипилья, Буин.

⁸³ Департаменты провинции Кольчагуа, куда были направлены переселенцы: Ранкагуа, Сан Фернандо, Сан Висенте де Тагуа Тагуа, Кауполикан, Ренго.

⁸⁴ Департаменты провинции Талька, куда были направлены переселенцы: Лонтуе, Курико, Талька.

⁸⁵ *Japoneses y Alemanes de sospechosas actividades recibieron orden de relegación en diversos puntos del país // Revista Ercilla. 27 de enero de 1943. P. 31.*

⁸⁶ Fernando Sato Ahumada: Entrevistado en enero de 1996, en Ross, César: Proyecto Investigación UST, 1995-1996: «Relaciones Exteriores Chile-Japón: 1880-1945».

вавший в мировом сообществе, рассыпался после драматичных событий – ядерной бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. Погибло около 220 тысяч человек. Многочисленные разрушения и страдания японцев в определённой мере компенсировали в глазах мирового общественного мнения вред, нанесённый японской армией. По мнению Росы Шинья, дочери одного из переселённых японцев, последствия ядерных бомбардировок были следующими: “Они помогли Японии стать страной, которой она является сейчас и, конечно, нам начали помогать. Это было ужасно, но японцы сумели вынести все и сдались, признав поражение. В какой-то мере мы даже благодарны за бомбардировки, потому что в то время Япония была очень бедной и милитаризованной, а после войны страна изменилась, все стали упорно трудиться”⁸⁷.

Искупление вины ценой массовой гибели гражданского населения Хиросимы и Нагасаки не только ускорило полную капитуляцию Японии и последующую оккупацию страны войсками США, но и позволило изменить имидж Японии в мире. В годы холодной войны информационная политика Вашингтона и поддержка голливудской киноиндустрии способствовали достижению этой цели.

Преобразование Японии из милитаристской и империалистической державы в безоружную и пацифистскую страну позволило японским иммигрантам и их детям во всем мире вернуться к жизни, которую они вели до начала войны.

Японские иммигранты в Чили незаметно начали нормальную жизнь; не привлекая внимание, они возвращали свою собственность и доверие чилийского общества.

В 1897-1943 гг. и позднее японские иммигранты в Латинской Америке превратились в один из факторов двусторонних отношений, что стало еще более очевидным после вступления Японии во Вторую мировую войну. К середине 1940 г. японская диаспора сумела успешно интегрироваться в чилийское общество и экономику. Что касается политики, то нет исследований, проливающих свет на роль первого поколения японских иммигрантов в политических организациях, но существуют отдельные данные, указывающие на то, что некоторые японцы были связаны с этими организациями, хотя точно неизвестно насколько тесными были эти связи.

---

⁸⁷ Rosa Shinya (hija de Kokichi Shinya): Entrevistado en enero de 1996, en Ross, César: Proyecto Investigación UST, 1995-1996: “Relaciones Exteriores Chile-Japón: 1880-1945”.

Нападение на Перл-Харбор стало отправной точкой в процессе трансформации отношений между Чили и Японией и изменило восприятие промышленного комплекса Японии: восхищение “эпохой Сёва” сменилось страхом, вызванным мыслью о том, что эта выдающаяся эффективность поставлена на службу разрушению. В этой связи шпионская деятельность сети “То” в Чили стала ключевым фактором, изменившим основы двусторонних отношений.

Для японских иммигрантов в Чили основным последствием военных событий стало восприятие японцев в качестве стратегической угрозы, что произошло в рамках сложной системы противоречивых интересов, в которой представители чилийского общества были связаны с японскими дипломатами через “торговлю влиянием” и попытки подкупа.

В этих условиях “Дипломатия иены” превратилась в механизм сдерживания всех возможных негативных эффектов, связанных с потенциальной угрозой Чили со стороны Японии, так как она могла предотвратить ее реальное осуществление, о чем столько писала пресса.

Такая политика, проводившаяся с 1942 г., позволяла Японии влиять на события в Чили с помощью денег, однако ее последствия были негативными для Японии, поскольку они поставили под угрозу национальную безопасность Чили. Попытка государственного переворота против президента Риоса с целью возвращения к политике нейтралитета и открытия страны влиянию Германии, частично финансировалась правительством Японии, и стала одним из факторов, приведшим к “приостановке” дипломатических отношений.

Разрыв отношений между Чили и державами Оси стал результатом постепенно нарастающей напряжённости, максимум которой наступил в момент, когда чилийское правительство и Сенат осознали, что Чили была одним из участников конфликта, и что действия разведок противоборствующих сторон на ее территории ставили под угрозу безопасность страны.

Кроме того, разрыв отношений открыл новый этап истории японской диаспоры в Чили, привёл к депортации японских дипломатов и переселению японских иммигрантов, проживавших в прибрежных зонах.

Ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки способствовали ослаблению негативного восприятия Японии, возникшего из-за действий вооружённых сил Империи. Японские иммигранты в Чили незаметно вернулись к нормальной жизни; не привлекая внимание, они возвращали свою собственность и доверие чилийского обще-

ства.

Приложение

Чили: японская иммиграция, 1895-1940

(по провинциям)

Провинция	Год						Всего	
	1885	1895	1907	1920	1930	1940	№	(%)
Такна	0	0	2	46	0	0	48	1,9
Тарапака	36	9	8	89	89	50	281	11,4
Антофагаста	1	1	55	169	95	216	537	21,7
Атакама	0	0	1	16	13	11	41	1,7
Кокимбо	1	0	3	6	13	9	32	1,3
Аконкагуа	0	0	0	10	206	88	304	12,3
Вальпараисо	12	2	24	75	0	146	259	10,5
Сантьяго	0	8	14	93	169	308	592	24,0
О'Хиггинс	0	0	0	9	0	12	21	0,9
Кольчагуа	0	0	0	2	38	5	45	1,8
Курико	0	0	0	0	0	1	1	0,0
Талька	0	0	0	1	4	6	11	0,4
Линарес	0	0	0	1	0	0	1	0,0
Мауле	0	0	0	0	3	0	3	0,1
Ньюбле	0	0	0	1	1	16	18	0,7
Консепсьон	0	0	115	8	17	12	152	6,2
Арауко	0	0	0	4	0	0	4	0,2
Био-Био	0	0	0	4	6	8	18	0,7
Мальеко	0	0	0	10	0	2	12	0,5
Каутин	0	0	0	6	4	34	44	1,8
Вальдивия	0	0	0	2	10	8	20	0,8
Льянкуиуэ	1	0	0	5	0	0	6	0,2
Чилоэ	0	0	0	0	1	1	2	0,1
Айсен	0	0	0	0	0	1	1	0,0
Магальянес	0	0	1	0	1	14	16	0,6
Всего	51	20	223	557	670	948	2.469	100,0

Источник: подсчитано автором на основе данных переписей населения Чили.

А.С.Шишков
A.S. Shishkov

**Институционно-революционная партия Мексики:
история возникновения и перспективы в XXI веке.**
**Institutional Revolutionary Party: its origins and
current perspectives.**

Аннотация: В статье подробно рассматривается политическое развитие Мексики в 1920-е гг., анализируются причины возникновения “государственной партии”, показана роль П.Э. Кальеса в формировании нового партийного строя. Во второй части статьи речь идет о современном положении Институционно-революционной партии, ее идеологии и политических перспективах на президентских выборах 2012 г.

Ключевые слова: Мексика, Кальес, Национально-революционная партия, идеология, Институционно-революционная партия, выборы.

Abstract: This article examines the political evolution of Mexico in 1920s, analyzes how and why the National Revolutionary Party was born, reveals the key role of P.E. Calles in the building of the new regime. The second part of the article focuses on the current prospects of the Party and explores its ideology.

Keywords: Mexico, Calles, National Revolutionary Party, ideology, Institutional Revolutionary Party, elections.

Страны Латинской Америки зачастую ассоциируются как у специалистов, так и у широкой публики с политической нестабильностью. Действительно, революции, перевороты, гражданские войны были частым явлением в истории континента. На этом фоне одним из наиболее устойчивых был режим, установившийся в Мексике после революции 1910—1917 гг. и находившийся у власти вплоть до 2000 г.

Мексиканская революция 1910—1917 гг. помимо многочисленных разрушений и человеческих жертв привела к принятию самой

передовой в Латинской Америке того времени конституции¹ и к появлению новой политической элиты. Старые политики эпохи диктатуры Порфирио Диаса² сменились новыми революционными лидерами. Однако, как во время революции, так и после ее окончания политика в Мексике представляла собой, прежде всего, борьбу различных каудильо³ за власть. Положения конституции часто не соблюдались, сильные политические партии, как и демократические традиции в целом, отсутствовали, а выборы были во многом формальностью. В таких условиях военная сила была ключевым фактором в борьбе за власть, и генералы, выдвинувшиеся во время революции, решали судьбы страны.

Так, генерал Венустиано Карранса, занимавший пост президента страны с 1917 г., был свергнут в мае 1920 г. накануне президентских выборов триумvirатом генералов из северного штата Сонора (Альваро Обрегон, Плутарко Элиас Кальес, Адольфо де ла Уэрта). Самым влиятельным из них был, безусловно, генерал Обрегон. “Тень каудильо”, по меткому выражению автора одноименного романа М.Л. Гусмана, оказывала влияние на всю политическую жизнь страны в 1920-е годы. Сменить его на посту президента республики надеялись два других представителя “сонорской тройки”. Обрегон сделал выбор в пользу Кальеса, который имел больший политический вес и пользовался влиянием в массовых организациях; в частности, его поддерживала Мексиканская региональная рабочая конфедерация (КРОМ) под руководством Луиса Моронеса. Де ла Уэрта не смирился и, следуя мексиканской политической традиции тех лет, поднял вооруженное восстание, которое было подавлено совместными усилиями Обрегона и Кальеса.

Личность и деятельность Кальеса вызывали и вызывают неод-

---

¹ Конституция 1917 г. предусматривала проведение аграрной реформы в интересах широких крестьянских масс, провозглашала 8-часовой рабочий день, право на создание профсоюзов и на забастовки.

² П. Диас правил Мексикой в 1877–1911 гг. (за исключением периода 1880–1884 г., когда у власти находился его ставленник). Был свергнут во время революции 1910–1917 гг.

³ Каудильо — в переводе с испанского предводитель, вождь. Термин каудильизм используется для обозначения социального феномена, связанного с выдвижением на политической арене лидера, пользующегося неограниченной властью в вооруженном отряде, партии или отдельной стране.

нозначную оценку в историографии. Зачастую его роль в истории Мексики преуменьшается, и он как бы оказывается в тени некоторых своих современников. Однако, на наш взгляд, его неординарная личность и огромный вклад в формирование постреволюционного государства в Мексике заслуживают пристального внимания.

Плутарко Элиас Кальес⁴ родился 25 сентября 1877 г. на севере Мексики в г. Гуаямас, штат Сонора. Его родители никогда не состояли в официальном браке, и клеймо незаконнорожденного преследовало Кальеса всю жизнь. После смерти матери мальчик был принят семьей его тети, в которой воспитывался до совершеннолетия. Он выбрал профессию учителя и в возрасте 20 лет вернулся в родной город, где преподавал в школе и издавал журнал, посвященный проблемам образования. Вскоре Кальес начал пробовать себя в других сферах; некоторое время он работал казначеем в городском порту, затем устроился администратором в отель, продолжая одновременно давать уроки в школе. В 1902 г. Кальес решил заняться сельским хозяйством, однако многого не достиг, попробовал преуспеть в торговле и тоже безрезультатно. Однако неудачи не сломили молодого человека. Новое увлечение захватило его душу: он стал частым гостем на собраниях сторонников Франсиско Мадеро⁵. Начавшаяся революция резко изменила жизнь Кальеса. Он присоединился к противникам диктатуры Диаса, сумел проявить себя с лучшей стороны. После контрреволюционного переворота Викторiano Уэрты⁶ (1913 г.) Плутарко начал набор добровольцев для борьбы с узурпатором. Верность Кальеса не осталась незамеченной, и 1 декабря 1913 г. он получил звание полковника. В период столкновения различных революционных фракций молодой полковник сделал выбор в пользу лидера конституциона-

---

⁴ Подробно о Кальесе см.: *Macías Richard C. Vida y temperamento: Plutarco Elías Calles, 1877-1920. México, 1995; Meyer J., Krauze E., Reyes C. Estado y sociedad con Calles // Historia de la Revolución Mexicana. Tomo 11. México, 1981; Krauze E. Reformar desde el origen: Plutarco E. Calles. México, 1987; Palacios G. Calles y la idea oficial de la Revolución Mexicana // Historia mexicana. 1973. Vol. XXII, núm. 3; Zevada R.J. Calles, El Presidente. México, 1971.*

⁵ Ф. Мадеро возглавил оппозицию режиму П. Диаса, с его именем связан первый этап мексиканской революции 1910—1917 гг.

⁶ Генерал В. Уэрта поднял контрреволюционное восстание в феврале 1913 г., сверг правительство Мадеро и стал временным президентом. По его распоряжению 22 февраля 1913 г. Мадеро и вице-президент Х.М. Пино Суарес были убиты.

листов В. Каррансы⁷, который в августе 1915 г. назначил Кальеса временным губернатором штата Сонора. После окончания революции Кальес остался на посту губернатора родного штата, в котором провел ряд важных преобразований. В мае 1919 г. президент Карранса назначил своего давнего соратника министром промышленности, торговли и труда. Однако вскоре Кальес оставил пост министра и порвал с главой государства. Консерватизм последнего в проведении социальных реформ не совпадал с достаточно радикальными тогда взглядами Кальеса на рабочий и аграрный вопросы. Он открыто выступил против Каррансы и поддержал кандидатуру генерала А. Обрегона на пост президента страны.

После окончания своего президентского срока (1920—1924 гг.) Обрегон передал власть Кальесу, объявил об уходе из политики и удалился на ранчо для занятий сельским хозяйством. Взаимоотношения Обрегона и Кальеса были сложными и во многом противоречивыми. С одной стороны, в критические моменты они оказывались по одну сторону баррикад, но в то же время между их сторонниками шла упорная борьба за влияние. Во время всего президентского срока Кальеса обрегонисты и кальисты вели борьбу в законодательных органах, в регионах и в центральном правительстве⁸. Не принимая во внимание конфликт между ними, невозможно понять подоплеку политического кризиса, разразившегося в 1928 г.

Вскоре стало очевидно намерение Обрегона вернуться на пост главы государства. Для этого было необходимо изменить одно из главных положений конституции 1917 г. — принцип о невозможности переизбрания президента на второй срок. К 1926 г. обрегонисты получили большинство в Палате депутатов, и 20 октября ст. 82 и 83 конституции были изменены, что сделало возможным избрание президента на второй срок. Кроме того, президентский срок был увеличен с четырех до шести лет. Кальес был вынужден одобрить реформу: в противном случае столкновение с Обрегоном стало бы неизбежным и, скорее всего, закончилось бы не в пользу

---

⁷ В. Карранса осудил мятеж В. Уэрты и призвал к борьбе с ним. Его поддержали крестьянские армии Франсиско Вильи и Эмилиано Сапаты, однако после победы над Уэртой произошел разрыв между Каррансой, с одной стороны, и Вильей и Сапатай — с другой. После нескольких лет гражданской войны победу одержал Карранса.

⁸ Подробно см.: *Loyola Díaz R. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. México, 1980.*

Кальеса.

25 июня 1927 г. Обрегон обнародовал манифест, в котором официально объявил о намерении баллотироваться на пост президента. Он решил выдвигаться как независимый кандидат, не став связывать себя ни с одной из политических партий, что не помешало ему получить поддержку многих из них. Не захотел каудильо ограничивать себя и какой-либо четкой политической программой, заявив, что “почти бесполезно говорить о программе будущего правительства, так как я уже исполнял полномочия президента республики в течение четырех лет, и за этот период четко выразилась моя политическая и социальная концепция”⁹. Такая тактика способствовала тому, что Обрегон сумел объединить вокруг своей кандидатуры широкий спектр политических сил. Те, кто пытались помешать переизбранию каудильо, остались в меньшинстве и были обречены на провал. Восстание генералов А. Гомеса и Ф. Серрано, имевших президентские амбиции, было подавлено и закончилось расстрелом обоих.

Путь к переизбранию был открыт. Выборы в очередной раз превратились в чистую формальность, поскольку Обрегон был единственным кандидатом. В ходе голосования 1 июля 1928 г. каудильо получил, по официальным данным, 100% голосов¹⁰, а его сторонники завоевали большинство в конгрессе. Казалось, что в ближайшие шесть лет политическое господство “обрегонизма” будет непоколебимым. Однако события неожиданно приняли иной оборот. 17 июля на банкете, организованном в честь избранного президента, генерал Обрегон был застрелен молодым религиозным фанатиком по имени Х. де Леон Тораль¹¹.

Убийство каудильо вызвало глубочайший политический кризис. Внезапное исчезновение с политической арены главного действующего лица создало огромную напряженность в стране. Сторонники Обрегона, уже предвкушавшие возвращение к власти, утверждали, что убийство их лидера было организовано Кальесом

---

⁹ Discursos del General Obregón. Segunda parte. México, 1932. P. 73.

¹⁰ Garrido L. J. El partido de la revolución institucionalizada. México, 1984. P. 59.

¹¹ Убийство Обрегона произошло в разгар конфликта между государством и католической церковью. Х. де Леон Тораль был членом Лиги защиты религиозной свободы и верил, что осуществив убийство Обрегона, он совершит угодное Богу и католической религии дело. Был осужден и приговорен к смертной казни.

и его окружением¹². В первую очередь эти обвинения касались Моронеса, чьи политические столкновения с убитым часто носили острый характер. Об атмосфере, царившей в Мексике в те дни, дает представление следующий факт: в день похорон Обрегона некоторые из его сторонников, вооруженные пулеметами, направились на поиски Моронеса, который, в свою очередь, следуя прямому приказу Кальеса, прятался вместе с другими лидерами КРОМ в подвале одной из военных фабрик Мехико¹³.

В сложившейся ситуации все взоры были обращены в сторону действующего президента. После убийства Обрегона он превратился в самого влиятельного политика страны, и на его плечи ложилась задача поиска путей выхода из кризиса. Так, 19 июля генерал Ласаро Карденас писал Кальесу: “Теперь, сеньор, в Ваших руках оказалось разрешение ситуации в стране, и в этот момент, когда нация возлагает свои надежды на Вас, имейте ввиду, что если некая группа осуществила убийство Обрегона, то может существовать и другая, которая заинтересована в Вашей смерти, и если это случится, подумайте об огромных потрясениях, которые ждут страну без Вас; ведь Вы единственный, кто имеет влияние на всей территории республики”¹⁴.

Убийство Обрегона показало всю хрупкость политической системы, основанной на принципах “революционного каудильизма”. Так же, как в 1920 и в 1923 гг., президентская кампания сопровождалась насилием. Отсутствие устоявшихся, “цивилизованных” механизмов передачи власти постоянно провоцировало политические кризисы. Вопрос о власти решался не внутри политических партий и не в борьбе между ними, а на полях сражений, где победителем оказывался наиболее сильный из генералов. Такая ситуация, в конечном итоге, была неприемлема для самой политической элиты, которая ослабляла себя постоянными вооруженными конфликтами. Это подрывало ее устойчивость и делало уязвимой для атак как слева, так и справа. Все это ставило вопрос о необходимости перевести борьбу за власть исключительно в сферу политики, без применения насильственных методов. Из всех мексиканских политиков того времени единственным, кто смог увидеть всю слож-

---

¹² Dulles J. Ayer en México. México, 1977. P. 343—350.

¹³ Medín T. El minimato presidencial: historia política del maximato (1928—1935). México, 1982. P. 30.

¹⁴ Archivo Plutarco Elías Calles (APEC). «Cárdenas, Lázaro», gaveta 9, expediente 206.

ность проблемы и предложить ее решение, был Кальес

Главным вопросом на повестке дня был вопрос о том, кто станет президентом страны после окончания срока полномочий Кальеса. Некоторые интерпретировали конституцию так, чтобы позволить Кальесу остаться на посту еще как минимум на два года в качестве временного президента: “В рассматриваемом случае, президент, чей срок истекает, будучи назначенным временным президентом в силу 85 статьи Конституции, не является избранным в смысле прямых народных выборов, а утверждается конгрессом... Таким образом, нельзя говорить о том, что президент переизбирается на следующий срок”¹⁵.

Однако Кальес смог удержаться от соблазна остаться на высшем государственном посту. Более того, он задумал кардинально изменить правила политической игры в стране. Свое видение ситуации и стратегию по выходу из кризиса Кальес изложил в ежегодном докладе конгрессу 1 сентября 1928 г. Это выступление положило начало политической реформе, результаты которой имели долгосрочные последствия в истории Мексики.

Кальес начал свою речь с признания сложности ситуации, в которой оказалась страна после смерти избранного президента, но вместе с тем он увидел в этом возможность начать новый этап в развитии государства: “Возможно, впервые в своей истории Мексика сталкивается с ситуацией, в которой характерной чертой является нехватка каудильо; это обстоятельство должно позволить и позволит нам окончательно направить страну к подлинной институционализации”¹⁶.

Действующий президент признал, что на него оказывалось давление с целью получить согласие продолжать исполнение полномочий. Кальес отверг советы тех, кто предлагал ему остаться у власти, осознав необходимость “перейти от системы каудильизма” к более свободному “институциональному режиму”. Он решительно заявил, что “не будет искать продления мандата... или назначения на пост временного президента”. Кальес пообещал никогда больше не претендовать на пост президента, утверждая, что, со временем, эта практика превратится в “неизменный и позитивный факт”. Таким образом, Кальес вернулся к истокам революции 1910-1917 гг., к лозунгу “Нет переизбранию” и заложил политическую традицию,

---

¹⁵ АРЕС. «Sucesión presidencial con motivo del asesinato de Obregón 1928», gaveta 83, expediente 23.

¹⁶ Calles P. E. Declaraciones y discursos políticos. México, 1979. P. 167.

существующую в Мексике вплоть до настоящего времени. Однако, не претендуя на пост президента, Кальес объявил о своем намерении остаться в политике, так как “есть множество военных, административных, политических и гражданских ситуаций... которые дадут мне возможность с точностью исполнить долг революционера”¹⁷.

Кальес обрушился с критикой на традиции каудильизма, которые, по его мнению, мешали “мирному эволюционному развитию Мексики как страны институтов”¹⁸. Анализируя историю страны, он отметил, что пассивность сельских масс и среднего класса создавала благоприятную почву для появления каудильо. Кальес стремится разорвать порочный круг, свойственный истории Мексики: либо анархия и гражданские войны, либо диктатура. Исчезновение Обрегона, последнего из каудильо, сделало возможным решительный переход к построению “страны законов и институтов”, что должно было принести Мексике долгожданный мир.

Во второй части выступления Кальес призвал к демократизации политической жизни страны и к изменению традиционных политических методов, применяемых в Мексике. Он полагал, что “более опасны для революционных завоеваний политическая нетерпимость, доведенная до крайности, и абсолютное превосходство одной группы”, чем “признание различных меньшинств и борьба идей в парламенте”.

По сути дела, Кальес заявил о необходимости допуска оппозиции в конгресс. Для этого он предлагал обеспечить “подлинную свободу выборов, которая приведет в представительные органы нации группы, представляющие клерикальную реакцию”¹⁹. Однако опасаться этого не стоило, так как “интересы, созданные революцией во всех социальных классах, больше тех, которые представляет реакция”. Кальес оказался пророком, предсказав, что “округа, в которых победу... одержит политическая или клерикальная реакция в течение многих лет останутся в меньшинстве”. Если оппозиция получит возможность бороться политическими методами, то исчезнет опасность вооруженных восстаний. Демократизация, по мысли Кальеса, пойдет на пользу самой правящей элите, так как “присутствие консервативных групп... помешает попыткам уничтожения и взаимного ослабления групп революционного проис-

---

¹⁷ Calles P. E. Declaraciones y discursos políticos. P. 168.

¹⁸ Calles P. E. Declaraciones y discursos políticos. P. 169.

¹⁹ Calles P. E. Declaraciones y discursos políticos. P. 172.

хождения, которые борются между собой часто лишь потому, что не находят идеологического врага в представительных органах”²⁰.

Для выхода из кризиса, вызванного убийством Обрегона, Кальес предложил строго следовать конституции. Это означало “созыв внеочередных выборов и назначение временного президента”. Что касается назначения конгрессом временного президента, то Кальес отметил, что “не стоит обращать взгляд в сторону каудильо, так как их нет, и не будет честным и патриотичным стараться создать их”²¹. Оставив решение этого вопроса в руках парламента, действующий президент закончил свою речь призывом к армии стоять на страже закона и не слушать возможных призывов к восстанию, от кого бы они ни исходили²².

Таким образом, Кальес обнародовал свой проект политической реформы и указал на ближайшие шаги по выходу из кризиса. В целом выступление Кальеса было воспринято большинством политической элиты с удивлением и недоверием. Оно было слишком необычным, по-настоящему революционным и никак не вязалось с традициями страны, в которой власть всегда ассоциировалась с конкретной личностью, а не с абстрактными политическими институтами. Обрегонисты подозревали президента в неискренности, и когда тот спускался с трибуны, А. Манрике, один из лидеров аграристов, осмелился крикнуть: “Обманщик!”²³.

Однако Кальес был тверд в намерении осуществить свой проект. В первую очередь необходимо было определиться с кандидатурой временного президента. После долгих дебатов выбор был сделан в пользу Эмилио Портеса Хиля, молодого политика из штата Тамаулипас, имевшего репутацию обрегониста, врага КРОМ и лично Моронеса, а также активного сторонника аграрной реформы. 25 сентября на голосовании в конгрессе он получил 277 голосов за при двух воздержавшихся и был избран временным президентом страны.

Успешно проведя тактические маневры, Кальес перешел к выполнению главной части своего политического проекта. На фоне большинства мексиканских политиков того времени, которые не обладали четкой программой развития страны, Кальес, безусловно, выигрывал. Он задумал объединить разрозненные группы в еди-

---

²⁰ *Calles P. E. Declaraciones y discursos políticos.* P. 173.

²¹ *Calles P. E. Declaraciones y discursos políticos.* P. 170.

²² *Calles P. E. Declaraciones y discursos políticos.* P. 179.

²³ *Garrido L. J. El partido de la revolución institucionalizada.* P. 68.

ную “партию революции”, которая должна была стать основой новой политической системы. На тот момент в стране существовало огромное количество “партий”, на деле представлявших собой группы лиц, объединенные вокруг того или иного вождя, не обладавшие программой или какой-либо внятной идеологией и действовавшие главным образом во время выборов в органы власти. 1 декабря, день, когда Портес Хиль вступал в должность временного президента страны, был выпущен манифест, в котором сообщалось о создании Национально-революционной партии (ПНР). В организационный комитет партии вошли в основном политики, близкие к экс-президенту: М. Перес Тревиньо, Л. Леон, В. Вадильо и др., а председателем комитета стал сам Кальес.

В манифесте говорилось, что из-за отсутствия сильных личностей, которые могли бы объединить разрозненные социальные силы, необходимо создать политические партии для контроля над общественным мнением и для поддержки, а также критики правительства. Это должно было направить страну на путь институционализации и привести к возникновению подлинной демократии. Авторы манифеста приглашали все партии, группы и организации революционного толка объединиться и сформировать единую “партию революции”²⁴.

Вскоре произошли события, внесшие определенные коррективы в проект новой партии. 4 декабря Кальес присутствовал на IX съезде КРОМ, чем воспользовался Моронес, который в своей речи обрушился с резкой критикой в адрес Портеса Хиля. Это вызвало очередной политический кризис. Кальес вынужден был объясняться, заявив, что его “присутствием воспользовались” для обсуждения “политических тем”, к которым он не имеет отношения. Экс-президент объявил о своем окончательном уходе из политики и покинул пост председателя организационного комитета ПНР²⁵. Конечно, можно обвинить Кальеса в неискренности, так как он, безусловно, продолжал играть активную роль в политической жизни страны. Однако необходимо признать, что он был единственной на тот момент фигурой, способной осуществить политическую реформу, которая отвечала интересам страны. Кальес мог сдержать амбиции генералов и в случае восстания успешно спра-

---

²⁴ Historia documental del Partido de la Revolución. Tomo 1. México, 1981. P. 37-38.

²⁵ El Universal. México, 8.XII.1928.

виться с ним²⁶. Кроме того, с бывшим президентом были связаны многие политики, которые не хотели лишиться своего покровителя и всячески подталкивали Кальеса к роли “верховного вождя революции”: “Если Вы уйдете из политики, — писал ему один из них, — будет ли достигнут союз всех революционных элементов? Сможет ли временное правительство сохранить ту же силу без Вашей поддержки? Я надеюсь, что организаторы Национально-революционной партии приложат усилия, чтобы отговорить Вас от вашего решения”²⁷.

В следующие несколько недель организационный комитет развил активную деятельность, результатом которой стала публикация призыва к проведению учредительного съезда партии. Авторы документа считали, что сторонники мексиканской революции должны объединиться в “единый и широкий общенациональный организм”, то есть в партию, являющуюся “политическим органом революции”. Сообщалось, что учредительный съезд состоится в г. Керетаро, начнется 1 марта 1929 г. и продлится пять дней. Ассамблея съезда будет сформирована из всех “партий и организаций, которые присоединятся к организационному комитету до 10 февраля”²⁸.

Вскоре были обнародованы официальные документы новой партии: декларация принципов и программа действий. В первом документе объявлялось, что ПНР поддерживает “демократическую систему” и “форму правления”, установленные конституцией страны. Подчеркивалось, что рабочие и крестьяне являются “главным социальным фактором мексиканской нации”. Декларация признавала существование классовой борьбы в обществе, но, по мнению авторов документа, исполнение законов, содержащихся в конституции, гарантировало права пролетариата²⁹.

Улучшение положения народных масс объявлялось главной заботой партии, поскольку без выполнения этой задачи было невозможно достигнуть материального и культурного прогресса страны. Во внешней политике предлагалось следовать принципу суверенитета, говорилось о необходимости сближения с латиноамериканскими народами и о недопустимости вмешательства во внутренние

---

²⁶ Что и произошло во время восстания генерала Х. Эскобара в марте 1929 г., когда Кальес временно занял пост министра обороны.

²⁷ АРЕС. «Barrón, Heriberto», gaveta 6, expediente 99.

²⁸ El Universal. México, 5.I.1929.

²⁹ El Universal. México, 20.I.1929.

дела других стран. В конце документа открыто заявлялось о том, что партия будет бороться на выборах во все органы власти для избрания тех кандидатов, которые разделяли “революционную идеологию”³⁰.

В программе действий большое внимание уделялось экономическим вопросам. Предлагалось сократить импорт и заполнить внутренний рынок местными товарами, что позволило бы улучшить торговый баланс. Говорилось о необходимости отдавать предпочтение промышленности, основанной на национальном капитале, и осуждался тот иностранный капитал, который стремился вывести всю прибыль из Мексики, “обогащая другие страны за счет нашей”. В очередной раз подчеркивалась необходимость найти “равновесие” между интересами труда и капитала, было обещано принять законы о социальном страховании и пенсионном обеспечении³¹. Для успешного экономического развития страны авторы программы считали необходимым быстро получить доступ к иностранным кредитам³².

В аграрной политике заявлялось о необходимости разрушить отсталые латифундии и разделить землю между крестьянами. Однако авторы программы понимали всю сложность социального состава мексиканской деревни и предлагали разные меры для различных классов. Наиболее бедным крестьянам, объединенным в общины, нужно было предоставлять “эхидо”³³, чтобы они могли обеспечить свое существование. Средним слоям в деревне, “чьи экономические нужды не могут быть удовлетворены эхидальной парцеллой”, надо было, с точки зрения авторов документа, помочь в их стремлении к прогрессу. Для этого государство должно было продолжать политику орошения земель с целью их последующей передачи крестьянам-середнякам в индивидуальную собственность. Что касается “сельских предпринимателей”, то им нужно было дать возможность обрабатывать большие участки земли. Авторы программы заявляли, что цель аграрной политики состояла

---

³⁰ Historia documental del Partido de la Revolución. P. 57-58.

³¹ Historia documental del Partido de la Revolución. P. 61-62.

³² Historia documental del Partido de la Revolución. P. 68.

³³ Традиционно в Мексике термином “эхидо” обозначали пастбища и леса, прилегавшие к деревне, которые совместно использовались ее жителями. После революции 1910-1917 гг. значение этого слова поменялось и под “эхидо” стали понимать все земли, выделяемые деревне или группе крестьян.

не только в разделе земли, но и в создании условий для ее продуктивной обработки, чтобы “повысить и ни в коем случае не снизить объем сельскохозяйственного производства”³⁴.

Значительное внимание в программе ПНР уделялось мерам, направленным на развитие системы образования в стране. С помощью образовательных учреждений партия рассчитывала укрепить “национальное самосознание” мексиканцев и пропагандировать идею о превосходстве общественных интересов над частными. Подчеркивалась необходимость повысить культурный уровень народных масс и придать образованию практическую направленность³⁵.

Стоит отметить, что программа “партии революции” носила во многом расплывчатый характер. Программа и принципы партии были эклектичны. С одной стороны, это, безусловно, было связано с желанием привлечь как можно более широкий спектр общественных сил и придать партии общенациональный характер. С другой — будучи проектом Кальеса, партия, на наш взгляд, отражала противоречивость самой этой влиятельной фигуры. Кальес был политиком, в котором сочетались демократизм и авторитаризм, радикальное реформаторство и консерватизм. Его главный политический проект — Национально-революционная партия — содержал в себе как консервативный заряд, так и возможность радикализации при условии изменения социально-политической обстановки, что и произошло во второй половине 1930-х годов.

В марте 1929 г. на учредительном съезде ПНР был избран официальный кандидат партии на предстоящих президентских выборах. Им стал Паскуаль Ортис Рубио, маловлиятельный политик, долгое время находившийся за пределами Мексики на дипломатической службе. Ортис Рубио был меньше всего похож на каудильо и в этом смысле идеально вписывался в предложенную Кальесом политическую реформу. Своим политическим успехом он был обязан исключительно партии и должен был разделить с нею власть. Как справедливо отметил один из исследователей “истинным триумфатором стал не Ортис Рубио, а ПНР, которая впервые осуществила передачу власти”³⁶.

ПНР была официально создана, и вскоре стало очевидно ее доминирование на политической арене. Вооруженное восстание под

---

³⁴ Historia documental del Partido de la Revolución. P. 62-63.

³⁵ El Universal. México, 20 de enero de 1929.

³⁶ Krauze E. Biografía del poder. México, 2006. P. 362.

руководством генерала Х. Эскобара было подавлено, а на президентских выборах в ноябре 1929 г. Ортис Рубио одержал внушительную победу над своим главным соперником Хосе Васконселосом, который не признал результатов голосования и обвинил власти в подтасовках³⁷.

Речь П.Э. Кальеса в Конгрессе 1 сентября 1928 г.

Таким образом, речь Кальеса 1 сентября 1928 г. положила начало новому этапу в политическом развитии Мексики. В послании к конгрессу Кальес заложил основы новой политической системы, краеугольным камнем которой стала “партия революции”. Его заслуга состояла в том, что он увидел невозможность сохранения каудильизма, сумел остаться в конституционных рамках и сформулировал принципы, которые стали основой институционализации мексиканской революции. Создание ПНР стало кульминацией всего политического процесса 1920-х гг. Новая партия явля-

---

³⁷ Подробно см.: *Lajous Vargas A. El Partido Nacional Revolucionario y la campaña vasconcelista // Estudios de Historia Moderna y Contemporánea de México. 1979. Vol. 7.*

лась механизмом, позволявшим осуществлять мирную передачу власти и идеологический контроль над народными массами. Официальный характер ПНР ни у кого не вызывал сомнений. Не случайно вскоре после создания партии было принято решение об ее финансировании за счет зарплат государственных чиновников. Портес Хиль в своих воспоминаниях утверждал, что это был единственный способ содержать “государственную политическую организацию”. Он открыто заявлял, что основной задачей ПНР стало решение “избирательных вопросов”, чем раньше вынуждено было заниматься министерство внутренних дел³⁸.

Победа на выборах 1929 г. положила начало триумфальному шествию “партии революции” на всех президентских выборах вплоть до 2000 г. За это время партия дважды меняла название: в 1938 г. она была переименована в Партию мексиканской революции, а в 1946 г. получила свое нынешнее название – Институционно-революционная партия (ПРИ). Ее гегемония в политической жизни Мексики была прервана в 2000 г., когда на президентских выборах победил кандидат от правой Партии национального действия Висенте Фокс. Однако это отнюдь не привело к исчезновению ПРИ с политической арены; напротив, партия сумела перестроиться и заняла достойное место в современной многопартийной политической системе Мексики. Об этом красноречиво говорят следующие цифры: в январе 2012 г. из 32 губернаторов штатов 19 являлись членами ПРИ³⁹, в Палате депутатов ПРИ была крупнейшей фракцией (всего в нижней палате парламента заседают 500 человек, 239 из которых входят во фракцию ПРИ, 142 являются сторонниками Партии национального действия, 68 принадлежат к Партии демократической революции, остальные мандаты распределены между более мелкими партиями)⁴⁰, и лишь в Сенате ПРИ оставалась в меньшинстве (33 сенатора у ПРИ, 50 у Партии национального действия, 24 у Партии демократической революции)⁴¹.

В новых условиях ПРИ была вынуждена провести кадровое и идеологическое обновление. В августе 2008 г. были приняты но-

---

³⁸ *Portes Gil E.* Quince años de política mexicana. P. 238-240.

³⁹ Listado de Gobernadores Miembros de la CONAGO. URL: www.conago.org.mx/Gobernadores/Listado.aspx (05.01.2012).

⁴⁰ Diputados por partido politico. URL: www.diputados.gob.mx/apps/gps_parlam.htm (05.01.2012).

⁴¹ Grupos parlamentarios. URL: www.senado.gob.mx/index.php?ver=int&mn=4&sm=5 (05.01.2012).

вые партийные документы: декларация принципов, программа действий и устав, а в феврале 2009 г. была опубликована предвыборная программа ПРИ на избирательный цикл 2009-2012 гг., получившая название “Новый путь развития Мексики”. Как и раньше идеологи ПРИ видят истоки партии в “социальных ценностях” мексиканской революции 1910-1917 гг., и считают себя преемниками всех прогрессивных движений в истории страны с момента начала борьбы за независимость. ПРИ выступает за демократию, то есть за систему, основой которой является постоянное стремление к улучшению экономических, политических, социальных и культурных условий жизни народа, уважение к правам человека, сотрудничество и мирное сосуществование между нациями и индивидуумами. Поликлассовый характер партии нашел отражение в признании “социального многообразия”, в выступлениях против конфронтации и разделения по классовому признаку. ПРИ причисляет себя к современным социал-демократическим партиям и разделяет принципы Социалистического Интернационала⁴².

На современном этапе ПРИ выступает за социальное правовое государство, за более активное участие граждан в принятии политических решений, за проведение реформ в пользу наименее обеспеченных слоев населения⁴³. По мнению авторов партийной программы, принципы государственного управления в Мексике нуждаются в реформировании, так как система, основанная на сильной президентской власти, исчерпала себя. В связи с этим необходимы новые формы взаимодействия между исполнительной и законодательной ветвями власти, усиление контроля парламента над правительством и президентом, укрепление федерализма через передачу значительного числа полномочий штатам и муниципалитетам, внедрение партисипативной демократии посредством повышения роли гражданского общества в политической жизни страны⁴⁴.

Успешная модель развития страны, по мнению сторонников ПРИ, должна отвечать трем базовым принципам: быть экономически эффективной, обеспечивать благосостояние и социальную

---

⁴² PRI. Declaración de principios “Un México compartido”. URL: http://www.pri.org.mx/LaFuerzadeMexico/documentos/documentosbasicos/Declaracion_de_PrincipiosPRI.pdf P. 2-4.

⁴³ PRI. Declaración de principios. P. 4-5.

⁴⁴ PRI. Programa de acción. URL: http://www.pri.org.mx/LaFuerzadeMexico/documentos/documentosbasicos/Programa_de_AccionPRI.pdf P. 5-9.

справедливость, соблюдать экологические нормы⁴⁵. С точки зрения идеологов партии, экономическая политика неолиберализма, чрезмерная ставка на либерализацию торговли, на поддержку экспортных отраслей в ущерб внутреннему рынку, не привела к устойчивому экономическому росту и не принесла улучшения жизни широким слоям населения. В этой ситуации ПРИ предлагает поддерживать “производственный сектор”, внести изменения в таможенную политику и выступает за более равномерное распределение национальных доходов⁴⁶.

По мнению членов ПРИ за годы правления Партии национального действия проблемы Мексики обострились, что делает необходимым переход к новой стратегии развития. Речь не идет о возврате к этатизму, царившему в 1970-е гг., когда государство являлось крупнейшим собственником, однако в ПРИ считают, что государство должно играть руководящую роль в экономике, регулировать функционирование рынка, обеспечивать свободную конкуренцию, стимулировать предпринимательскую активность, уделять внимание социальному развитию. ПРИ предлагает восстановить национальное производство, что позволит расширить внутренний рынок, повысит занятость, покупательную способность населения и сделает Мексику менее зависимой от экономик США и Европейского союза. Политика поддержки национального производства должна проводиться на основе инноваций, что невозможно без улучшения качества образования в стране⁴⁷.

Во внешней политике ПРИ ратует за более активное участие Мексики в формировании нового международного экономического порядка, за приоритетные отношения с латиноамериканскими и карибскими государствами⁴⁸. По мнению идеологов ПРИ, само географическое положение Мексики между Северной и Латинской Америкой создает благоприятные условия для диверсификации внешней политики страны. ПРИ выступает с критикой односторонних действий США, которые осложняют отношения между странами; это касается в первую очередь политики США по отно-

---

⁴⁵ PRI. Programa de acción. P. 31.

⁴⁶ PRI. Programa de acción. P. 34-35.

⁴⁷ Partido Revolucionario Institucional. Plataforma electoral federal 2009-2012. URL:

http://www.pri.org.mx/LaFuerzadeMexico/documentos/plataformaElectoral/PlataformaElectoral2009_2012.pdf P. 4-6.

⁴⁸ Partido Revolucionario Institucional. Plataforma electoral. P. 11.

шению к мексиканским мигрантам. ПРИ осуждает действия США на американо-мексиканской границе, призывает северного соседа к соблюдению прав человека вне зависимости от национальной принадлежности, выступает за двустороннее сотрудничество в сфере миграции⁴⁹.

Кандидатом ПРИ на президентских выборах 2012 г. был избран Энрике Пенья Ньето, являющийся представителем нового поколения мексиканских политиков. Ему 46 лет, в период с 2005 по 2011 гг. он занимал пост губернатора штата Мехико. Во время президентской гонке Пенья Ньето, по данным основных социологических опросов, значительно опережал своих конкурентов. Его не всегда удачные высказывания компенсировались мощью партии, остающейся наиболее влиятельной силой в мексиканской политике.

1 июля 2012 г. в Мексике прошли выборы президента, победу на которых по предварительным данным одержал Пенья Ньето. Кандидат ПРИ получил 38 % голосов; его главный соперник, кандидат от Партии демократической революции Андрес Мануэль Лопес Обрадор, набравший чуть менее 32 %, не признал результатов голосования и обвинил ПРИ в массовом подкупе избирателей. Однако большинство политологов не сомневаются в победе Пеньи Ньето, избрание которого означает возвращение ПРИ к власти после 12 летнего перерыва.

---

⁴⁹http://www.pri.org.mx/LaFuerzadeMexico/documentos/documentosbasicos/Programa_de_AccionPRI.pdf P. 50, 52.

Густаво Родригес Острия¹
Gustavo Rodriguez Ostría

**Цикл партизанской борьбы в Боливии в 1963 –
1970 гг. Преемственность и различия**
The cycle of guerrilla in Bolivia, 1963 – 1970.
Continuity and differences

Аннотация: В период с 1963 по 1973 г. Боливия была центром действий кубинской герильи и планов Эрнесто Че Гевары, выполняя несколько стратегических задач. В 1963 г. через Боливию проходили транзитные пути партизан в Перу и Аргентину. Четыре года спустя Че Гевара уже планировал развивать повстанческое движение в соседних странах из Боливии. После его поражения герилья стала чисто боливийским явлением, чтобы вновь потерпеть поражение в 1970 г. В 1973 г. боливийская герилья попыталась вновь собрать силы на Кубе, но реализовать её в Боливии не удалось, а левые оставили тактику партизанского очага, фокизма.

Ключевые слова: герилья, Че Гевара, Куба, Боливия, теория партизанского очага

Abstract: Between 1963 and 1973, Bolivia was the center of the Cuban guerrilla operations and plans of Ernesto Guevara. During this period accomplished several strategic roles. In 1963, it was a step scenario for guerrillas seeking to settle in Peru and Argentina. Four years later, Che planned guerrilla columns radiating from Bolivia to neighboring countries. After his defeat, the guerrillas, this time led by Bolivians, was reorganized. In 1970 they suffered another failure. 1973, sought to regroup in Cuba, but could not return to Bolivia. Years later left the foco theory.

Keywords: Guerrilla, foco theory, Che Guevara, Cuba, Bolivia

Партизанская эпопея под руководством Эрнесто Че Гевары в 1967 г. приобретает иные характеристики, если её рассматривать в более длительной исторической перспективе. Тогда она предстаёт не как изолированный случай, а как долговременная стратегия, в

---

¹ Густаво Родригес Острия – преподаватель и исследователь Католического университета Боливии (Кочабамба), известный историк, автор ряда монографий по боливийской истории.

рамках которой Боливия занимает важное место.

В начале 60-х годов XX в. кубинское руководство решило положить начало вооружённой борьбе в Южной Америке, исходя из интересов собственной безопасности, рассматривая её как самооборону. Куба оставалась в одиночестве и изоляции в регионе, что угрожало выживанию режима. В 1960 г. Эрнесто Гевара опубликовал свой известный и произведший большое впечатление на несколько поколений политиков труд «Партизанская война». В феврале 1962 г. «Вторая Гаванская декларация» не оставляла более никаких сомнений относительно будущей политики. На Кубе готовились тысячи бойцов, миссионерские кадры «экспорта революции». Коммунистические партии, влиятельные левые партийные организации региона открыто и категорически выступили против стратегии «фокизма» (теории партизанского очага). Однако кубинцев поддержали радикальные левые, уставшие от неэффективности коммунистов и недовольные их установками на мирный переход к социализму. Они видели в кубинском опыте вооружённой борьбы реальную альтернативу победы революции в регионе.

В 1962 г. кубинский проект, несмотря на жёсткие империалистические атаки на революцию, консолидировался, его позиции значительно укрепились. Одновременно по странам континента проследовала волна партизанских войн, которая продолжалась в течение всего десятилетия. В этой статье мы рассмотрим результаты этой стратегии в Боливии, проследим последовательность трёх фаз партизанской борьбы в 1963, 1967 и 1970 годах, как на уровне состава его участников, так и концепций о партизанской территории и результатов герильи.

Первый этап партизанской борьбы в Боливии, 1963 – 1966 гг.

В 1963 г. стратегический план Че Гевары включал в себя создание двух партизанских колонн, которые пройдут подготовку на Кубе, а затем будут переброшены в Перу и Аргентину. Первая – Армия Национального освобождения (Ejército de Liberación Nacional - ELN) – будет задействована в «операции Матрака». Вторая – Партизанская Армия Народа (Ejército Guerrillero del Pueblo - EGP) – в «операции Тень»². Обе колонны должны были взаимо-

---

² Об этом пишет Умберто Васкес Вианья (Humberto Vázquez Viaña, *Una guerrilla para el Che*, Santa Cruz: Editorial R.B., 2000.) Васкес и его брат

действовать в «операции Матрака», целью которой было не завоевание власти в Боливии, а использование её территории как тыловой базы для действий обеих «армий» в Перу и Аргентине.

Кубинцы договорились с Компартией Боливии, в том момент действовавшей легально и обладавшей большим влиянием в профсоюзах страны, но не имевшей прочных позиций в политических структурах. Коммунисты предоставили людей для обеспечения тыловой поддержки, но задания свои выполнили весьма неэффективно и с большими запозданиями. Некоторые историки полагают, что это привело к отсрочке начала действий кубинцами, которые не хотели портить отношения с «братскими» коммунистическими партиями.

В случае с ELN, чья зона действий охватывала большую часть боливийской территории, нуждалась в переброске туда значительных сил, лидеры этой операции рассчитывали на благоприятствование со стороны боливийского правительства. В тот момент у власти находилось популистское Националистическое Революционное Движение - МНР (Movimiento Nacionalista Revolucionario - MNR). Боливия была одной из немногих латиноамериканских стран, ещё не разорвавших отношений с Кубой, и возможно, правительство Виктора Пас Эстенсоро нашло определённый *modus vivendi* с кубинцами. Последние должны были отказаться от партизанской деятельности в самой Боливии в обмен на сохранение дипломатических отношений с Кубой, а начальник мрачно известной политической полиции Клаудио Сан-Роман, как впоследствии признали сами кубинцы, должен был смотреть сквозь пальцы на поддержку с территории Боливии вооружённых действий в соседних странах³. Это положение позволяло кубинскому посольству в Ла-Пасе действовать как координационный центр. В нем тогда работали Улисес Эстрада, Хуан Карретеро «Ариэль», Хосе Мария Мартинес «Папи» и Оло Пантоха, являвшиеся членами службы безопасности Че Гевары. Двое последних погибли в 1967 г. вместе с отрядом Че⁴.

Хорхе, известный как Эль-Лоро (попугай), были важными фигурами в движении в исследуемый период. Хорхе был арестован и расстрелян боливийскими военными во время партизанской эпопеи в Ньякауасу (отряд Че Гевары).

³ Интервью с бывшим первым секретарём Компартии Боливии Хорхе Колле Коуэто, Кочабамба, март 2006.

⁴ Estrada U. *Tania la guerrillera y la epopeya sudamericana del Che*. Editorial

В начале 1963 г. группа из двадцати перуанцев, в основном обучавшихся на Кубе, под командой Эктора Бехара прибыли в Боливию. Они парами для маскировки через Европу добирались до Боливии. Местные коммунисты их разместили в Оруро, Кочабамбе и Ла-Пасе, а также в горнорудных центрах. После ожидания в несколько месяцев, в начале апреля, им помогли переехать к границе с Перу (в район Пуно). С перуанской стороны их действиями руководил Хулио Дагнино «Санчес»⁵. Эта экспедиция была провальной. Колонне ELN не удалось даже проникнуть на перуанскую территорию, она была рассеяна прямо на границе. Партизаны отступили и укрылись в Боливии. Её участники вплоть до сего времени уверены, что их обманули боливийские коммунисты, идеологически солидарные и действовавшие в согласии с перуанскими коммунистами, отрицавшими идеи «фокизма», теории партизанского очага⁶.

Молодой поэт Хавьер Эро погиб 15 мая при перестрелке с перуанскими военными при переправе через реку Мадре-де-Дьос, остальным партизанам удалось уйти. Боливийские коммунисты вновь дали приют перуанцам и помогли им спрятать оружие до следующего дела. Половина партизан была арестована боливийскими военными. Верный своим обязательствам В. Пас Эстенсоро освободил арестованных и даже предоставил им политическое убежище. Некоторые перуанские партизаны, как например, Нестор Гевара «Негрон», остались в Боливии. Они вновь появятся на сцене во время последующих партизанских действиях 1967 г. и 1970 г.

Пока бойцы ELN были так преждевременно разбиты, в Боливию прибыли четверо аргентинских членов EGP и один кубинец, все с алжирскими паспортами⁷. Ими руководил аргентинской журналист и друг Че Гевары Хорхе Масетти. В этой миссии участ-

---

Ocean Sur, 2006.

⁵ Заявления Хулио Дагнино после ареста 27 марта 1968 г. Он входил в сеть городской поддержки Че Гевары. - *Presencia*, La Paz, 21 de abril de 1968.

⁶ Интервью с Эктором Бехаром - *La Lucha Armada en la Argentina*. año 3, №. 97 Buenos Aires, 2007. P. 60-75.

⁷ Rot G. *Los orígenes perdidos de la guerrilla en la Argentina. La historia de Jorge Masetti y el Ejército Guerrillero del Pueblo*. Buenos Aires: Ediciones Cielo por Asalto, 2000.

вовал также Сиро Бустос «Пеладо»⁸. Затем, уже после завершения первой стадии должен был прибыть Че Гевара. После своего прибытия эта группа некоторое время подпольно проживала в Ла-Пасе и Оруро, а затем переехала в Тариху. Бустос периодически ездил в Ла-Пас, где получал указания в кубинском посольстве. Их связным был кубинец «Папи». Боливийские коммунисты предоставили им тех же людей, что работали с перуанцами. Родольфо Салданья и Хосе Луис Тельерия возглавляли их группу. Они на кубинские деньги приобрели на имя инженера и агронома коммуниста по фамилии Муррильо поместье Эмборосу на реке Бермехо, недалеко от аргентинско-боливийской границы. Там, в поместье, названном «Каменный дом», они завершили подготовку активных действий. Хорхе Васкесу Вианье была поручена их защита и прикрытие. Чтобы сделать своё пребывание там более достоверным, он переехал туда со своей женой и детьми.

21 июня небольшая группа перешла из «Каменного дома» на аргентинскую территорию. Они уходили и возвращались в Боливию вплоть до начала 1964 г., когда небольшая колонна ушла в Аргентину и более не вернулась. Ушла, чтобы погибнуть, не имея местной базы и потеряв накануне там своих сторонников. К апрелю 1968 г. этой группы уже не существовало.

По предварительным планам партизанский отряд Масетти должен был работать как катализатор сельского восстания в районе Тукумана. Его действия должен был поддержать другой отряд для города, организованный троцкистом «Васко» Бенгочеа, бывшего члена группы «Рабочее Слово», преобразованной в «Вооружённые силы Национальной Революции» (FARN)⁹. Один из его руководителей Фаустино Стампони Коринальдеси, тридцати трёх лет, был ответственным за поставку оружия в Аргентину из Боливии. Его арестовали в апреле 1964 г. вместе со значительным арсеналом. Часть этого оружия покупали коммунисты на «местном рынке», часть была привезена кубинцами с дипломатическим багажом.

«Васко» Бенгочеа и четверо его товарищей погибли 21 июля 1964 г., взорвавшись в арендованной ими квартире в элегантном

---

⁸ Бустос рассказал свою версию событий в книге *El Che quiere verte*. Buenos Aires: Vergara editor, 2007.

⁹ См. Nicanoff S. M., Castillo A. *Las primeras experiencias guerrilleras en la Argentina. La historia del 'Vasco' Bengochea y las Fuerzas Armadas de la Revolución Nacional // Cuaderno de Trabajo*. № 29. Buenos Aires: Centro Cultural de Cooperación, abril de 2004.

районе Палермо в Буэнос-Айресе. После этого несчастного случая группа исчезла. Кроме того, полиции стало известно о её существовании.

Стампони был крупным руководителем «Рабочего Слова». Он участвовал в поездке на Кубу в 1962 г. вместе с «Васко» Бенгочеа и другими тремя троцкистами. Получив свободу, Стампони перебрался в Гавану, укрываясь от преследований. Затем на некоторое время вернулся в Аргентину, и 19 марта 1967 г. вновь вместе со своей женой Алисией Боргато и другими аргентинцами отправился на Кубу, куда они прибыли 23 марта, именно в тот момент, когда отряд Че Гевары начинал действовать в Ньянкауасу. В фешенебельном районе Гаваны Мирамаре он жил вместе с другими аргентинцами, представителями различных политических течений, среди них Мануэль Негрин, Эмилио Хауреги, Ана Мария Никоменди, Марсело Верд и его жена Сара Эухения Паласиос. Эти люди хотели присоединиться к силам Че Гевары в Боливии. Его гибель 9 октября 1967 г. перечеркнула эти планы¹⁰. Стампони не знал, что Че Гевара на него рассчитывал. Он узнал об этом только после публикации «Дневника Че Гевары» 1 июля 1968 г. Говорят, что он горько плакал.

Оскар Перес Бетанкурт, двадцати восьми лет, также перебрался в Гавану. Он был членом «Рабочего Слова» со времени обучения в Университете Ла-Платы. В 1963 г. входил в группу, появившуюся в Боливии, в задачу которой входил переход в Перу для поддержки Уго Бланко, партизанского отряда, боровшегося на территории Ла-Конвенсьон и Ларес. Им не удалось добраться до Перу. Бланко также был членом «Рабочего Слова», к которому он присоединился во время пребывания в Аргентине в 1957 г¹¹.

Партизанский цикл 1963 г. закончился полным провалом. Ни одна из трёх партизанских колонн не смогла просуществовать больше начальной фазы формирования отряда. Две из них ELN и FARN так и не начали действовать. Хорошо известно, что в 1965 г.

---

¹⁰ Интервью с Алисией Боргато, Гавана, апрель 2004 г. Боргато была подругой Стампони. О других группах аргентинцев, готовившихся присоединиться к отряду Че Гевары см. воспоминания Alfredo Hellman, *Il militante*. Milano, 2006. Хельман упоминается в «Дневнике Че» как контакт для Сиро Бустоса. Ошибочно считается, что им был поэт Хуан Гельман.

¹¹ Rodríguez Ostría G. *Sin tiempo para las palabras. Teoponte, la otra guerrilla guevarista en Bolivia*. Cochabamba: Editorial Kipus, 2006

Че Гевара занимался африканскими делами¹². При этом он не переставал думать о повторе операций 1963 г. в Южной Америке. Для этого в октябре 1964 г. он отправил в Боливию Тамару Бунке, известная как легендарная «Таня». В её задачу входило войти в доверие высшего боливийского общества и ждать последующих указаний¹³.

Планы создать новый «очаг» в Перу не были оставлены. В середине 1965 г., пока Че Гевара был в Африке, Левое Революционное Движение – МИР (Movimiento de Izquierda Revolucionaria - MIR), которое не участвовало в акциях 1963 г., совместно с ELN подняло вооружённое восстание¹⁴. Куба после провала своего вмешательства в Конго и после отъезда оттуда Че Гевары в ноябре 1965 г. вновь активизировала латиноамериканскую линию партизанской войны в конфронтации с империализмом¹⁵. Теперь Боливия вновь могла стать территорией транзита и целью операций всех задействованных групп, «армий» и движений, как то было в 1963 г. во время «Операции Тень».

Группа ELN не была значительной по своей численности, но полностью разделяли «фокистские» идеи, чем заслужила благоволение Че Гевары. В конце декабря 1965 г. или в начале 1966 г., возможно, на конференции Триконтинентала¹⁶ руководство ELN решило принять Че Гевару в свои ряды.

Один из лидеров ELN Тупак рассказывал¹⁷: «Хуан Пабло Чанг

---

¹² Gálvez W. *El sueño africano del Che ¿Qué sucedió en la guerrilla congoleña?* La Habana: Casa de las Américas, 1997; Gleijese P. *Misiones en conflicto. La Habana, Washington y África, 1959-1976.* La Habana: Instituto Cubano del Libro, 2004, P. 126-251.

¹³ Rodríguez Ostría G. *Los enigmas de Tania, de clandestina a guerrillera // Sudestada.* Buenos Aires, año 7. № 64. P. 8-15.

¹⁴ Рукопись Meter Peter Vrijer, “La lucha guerrillera en el Perú. Los vibrantes años sesenta”, junio de 2007.

¹⁵ Gleijese P. *Misiones en conflicto.* p. 339.

¹⁶ Конференция созданной кубинцами Организации солидарности народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, издававшей одноименный журнал «Триконтиненталь», ставший рупором кубинской политики насаждения стратегии партизанской борьбы в странах «третьего мира».

¹⁷ Тупак был упомянут в шифровке 37 от 13 июня 2007 г., отправленной «Ариэлем» (Хуаном Карретеро) Че Геваре. Он называет Тупака «ответственным в ELN за подготовительную работу партизанского отряда в Пу-

Левано «Китаец» обещал Фиделю обеспечить приезд Че в нашу зону операций (Айякучо). Прибыв в Лиму (с Кубы) Чанг мне сообщил главную новость – «С нами приехал Че». Он мне сказал, что всё уже решено, но надо подумать как довезти Че до границы с Боливией и уже оттуда, если понадобится пешком, доставить его к нам в Айякучо»¹⁸. Перу находилась в центре внимания, и Боливию никто не рассматривал как место развёртывания новой партизанской войны Че Гевары. Однако, на перуанском фронте появились новые трудности, которые разрушили перуанской «фронт». В январе 1966 г. погиб один из командиров МИР Гильермо Лобатон. 1 марта Эктор Бехар был схвачен в Лиме, где проходил лечение. 26 мая бывший зять Че Гевары и один из лидеров МИР Рикардо Гадеа также попал в руки полиции. Перуанская партизанская борьба вновь терпела поражение.

Члены ELN в этом новом и невыгодном соотношении сил увидели несвоевременность вооружённых действий. Тупак рассказывал: «Известия из зоны партизанских действий не были вдохновляющими. И тогда Чанг был вынужден сообщить кубинцам о тяжёлой ситуации, переживаемой нами в Перу»¹⁹. Непонятные обстоятельства ареста Бехара и гибель других лидеров партизан казались весьма подозрительными для кубинских деятелей²⁰. Решение было следующим: «Правда состоит в том, что, на наш взгляд, он (Че Гевара) не может отправиться туда. Пока многое надо выяснить», - писал тогда всегда верный Гарри Вильегас «Помбо», находившийся в Ла-Пасе и готовивший тыловое обеспечение приезда Че Гевары²¹. Этот резкий вывод не был личностным, но его тон отражал настроения в кубинском руководстве движения. Если же Перу стало невозможным, единственным возможным вариан-

---

но. По понятным причинам мы не можем указать его подлинное имя, ныне он живёт в Перу.

¹⁸ Переписка автора с Тупаком.

¹⁹ Там же

²⁰ «Помбо» в своем Дневнике писал: «Кажется, Калисто сдался сам через врача, возможно, при условии сохранения ему жизни» - запись от 6 августа 1966 г. Этот дневник был опубликован Карлосом Соррия Гальварро в коллекции *El Che en Bolivia. Documentos y testimonios*. La Paz: Editorial La Razón, 2005.

²¹ Там же. «Помбо» упоминает имя «Рамон». Это было военное имя Че Гевары в Боливии.

том была Боливия. С их точки зрения и по оперативным соображениям Боливия представлялась более выгодным районом действия: протяжённые и неохраняемые границы, её близость к Аргентине, а главное – Компартия менее враждебная к методам партизанской войны²².

Вторая фаза: 1967 г.

В ноябре 1966 г. Че Гевара въехал в Боливию, отказавшись от планов действия в Перу. Продолжаются жаркие споры, почему Че Гевара остановился на Боливии, и какой план был у него. Собирался бороться за власть в Боливии или его целью была Аргентина, а боливийская территория лишь тыловой базой как в 1963 г.? Возглавлял Че Гевара боливийскую партизанскую борьбу или партизанскую борьбу в Боливии?

---

²² О связях Че Гевары и КПБ см. нашу работу: Rodríguez Ostría G. Los comunista bolivianos y el Che ¿Traición o diferencia?// *La Lucha Armada en la Argentina*, año 3, número 9, Buenos Aires, 2007, pp. 82-93.

Инти Передо

Происшедшее, с военной точки зрения, между 6 ноября 1967 г., когда Че Гевара прибыл в Ньянкауасу, и 23 февраля 1968 г., когда трое выживших кубинца партизан прорвались через военную блокаду и перешли чилийскую границу, хорошо известно. Нас же здесь интересует соотношение нового партизанского опыта 1967 г. и повторения алгоритма действий 1963 г.

В первую очередь речь идёт об участниках движения. Практически это одни и те же люди, хотя некоторые уже вышли из Компартии Боливии. С кубинской стороны мы вновь находим «Папи», «Ариэля» и Оло Пантоху, которые были в Боливии в 1963 г. Они знали людей и хорошо ориентировались в стране. С боливийской стороны оставались Хосе Луис Тельерия, братья Васкес Вианья, братья «Коко» и «Инти» Передо и многие другие, кто участвовал в операциях 1963 г. Также там появились потерпевшие очередной провал в Перу в 1965 г. бойцы перуанского ELN. Среди них «Санчес», вошедший в сети городской поддержки Че Гевары в Ла-Пасе, где он работал вместе с Родольфо Салданьей, знакомым ещё с 1963 г.

Во-вторых, осталась в силе концепция навязывания вооружённых действий, не дожидаясь согласия со стороны местных левых политических организаций, в данном случае ELN и EGP. В этот раз КПБ, которая, казалось, в на первых порах была согласна играть ту же роль, что и в 1963 г., как только поняла, что Боливия рассматривается уже не как маршрут транзита или убежища для революционеров соседних стран, а именно как главная цель, резко поменяла свою позицию. В результате произошёл разрыв между коммунистами и Че Геварой, что оставило партизан без городской поддержки, которую надо было заменить кем-то. Пришлось использовать молодых и неопытных боливийцев, бывших коммунистов, перешедших на сторону сил Че Гевары.

В-третьих, период 1966 – 1967 гг. закончился также, как и 1963 г., то есть поражением из-за логистических ошибок, которые не были исправлены в соответствии с опытом 1963 г., а также из-за следования фокистской концепции, не пересмотренной в соответствии с обстоятельствами данной страны²³.

---

²³ По-прежнему полезно проанализировать работу Режи Дебре «Партизанская война Че в Боливии», а также биографии Че Гевары, опубликованные в 1997 г. Пако Игнасио Тайбо II, Джо Андерсоном и Хорхе Кастньедой.

Третья фаза: 1970 г.

Убийство Че Гевары в октябре 1967 г. и разгром партизан парализовали те кадры из разных стран, которых готовили на Кубе для осуществления планов партизанской войны. Они оказались разобщены и без единого лидерства. Многие, особенно аргентинцы, стали пересматривать ориентацию на исключительно сельскую герилью. Между тем кубинское руководство предложило почти сразу же возобновить именно боливийское партизанское движение. В 1968 г. группа числом в 80 бойцов, в основном боливийцев, но с участием чилийцев и аргентинцев прошла подготовку в Баракоа, на востоке Кубы. Одновременно небольшая группа готовилась к городским задачам повстанческой войны.

После завершения подготовки в апреле 1969 г. они направились в Боливию через Чили. Их поддерживали и обеспечивали проход через Чили члены Социалистической партии Эльмо Каталан, Беатрис «Тати» Альенде и Арнольдо Каму, которые содержали конспиративные квартиры. В этот раз Чили должна была стать тылом и местом отхода, то есть играть ту же роль, что Боливия в 1963 г. После Сантьяго, Каламы и Антофагасты будущие партизаны, прибывшие с Кубы, перешли границу и тайно с оружием передвигались по территории Боливии. Члены городской сети ELN²⁴ переправили их в Ла-Пас.

Между июлем и сентябрём 1969 г. по начавшейся герилье были нанесены серьёзные удары. Обыски, аресты и убийства лидеров поставили под вопрос само её существование. Особенно тяжким была потеря командующего штабом «Инти» Передо в Ла-Пасе 9 сентября 1969 г. В определённый момент из-за провалов в Боливии, а возможно, под давлением СССР кубинцы вышли из этой операции. Однако, герилья после понесённых утрат смогла восстановиться за счёт привлечения к борьбе студентов и представителей средних слоёв, многие из которых происходили из демохристианских кругов, молодёжи, ушедшей из Христианско-демократической партии и таких религиозных организаций как Марианская конгрегация и Католическая студенческая молодёжь.

Утром 19 июля 1970 г. они начали вооружённые действия в районе Теопонте. Ядро герильи составляли 67 бойцов, в своём большинстве (80%) боливийцы. Командовал ими Освальдо «Чато» Передо, младший брат «Коко» и «Инти», бойцов отряда Че Гевары

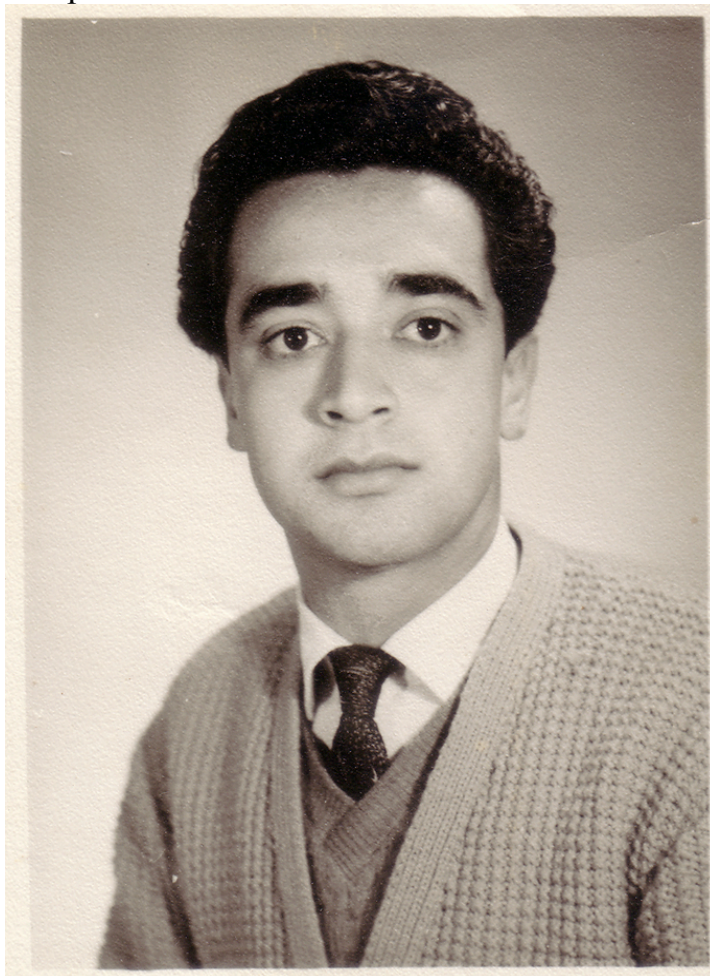
---

²⁴ ELN было создано в Боливии 25 марта 1967 г. Че Геварой.

в Ньянкауасу. Эта экспедиция обернулась полным провалом. За сто дней армия и голод полностью уничтожили отряд. Из 67 бойцов выжили только 9 (трое из них чилийцы), в том числе и «Чато» Передо. 5 ноября 1970 г. они перешли в Чили, где уже у власти было правительство Сальвадора Альенде.

Что собой представляли действия в Теопонте? Было ли это изолированной акцией молодых студентов, или же существовала тесная связь с герильей Че Гевары 1967 г.? Связи с партизанской борьбой Че Гевары многочисленны. Назовём главные.

Луис Ренато Пирес де Альмаейда²⁵

а). Реорганизация ELN и новая герилья в Боливии опирались на кадры, на группы, которые ещё были готовы присоединиться к Че Геваре в 1967 г., либо принимали участие в его борьбе, например, бывший коммунист Родольфо Салданья. Они были наследниками

---

²⁵ Учился на экономическом факультете в УДН в Москве, затем в июне 1968 г. уехал на Кубе, где прошёл подготовку. Убит военными в сентябре 1970 г. в Теопонте.

Че и пытались воспроизвести его подвиг с опорой на Кубу как в Боливии, так и в Чили и в Аргентине. Кубинская группа во главе с «Барбароха» (Рыжая борода) Пиньейро состояла из бывших координаторов герильи Че Гевары «Ариеля» и «Лио» (Густаво Бургес), к которым присоединились командиры тренировочных лагерей Гарри Вильегас «Помбо» и Дариэль Аларкон «Бенигно», выжившие после поражения отряда Че Гевары.

Аргентинцы Луис Фаустино Стампони «Мисерия» (Нищета) и Оскар Перес Бетанкур «Гордо Карлос» (Толстый Карлос) были задействованы во время герильи 1967 г. Они даже участвовали в операции 1963 г. К ним присоединились те, кто в 1963 г. действовали в различных организациях, затем объединённых под общим знаменем герильи Че Гевары. В 1970 г. боливийская ELN приняла в свои ряды других аргентинских бойцов, таких как Рубен Сердат «Освальдо», который ярко проявил себя впоследствии. Сердат был членом Коммунистической федерации молодёжи, но в 1963 г. был арестован в Ичо-Крус (Кордоба). Он прошёл подготовку в лагере «Камило Сьенфуэгос» на Кубе для участия в операциях отряда Масетти. В 1966 г. снова тренировался на Кубе, а по возвращении вступил в FARN. Среди чилийцев происходили такие же процессы. Эльмо Каталан «Рикардо», журналист из Арики, сотрудничал с кубинцами с начала 60-х. Он должен был войти в городскую сеть поддержки Че Гевары в Боливии во время герильи.

б). Боливийская ELN полностью, без какого бы то ни было критического анализа, приняла теорию «очага», фокизм, что означало непосредственную преемственность с героическим периодом, связанным с именем Че. Она считала себя военной организацией авангардного типа, предназначенной для ведения партизанской войны в сельской местности. ELN называла себя наследницей 1963 и 1967 гг. Отличие состояло в том, что не отказываясь от континентальных целей борьбы, её проект приобрёл чёткие национальные черты, ELN ставила перед собой цель завоевания власти в Боливии. Боливийцами были и её лидеры: сначала «Инти» Передо до его смерти 9 сентября 1969 г., а затем его брат «Чато». Большинство бойцов также были боливийцами.

в). Район, выбранный для операции на севере Ла-Паса, был тот самый, который в 1966 г. был исследован Режи Дебре, когда он искал подходящее место для начала герильи Че Гевары. Дебре рекомендовал именно этот район, и Че Гевара также высоко оценивал его политические и географические преимущества, однако по неизвестным причинам решил действовать на юге Боливии. Новая

герилья учитывала все эти обстоятельства, и тогда решили воспользоваться документацией, собранной в своё время Дебре. Будущие бойцы могли ознакомиться с ней в подготовительном лагере в Баракоа на Кубе. В начале 1969 г. они провели новую разведку в регионе, оценили его политические, человеческие и географические характеристики, приняв решение, которое должно было подчеркнуть преемственность с 1967 г.

г). Кубинцы, как и ранее, активно участвовали в подготовке герильи, хотя их число (трое) было несравненно меньше по сравнению с двадцатью бойцами отряда Че Гевары. С самого начала боливийцы находились в зависимом положении от кубинских планов, не ограничивавшихся Боливией, а включавших в себя весь континент. Куба направляла в Боливию людей и ресурсы для герильи, сообразуясь однако со своими собственными планами и политическими пристрастиями. В конце 1969 г. после прекращения кубинской помощи ELN её руководство, штаб решил действовать самостоятельно, готовя герилью без кубинской поддержки. Отношения с Кубой были «заморожены». С этой точки зрения можно утверждать, что согласно фокистской теории герилья в Теопонте была полностью геваристской, но уже без учёта планов и поддержки кубинцев, как то было в 1963 и 1967 гг.

Две герильи – один результат

Операции 1967 и 1970 г. (в том числе и дело Масетти в 1963 г.) демонстрируют много общего, несмотря на различия условий и обстоятельств, в которых они проходили. В обоих случаях первые столкновения с войсками приносили победу партизанам. 23 марта 1967 г. силы Че Гевары разбили военную колонну. 30 июля 1970 г. люди «Чато» Передо сражались с военными в районе Карура. Был убит один солдат. Среди военных началась паника, как и в 1967 г., хотя её масштаб и впечатление от этого не были подобными тому, что произошло в Ньянкауасу 23 марта.

В обоих случаях не работали связь и радио. В Теопонте радио даже не подключали: тяжёлое оборудование было трудно перевезти и его бросили в самом начале операции. В Ньянкауасу радиопередатчик был старым и неисправным, зависел от работы бензинового генератора. Его не смогли использовать для передачи сообщений, партизанам не удалось получить ни одного послания с Кубы.

Часто утверждают, что поражение Че Гевары было вызвано

разделением его сил на отдельные отряды 17 апреля 1967 г., когда отделилась группа под командой «Хоакина». Более отряды не соединились, что снизило силу обоих. Во время действий в Теопонте 1 сентября 1970 г. отряд также разделился на две группы после атаки боливийской армии с применением артиллерии и вертолётов. Обе группы, изолированные и без связи прекратили сопротивление под давлением обстоятельств и перед лицом враждебных действий противника, но также свою роль сыграли расстрелы, проведённые авторитарными командирами, «товарищами», также как то было с колонной Масетти в 1963 г.

В историографии о герилье в Боливии преобладают работы о борьбе Че Гевары в 1967 г., но при этом игнорируется происшедшее до и после знаменитых событий. Необходимо рассмотреть проблемы герилье Че в связи с тремя последовательными циклами партизанской борьбы, 1963, 1967 и 1970 гг. Эти периоды объединены следованием революционеров фокистской концепции и преемственностью главных действующих лиц, определявших политику во все три этапа истории герилье в Боливии. Различия этих фаз состоит в выборе территории и целей герилье как политического действия. В 1963 г. Боливия была транзитной зоной, местом отдыха и убежища. В 1967 г. она стала частью общеконтинентальной стратегии, центром, от которого революция распространилась бы на весь регион. В 1970 г. произошла национализация герилье как стратегии захвата власти в стране, она стала формой борьбы в рамках национальной территории, хотя и не ограничивалась ею. Интернационализм оставался главным вектором, но уже не как геваристский принцип распространения революции по всему континенту.

Че Гевара. Вооруженный радикал на фоне народа

Аннотация: В статье анализируются истоки и эволюция партизанской стратегии и тактики Э. Че Гевары. Этот анализ позволяет выявить различия опыта Кубинской революции и представлений Э. Че Гевары о желательном развитии революционных событий. По мнению автора, Э. Че Гевара выстраивал своё представление о революционной тактике и стратегии на основе не столько имевшегося у него практического опыта, сколько представлений о необходимости развернуть в центре Латинской Америки очаг социалистической революции. Это стало одной из важнейших причин неудачи Боливийской экспедиции Э. Че Гевары в 1967 г. Несмотря на авторитарность и волюнтаризм взглядов Э. Че Гевары, он оказал большое влияние на идеологию антикапиталистических и демократических движений, которые по-своему трансформируют его идейное и этическое наследие.

Ключевые слова: Че Гевара, Кубинская революция, Боливийская экспедиция 1967 г., марксизм-ленинизм, этический социализм, партизанская война, повстанческий очаг

Abstract: The article examines the sources and evolution of Che Guevara's guerrilla war strategy and shows differences between Cuban revolution and his ideas about the desirable development of the revolutionary process. The author claims that Che Guevara was building his concepts about the revolutionary tactics and strategy based on the idea of the necessity to create "foco" of the socialist revolution in the heart of Latin America. Such theory was one of the main reasons why Che Guevara's Bolivian expedition failed. Despite the authoritarianism and arbitrariness of Che Guevara's ideas, he strongly influenced the ideology of anti-capitalist and democratic movements; many of them develop his intellectual and ethical legacy in their own way.

Keywords: Che Guevara, Cuban Revolution, Bolivian expedition 1967, marxism-leninism, ethic socialism, guerilla war, foco theory

Че Гевара смотрит на нас с рекламы, вещает со страниц книги и фильма о жизни современной российской медиабогемы. По местам его боевой славы в Боливии ходят туристические маршруты – ещё одно ответвление туристического бизнеса. Капиталистический глобализм норовит все поставить себе на службу. Между тем зна-

чение Эрнесто Че Гевары не уместается в рамки экономики впечатлений - как крепости крестоносцев на Кипре или мифологический Сталин в сериале. Че - символ вооруженной борьбы против империализма, и пока жив империализм, смысл жизни Че Гевары будет проступать сквозь окружающее нас шоу, как шило в мешке.

Фабула жизни Эрнесто Гевары зиждется на двух кульминациях. Звездный час кубинской революции, когда революционные бородачи были поддержаны широкими массами кубинцев, и трагическая боливийская экспедиция 1967 г., закончившаяся гибелью команданте. Сравнение этих двух эпизодов мировой истории неизбежно выдвигает вопрос о способности радикального революционного ядра заручиться поддержкой народных масс - в условиях Латинской Америки - крестьянства. Вечное несовершенство мира генерирует огромное количество радикальных личностей, которые хотели бы одним рывком изменить опостылевшую действительность. Но немногим удается убедить в своей правоте тысячи и миллионы людей, без которых истории нельзя придать должного импульса. Однажды Че был среди тех, кому удалось победить. Он стал теоретиком вооруженной революционной борьбы. А затем странным образом нарушил свои же собственные правила и погиб. В этом - и загадка, и источник мифов, и научная проблема - вооруженные радикалы и массы.

XX век полон мощными социальными взрывами, и немалую роль в них играют крестьянские массы. Революционный потенциал этого класса явился предметом пристального внимания Че Гевары, который избрал крестьянство средством достижения своих идеалов путем партизанской войны. Этот метод немислим без крестьянской поддержки¹.

Важным средством вовлечения крестьян в революцию, ее экономической основой является аграрная реформа². Необходимость земельного передела действительно была наиболее очевидным крестьянским требованием в Латинской Америке середины 50-х годов. Но в 60-е годы это требование становится менее актуальным. Не без влияния Кубинской революции в рамках инициированной США политики «Союза ради прогресса» по континенту прокатывается волна аграрных реформ разной степени радикальности (впрочем, более радикальные аграрные преобразования в Мексике, Боливии и в Гватемале проводились до Кубинской рево-

---

¹ Че Гевара Э. Партизанская война. М., 1961. С. 13 - 14.

² Там же. С.40.

люции). Результаты оказались несколько неожиданными. Нарушения сельскохозяйственного процесса, разрушительные действия крестьян и помещиков, прекращение интенсификации производства не только помещиками, но и крестьянами, не имеющими специальных знаний, затраты большого количества времени и сил на политическую борьбу - всё это приводило к негативному эффекту аграрных реформ: урожайность пшеницы в Перу в 1963-1966 годах (когда там шла очень осторожная аграрная реформа) снизилась на 9%, в Венесуэле - на 4%. А в Колумбии, где фактически шла гражданская война, а реформы задерживались, наблюдается за тот же период рост на 45%. Аграрная реформа не решила таких проблем Латинской Америки, как нищета части населения, неграмотность, болезни, хотя радикальный земельный передел и облегчил положение с продовольствием³. Даже при снижении урожайности население стало лучше питаться, потому что распределение продовольствия стало более равномерным, на некоторое время смягчался аграрный голод. Но затем рост населения все возвращал на круги своя.

Э. Че Гевара понимал, что земельный передел не решает основных проблем континента. Это - лишь первый шаг, своего рода «приманка» для крестьян – для «мелкой буржуазии». С середины 50-х годов Э. Гевара считал себя марксистом⁴. Его стратегической задачей становится как ликвидация империалистической эксплуатации, так и капитализма вообще, общества материальных стимулов: «Общее стремление, объединяющее нас в марше к будущему, - это победа над империализмом... Свобода имеет место тогда, когда империалистическое экономическое доминирование перестает практиковаться на людях»⁵. «Тот, кто преследует сумасбродную идею добиваться реализации социализма с помощью изношенных средств, оставленных капитализмом (прибыль как базовый экономический элемент, производство прибыли, индивидуальная материальная заинтересованность и так далее), придет к гибельному концу»⁶.

Эта недвусмысленная позиция команданте очевидно противоречит социальным устремлениям крестьянства с его «мелкобуржу-

---

³ Фадеев Ю.А. Боливия: революция и контрреволюция. М., 1966. С. 66.

⁴ Lovy M. *Marxism of Che Guevara*. 1973. P. 120.

⁵ Che Guevara E. *A common aspiration: overthrow of imperialism unites Cuba with Africa and Asia*. - Habana, 1965. P. 3-4.

⁶ Che Guevara E. *Selected works*. Cambridge, 1970. P. 127.

азным духом”⁷, то есть самоуправляемым, самофинансируемым хозяйством. Решить проблемы крестьян, по мнению Че Гевары, можно только привив им “нематериальные стимулы”, такие как сознание долга и новый революционный способ мышления⁸.

Как совместить экономические интересы движущей силы революции - крестьянства и стратегические идеалы команданте? Партизана на Кубе, Че осторожно сообщает отдельным крестьянам о коммунистической перспективе. Но уже в 1957 году команданте считает, что “спасение мира находится за так называемым “железным занавесом”, то есть в СССР⁹. В 1957-1960 годах Че Гевара не высказывает этого пристрастия публично, что дало основание Д. Джеймсу обвинить его в макиавелизме¹⁰. В действительности, Че разделял обычную для коммунистов теорию постепенного перехода от “буржуазно-демократических” задач к “социалистическим”. Но “досоциалистическая” стадия революции становилась все менее актуальной. Укрепление капитализма в ходе ликвидации «феодалных пережитков», создавало сложности для дальнейших социалистических преобразований.

План Боливийской экспедиции показывает, что команданте пытается смягчить это противоречие, начав боевые действия в стране, где “буржуазный” лозунг аграрной реформы заведомо неактуален. Рассчитывая опереться на социальные слои, недовольные обществом, уже прошедшим через этап аграрной реформы, на социальные противоречия внутри крестьянства¹¹, Че Гевара планировал развернуть в Боливии изначально антикапиталистическое движение. При этом он явно недооценил прочность режима Р. Баррьентоса, базирующегося не только на военной силе, но, в отличие от режима Ф. Батисты¹², и на тесной политической и культурной связи с организованным крестьянством страны¹³.

Поскольку материальные стимулы, привлекательные для крестьян, противоречат коммунистическим целям Че, в 60-е гг. он

---

⁷ Lovy M. Op. cit. P. 90.

⁸ Ibid. P. 64.

⁹ Героическая эпопея: от Монкады до Плайя-Хирон. М., 1978. С. 191.

¹⁰ James D. E. Che Guevara. - Biography. 1969. P. 94.

¹¹ The Complete bolivian diaries of Che Guevara and other captured documents. L., 1968. P. 82, 114.

¹² Р. Баррьентос - диктатор Боливии в 1964-1969 гг., Ф. Батиста - диктатор Кубы в 1952-1958 гг.

¹³ См. Гончарова Т.В. Индеанизм: идеология и политика. М., 1979; Фадеев Ю.А. Указ. соч. С.156.

приходит к выводу, что для вовлечения крестьян в социалистическую революцию материальные стимулы должны замещаться моральными. Определяющим для Э. Че Гевары является нарушение “принципа справедливости”¹⁴, воспринятого от Ф. Кастро и означающего народовластие и отсутствие нищеты¹⁵. Идея справедливости широко распространена в политической мысли Латинской Америки благодаря разнообразным этико-политическим течениям от этического социализма до морального демократизма одного из отцов кубинской независимости Хосе Марти, идеи которого оказали большое влияние на Кастро.

У кубинских партизан идея народовластия означала опору на всё крестьянство, что могло поставить революционный авангард под контроль “кампесино”. Пока речь шла о свержении Батисты, о демократических задачах, интересы “бородачей” и народа (то есть активной части населения) совпадали. После прихода к власти революционеры столкнулись с неоднородностью «народа», выступили против либеральных лидеров, опираясь на армию и крестьянство. Но и крестьянство не хотело идти дальше, к коммунизму. И новые кубинские руководители пришли во второй Гаванской декларации к выводу: “Крестьянство - это класс, который в силу своей культурной отсталости и изоляции нуждается в политическом и культурном руководстве со стороны рабочего класса и революционной интеллигенции”¹⁶. Во время партизанской войны, пока рабочая масса находится далеко от партизанского очага, революционная интеллигенция в лице повстанческого командования берет на себя руководящие функции. В то же время убедить крестьян в преимуществах общества “за железным занавесом” не так просто¹⁷, обнаруживаются и различия в самой системе ценностей крестьян и партизан. Всё это заставляет Че Гевару быть осторожным с “предрассудками” кампесино, но в то же время делает особенно актуальной проблему организационной независимости революционного руководства от крестьянской массы как в ходе войны, так и после победы.

Решение этой проблемы кубинские лидеры увидели в разрыве с парламентской демократией. До прихода руководителей повстанческой армии к власти борьба велась под знаменем восстановления

---

¹⁴ Партизанская война. С.115.

¹⁵ Подробнее см. Ф.Кастро. История меня оправдает// Героическая эпопея: от Монкады до Плайя-Хирон. С.57, 63.

¹⁶ Кастро Ф. Речи и выступления 1961-1963 гг. М., 1963. С.807.

¹⁷ Че Гевара Э. Эпизоды... С. 87 - 88.

Конституции 1940 года и проведения всеобщих выборов. В своей знаменитой речи “История меня оправдает”, которая по его собственному утверждению является “основополагающим документом нашей борьбы”¹⁸, Ф. Кастро строил свое обвинение режима на том, что “Батиста не восстановил конституции, не восстановил гражданских свобод, не восстановил конгресса, не восстановил прямого избирательного права...”¹⁹ Апеллируя к республиканскому законодательству, Ф. Кастро говорил: “Всякий, кто пытается не допустить или нарушить осуществление всеобщих выборов, подлежит лишению свободы на срок от 4 до 8 лет”²⁰. Нарушение принципа разделения властей явилось одним из главных оснований штурма Монкады: “Мы подняли восстание против одной только власти, незаконной власти, которая узурпировала и объединила законодательную и исполнительную власть в стране”²¹. Этот пафос первоначально поддерживает и Э. Че Гевара. Гибель гватемальской революции произвела на него большое впечатление: “Я видел, как демократия была разрушена в Гватемале, и когда я встретил в Мехико Фиделя, я считал своим долгом помочь ему разрушить диктатуру”²². Но опасность потери власти революционерами в ходе всеобщих выборов существенно меняет оценки. Уже 27 января 1959 года Э. Че Гевара выступает с программой “вооруженной демократии”, которая обосновывает необходимость власти Повстанческой Армии²³. Эта теория стала одним из обоснований отказа от выборов в пользу власти активного меньшинства. Революционное ядро, не скованное предрассудками и “отсталостью” народа, решительно повело “Остров Свободы” в самую гущу геополитической борьбы.

Поскольку возникающий в результате режим был признан его творцами “народовластием”, вся остальная Латинская Америка таким народовластием не обладала и потому нарушала “принцип справедливости”. Это дало Че Геваре возможность уже в 1960 году прийти к выводу о том, что условия для революции практически в любой стране Латинской Америки могут быть созданы партизан-

---

¹⁸ Героическая эпопея... С. 108.

¹⁹ Там же. С. 91.

²⁰ Там же. С. 82.

²¹ Там же. С. 52.

²² The legacy of Che Guevara. A documentary study by D.C.Hoges. 1977. P. 15.

²³ “Che” Guevara on relation. Edited and by an introduction by J. Tallinn. Coral Cables, 1969. P. 76 - 77.

ским очагом: "...не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции: повстанческий центр может сам их создать"²⁴.

Какие предпосылки революции может создать партизанский очаг? В работе "Партизанская война: метод" Э. Че Гевара пишет о перспективах развертывания борьбы в странах парламентской демократии: "В условиях конфликта олигархия разорвет свои собственные контракты, сломает свою собственную поверхностную 'демократию' и атакует людей... В этот момент вновь возникает вопрос: что делать? Наш ответ: насилие - не исключительное достояние эксплуататоров, когда эксплуатируемые хотят и могут использовать его в подходящее время"²⁵.

Итак, первое условие использования насилия против режима - эскалация его собственных репрессий против населения. Это условие партизанский центр может создать, только спровоцировав репрессии против населения, что реально случилось как на Кубе²⁶, так и в Боливии²⁷. Другими условиями революции, которые способен создать партизанский центр, может быть изменение сознания народа. Третье условие - практический пример того, что с властями можно вести эффективную борьбу: "Мы поняли, что совершали тактические ошибки, и что движению не доставало некоторых важных субъективных элементов: народ признавал необходимость перемен, но ему не хватало веры в возможность их осуществления. Задача заключается в том, чтобы убедить его в этом"²⁸.

Эти условия революции объединяет вера Че Гевары в эффективность военных, силовых решений проблем, встающих перед революционным процессом. В Боливии эта ставка на силу очень быстро обращается против крестьян. Партизанские репрессии были призваны укрепить позиции отряда Че Гевары среди кампесино: "Поддержки от крестьян не получаем, хотя кажется, что при помощи преднамеренного террора нам удалось нейтрализовать среди них наиболее враждебно настроенных к нам. Со временем они поддержат нас"²⁹.

Карательные действия в отношении крестьян были связаны и с необходимостью организационно отгородиться от них не только

---

²⁴ Партизанская война. С. 11.

²⁵ Che Guevara E. Obras. V.1. P. 166.

²⁶ См., например, Че Гевара Э. Эпизоды... С. 35, 158.

²⁷ The Complete... P. 164.

²⁸ Цит. По Григулевич И.Р. Э. Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1984. С. 64 - 65.

²⁹ The Complete... P. 151.

после победы, но и в ходе борьбы, подчинить крестьянское население района партизанскому центру власти. На Кубе новая система власти, со своей юрисдикцией и командно-карательным механизмом, вступила в действие уже через полгода после начала военных действий³⁰. Э. Че Гевара специально обосновывает необходимость казней крестьян в случае их отхода от движения и сотрудничества с властями³¹.

Несмотря на то, что Че Гевара одинаково строго оценивает качества и городского, и крестьянского пополнения³², крестьяне должны, по его мнению, составлять основу партизанской армии. Одним из обстоятельств, определяющих этот выбор, может быть более низкий уровень политических знаний, который делает крестьян более удобным материалом для создания “нового человека”, носителя новых идей, “революционного способа мышления”. Поскольку этот способ противоречит обыденной крестьянской психологии, большую роль в “перековке” сознания играет сам партизанский очаг - могучее средство воздействия на личность. Картина аскетической коммуны - отряда, нарисованная в “Партизанской войне”, иллюстрирует путь решения проблемы внешних социальных влияний, “разлагающих” авангард, и позволяет О. Иванову сделать вывод о том, что “в концепции Э. Че Гевары исчезает социальный носитель идеологии: им становится каждый боец за независимость и справедливость”³³.

Этот вывод нуждается в некоторой корректировке. Че Гевара продолжал считать, что сражается за интересы рабочего класса, выраженные в марксизме³⁴. Воспитательная роль “очага” (foco) позволяет форсировать переход к борьбе за эти идеалы уже на стадии вооруженных действий. Всё это как нельзя лучше соответствовало планам Че Гевары в Боливии. Сама структура отряда по мысли Че Гевары способна определить характер будущих общественных отношений. Начав боевые действия, Че Гевара не спешит активизировать контакты с крестьянами. Предварительно необходимо было “превратить партизанский отряд в группу железной силы, в которой каждый новый человек будет чувствовать после

---

³⁰ См. Э. Че Гевара. Эпизоды... С. 68.

³¹ Там же. С. 132.

³² Там же. С. 57, 96.

³³ Иванов О. Концепция революции. // Латинская Америка, 1988, №6. С. 60.

³⁴ Che Guevara E. Escritos y discursos. V.9. P. 30.

прибытия позитивное влияние группы”³⁵. Это монолитное, чуждое бюрократизму³⁶, но в то же время строго централизованное ядро должно было принять ожидавшийся приток крестьян и выковать из боливийцев “их офицеров, их будущих экономистов, их администраторов и т.д.”³⁷

Для успешного выполнения этой задачи в партизанском лагере создается своего рода школа гармонично развитого человека³⁸, где, однако, признана только одна точка зрения, политические дискуссии запрещаются³⁹. Результатом такого “единомыслия” стало резкое ухудшение морального климата в отряде, закончившееся скандалом накануне боевых действий⁴⁰. Первые три недели войны помогают команданте консолидировать отряд, после чего он решается, наконец, активизировать контакты с населением⁴¹.

В советской историографии высказывалось мнение о том, что крестьяне первоначально “держались настороженно, недоверчиво, часто даже враждебно”⁴². Это утверждение позволяет предположить, что отношения крестьян и партизан от месяца к месяцу устойчиво улучшались, и Че Геваре не хватило времени для вовлечения крестьян в борьбу. Однако дневник Че Гевары и других бойцов не дает оснований для таких выводов. 9 февраля Э. Че Гевара пишет: “Инти и Рикардо встретили несколько мальчишек и пошли в дом молодого крестьянина, у которого шестеро детей, он оказал им хороший прием и дал много информации”⁴³. Крестьяне дают партизанам информацию (записи 9, 10, 13 февраля), продают продовольствие, не спешат сообщить о партизанах властям. Цели движения еще совершенно непонятны им.

Однако по мере разъяснительной работы партизан, касающейся прежде всего преимуществ социализма⁴⁴, отношение крестьян остается прежним, а затем ухудшается. Долгое время команданте надеется на перелом в настроениях крестьян, но тщетно - в сентяб-

---

³⁵ The Complete... P. 288.

³⁶ Ibid. P. 293.

³⁷ Ibid. P. 293.

³⁸ Ibid. P. 299.

³⁹ Ibid. P. 106.

⁴⁰ Ibid. P. 128-129.

⁴¹ Ibid. P. 250.

⁴² Григулевич И.Р. Указ. соч. С. 187.

⁴³ The Complete... P.111.

⁴⁴ Ibid. P. 215; Куль А., Глес Ф. Партизанскими тропами Че. // Куба, 1988. - №3. С. 9.

ре наступает прозрение, выразившееся в горькой фразе: “...крестьянская масса ни в чём нам не помогает, крестьяне становятся предателями”⁴⁵.

В чём основные причины катастрофы? Были ли шансы на продолжение борьбы после сентября 1967 г.? На второй вопрос Э. Че Гевара отвечает положительно: “Наиболее важная задача - уйти отсюда и найти более благоприятные зоны. Кроме того, надо наладить контакты, хотя весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен, и там нам также нанесли тяжкие потери”⁴⁶. Но зону, в которую в конце сентября вторгается Че Гевара, никак нельзя назвать более благоприятной с точки зрения поддержки крестьян, - это Кочабамба, родной департамент президента Р. Баррьентосом, чей режим опирался на так называемые военно-крестьянские пакты, союз армии и крестьянских профсоюзов. Но Че Гевара уже не делает ставку на крестьян. Он стремится прорваться на запад, где можно опереться на городские оппозиционные организации.

Этот поворот был связан с серьезным переосмыслением взглядов Че Гевары на роль крестьянской армии в революции. Ещё на Кубе он выступал против городских союзников партизанского руководства (как антибатистовской иммиграции, так и “равнинного” подполья)⁴⁷, взаимоотношения с которыми по мнению команданте следовало строить на временной основе по принципу: “стратегию диктует тот, кто обладает силой”⁴⁸. Было ясно, что в случае успеха равнинной тактики новый центр власти, сформированный в горах, не сможет установить контроль над всей страной. Заметно преувеличивала роль Повстанческой армии в победе революции на Кубе и концепция трех этапов войны, которой Че Гевара пытается придать универсальный характер. При переходе от этапа к этапу (“кочевой”, “оседлый”, стратегическое наступление), Че Гевара учитывает различные факторы, но доминирующим считает фактор военных успехов партизанской армии⁴⁹. Заключительный этап войны рисуется Че Геварой как наступление регулярной повстанческой армии на фронте: “...возникает линия фронта, где происходят бои партизанской армии с войсками противника... Противник

---

⁴⁵ The Complete... P. 219.

⁴⁶ Ibid. P. 219 - 220.

⁴⁷ См. Че Гевара Э. Эпизоды... С. 165, 205, 206. Здесь Че в своих оценках расходится с официальной позицией “Сьерры” (см. Ларин Е.А. Повстанческая армия в Кубинской революции. - М., 1976. С. 153).

⁴⁸ Че Гевара Э. Эпизоды... – С. 158.

⁴⁹ Там же. С.155; Че Гевара Э. Партизанская война. С. 77 - 79.

терпит поражение, приняв бой, навязанный ему партизанами на ими же продиктованных условиях. Перед угрозой полного поражения он капитулирует”⁵⁰.

Эта картина серьезно расходится с реалиями Кубинской революции. К 1 января 1959 года повстанческая армия контролировала малую, хотя и важную часть страны, подобие фронта существовало в Орьенте и под Санта-Кларой, причем до самой Санта-Клары повстанцы добирались “на грузовиках и джипах”, не встречая никакого фронта⁵¹. Из схемы Че Гевары, навеянной опытом китайской революции⁵², выпадают не только такие факторы, как разложение армии⁵³, но даже всеобщая забастовка, которая, по признанию Ф.Кастро, “передала власть в руки революции”⁵⁴.

Всеобщая забастовка и распад режима передали власть на Кубе в руки широкой коалиции, в которой увенчанная победами Повстанческая армия хотя и находилась в преимущественном положении, но не была единственной силой. Это заставило Ф. Кастро пойти по пути постепенной трансформации возникшей коалиционной структуры в режим с одним центром власти. Постепенность этого процесса неминуемо оставляла в Кастровском режиме “родимые пятна” буржуазности, что не могло радовать Че. В его модели революции, которую он пытался представить сформулированной на основе кубинского опыта, в действительности больше китайского опыта, чем кубинского.

В Боливии Че Гевара пытается создать ситуацию, в которой революционное движение централизовано изначально. Для этого партизанскому отряду необходимо как можно меньше зависеть от союзников. На этом пути Че Гевара не останавливается перед разрывом с КПБ, когда ее руководитель Марио Монхе начал претендовать на общее руководство движением⁵⁵. По этой же причине команданте откладывает укрепление контактов с синдикалистским лидером Х. Лечином⁵⁶, влияние которого в Боливии было велико.

---

⁵⁰ Че Гевара Э. Партизанская война. С. 79.

⁵¹ От Сьерра-Маэстры до Гаваны. М., 1965. С. 235 - 237.

⁵² По своему собственному признанию, Че “усвоил много вещей” из “Военных записок” Мао Цзэ-дуна (E. Che Guevara. Selected works. P. 368). Действительно, их концепции войны во многом близки. См. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т.2. С. 155 - 161.

⁵³ См. Героическая эпопея... С. 215.

⁵⁴ Кастро Ф. Речи и выступления. М., 1960. С. 162.

⁵⁵ The Complete... P. 95 - 96, 293.

⁵⁶ Debrey R. Che's guerilla war. L., 1975. P. 134.

Только после того, как ставка на собственные силы не удалась, Че Гевара начинает стремиться к установлению более прочных контактов с городом. Но время для возвращения к кубинской модели революции уже было упущено. Да и сама городская оппозиция после разгрома шахтёрского ополчения Р. Баррьентосом в мае 1965 года вряд ли смогла бы помочь Че Геваре победить.

Просчет в отношениях с городом соратник Че Р. Дебре считает одной из главных причин гибели Э. Че Гевары⁵⁷. Это не была просто ошибка, это был сознательный выбор, продиктованный принципиальными соображениями команданте, связанными с его стратегическими замыслами. Он стремился не просто к свержению диктатуры и дальнейшему постепенному, оппортунистичному движению от капитализма. Замысел Че отличался от кубинского пути принципиально. В горах следовало вырастить из недовольных крестьянских слоев распространяющуюся по всей Латинской Америке с партизанскими колоннами новую систему общественных отношений и власти. Не трансформация капитализма в социализм, а замена существующего общества новым, выросшим в горах.

Ради чего всё это? Мы уже видели, что стратегической задачей команданте было построение нетоварного социализма, общества моральных стимулов. На пути этого идеала стояли не только “предрассудки” простых людей, но и вся империалистическая система. Уничтожить ее можно, втянув империализм в непосильные для него войны, множество “вьетнамов”. Одним из таких “вьетнамов” должна стать Латинская Америка. Этот план созревает у кубинских лидеров в самом начале 60-х годов, и уже в 1962 году Че Гевара пишет: “Знамя восстания должно быть поднято, и это знамя по исторической необходимости должно быть континентальным по характеру. Андским Кордильерам предназначено быть Сьерра-Маэстрой Америки, как сказал Фидель”⁵⁸.

Некоторое время Че Гевара скрывает континентальный характер борьбы в Боливии. Даже руководство КПБ узнало о нём только в середине февраля 1967 года⁵⁹. Окончательно континентальные задачи войны прояснились в июле: “Мало хорошего и в тех заявлениях, что сделали Дебре и Пеладо. Особенно это касается признаний относительно общекоонтинентального характера партизан-

---

⁵⁷ Ibid. P. 20.

⁵⁸ Che Guevara E. Selected works. P. 86.

⁵⁹ The Complete... P.144.

ской борьбы, которых они не должны были бы делать”⁶⁰. Впрочем, секрета в этом не было уже после опубликования в Гаване статьи Че Гевары “Призыв к Триконтиненталу”.

Интернациональный характер отряда, антиимпериалистическая и антиамериканская агитация - всё это не способствовало росту авторитета партизан среди крестьян, которые, по выражению Дебре, “никогда не видели янки в своей жизни”⁶¹. Местные кампесино вряд ли могли усмотреть в США источник своих бед, зато в партизанах могли видеть вполне конкретный пример иностранного вторжения. Партизаны, значительная часть которых прибыла из чужой страны, несли чуждую крестьянам культуру, чуждые идеи, да еще и не понимали их языка.

Большинство крестьян в этом регионе были индейцами и плохо говорили по-испански, язык кечуа партизаны начали изучать в лагере⁶², но в этом районе Ньянкауасу жили и представители других этносов, понятный которым язык гуарани в отряде знал лишь один человек⁶³. В результате крестьяне воспринимали партизан не только как чуждых им людей, но и подчас просто не понимали, что они говорят⁶⁴. Грубые просчеты в этой области также не были случайны. В “Призыве к Триконтиненталу” Че писал об “интернациональном американском типе, значительно более законченном, чем такие же образования на других континентах”⁶⁵.

Разрыв с культурной средой театра военных действий несомненно стал важной причиной поражения, но сама эта причина обусловлена стратегией Че Гевары. Успех национально-освободительных лозунгов Ф. Кастро помог победе революции, но он же поставил партизанское руководство в зависимость от национальных социально-политических сил после 8 января 1959 года. Попытка Че создать новые общественные отношения как бы вне общества определяла разрыв со “старой” культурой страны. Поэтому поверхностным представляется высказанное Р. Дебре в 1970 году мнение о том, что “фундаментальным фактором, определившим поражение Че в Боливии, была его недооценка национализма в привлечении поддержки повстанческого очага”⁶⁶. Фундамен-

---

⁶⁰ Ibid. P. 181.

⁶¹ Debrey R. Op.cit. P. 130.

⁶² The Complete... P. 101.

⁶³ Debrey R. Op. cit. P. 90.

⁶⁴ The Complete... P. 144.

⁶⁵ “Che” Guevara... P. 157.

⁶⁶ The legacy... P. 38.

тальной причиной провала Боливийской экспедиции явилась сама попытка создания нового общества в партизанском очаге. Неприемлемость самой этой модели сказалась в ходе идейной борьбы за умы и сердца крестьян.

Помимо лозунгов и доводов в пользу революции, о которых говорилось выше, Че Гевара основывал свою агитацию на лозунге освобождения: “Фундаментальным элементом этого стратегического финала становится тогда реальное освобождение людей”⁶⁷, - пишет Че в своем “Призыве к Триконтиненталу”, напрямую связывая это освобождение с социалистической революцией. Но понятие “освобождение” означает лишь свободу от невидимых законов капитализма⁶⁸, о которых команданте говорил в работе “Социализм и Человек на Кубе”. А во взаимоотношениях личности и общества определяющей становится категория “социального долга”⁶⁹, в условиях централизованной нетоварной экономики сводящая на нет свободу личности.

Пропаганда боливийского режима быстро заметила эту сторону воззрений Че Гевары и, сдобрив ее изрядным слоем клеветы, стала одерживать победы на идеологическом фронте. Один из крестьян вспоминал позднее: “Военные нам говорили, что партизаны хотят коммунизма, а при коммунизме, как нам объяснили военные, все становятся слугами государства, всех одевают в одинаковую одежду, семьи разрушаются. Нам говорили, что партизаны насилизуют женщин, занимаются разбоем, убивают всех, кто не служит им, а главное, нас убеждали, что они прибыли превратить нас в рабов. А я люблю свободу...”⁷⁰

Идеи Че Гевары, которые были проанализированы в этой работе - это своего рода квинтэссенция теорий форсированной насильственной централизации общества. И вполне естественно, она типологически близка другим лево-радикальным идеологиям и движениям, которые стремятся к централизации общества с оружием в руках.

Социальный смысл этих взглядов и источник их жизни лежит глубже. Социальные проблемы развивающихся стран порождают значительные деклассированные слои, вытесняя в эту сферу всё большее число людей. Проблема “лишних людей”, не находящих свое место в обществе по экономическим или политическим при-

---

⁶⁷ “Che” Guevara... P. 159.

⁶⁸ Ibid. P. 131.

⁶⁹ Ibid. P.136.

⁷⁰ Григулевич И.Р. Ук.аз. соч. С. 205 - 206.

чинам, обостряется не только в Латинской Америке, но и в других странах Третьего мира, а теперь и в России. На почве этих социальных явлений вырастает социальное отчаяние. Его выражением становится стремление исправить ситуацию решительным ударом, с оружием в руках захватить государственный центр и “исправить” его политику в соответствии со своими представлениями о справедливости.

Но ведь проблема действительно существует, общества периферийного капитализма глубоко и хронически больны. Любое ухудшение социального положения трудящихся, расширение деклассированных слоев, эскалация произвола со стороны властей - и лево-радикальные идеи встают в повестку дня, завоевывая массы и поднимая на щит имя Э. Че Гевары.

Че не успел реализовать свою модель - в этом источник мифа Че. Но в целом, идея замены элиты страны “новыми людьми”, выращенными в партизанском “очаге”, была опробована в Китае, привела в тупик и далее - к “термидору”.

Че погиб накануне мирового социального взрыва 1968 года, отдав жизнь за идею. “Умрешь не даром. Дело прочно, когда под ним струится кровь”. Смерть в горах породила миф, желание продолжить прерванное дело. А тут как раз начался “год баррикад”. Не Сапата, не Троцкий, не Ганди и не Хо Ши Мин, а именно он - в лихом берете и с устремленным вдаль взором - оказался символом нового поколения, которое не выбрало “Пепси”. Высокие этические цели и готовность к жертве - вот что привлекало к образу Че миллионы людей, действия которых были гораздо ближе к методам Ганди, чем Че. Но была и безусловная общность - радикализм.

“Концепция коммунизма Че была объединена в мае 1968 года с маркузеанской критикой капиталистической цивилизации, с определенными аспектами культурной революции в Китае, с троцкистской критикой бюрократии. Смещение этих компонентов привело к необычайному взрыву”⁷¹. Сочетание ряда идей Че Гевары с троцкизмом и маоизмом могло быть вполне органичным. В 1968 году на первый план вышло объединяющее этих теоретиков стремление к уничтожению бюрократии при сохранении централизма власти. Интересно, что и в политике Че Гевара старался занимать “третью” позицию в конфликте КПК и КПСС. В речи в Алжире он критикует и СССР, и КНР⁷². В Боливии он рассчитыва-

---

⁷¹ Cit.: Lovy M. Op.cit. P. 117.

⁷² Che Guevara E. A common... P. 5.

ет на помощь обеих стран⁷³.

И тем не менее, образ Че сохраняет популярность далеко не только у любителей бряцать оружием. Бурные 60-е положили начало новой трансформации методов освободительной борьбы, которая к концу XX века отработала широкий спектр методов ненасильственного сопротивления. В наибольшем масштабе эти методы были отработаны оппозицией в период Перестройки в СССР. Сегодня они применяются такими разными силами, как участники «оранжевых революций» и социальных «оккупаев». И то и дело в колоннах демонстраций можно видеть портреты Че. Что общего у партизана и сегодняшних «освободителей»? Юношеский романтизм? Возможно. Но в истории немало иных романтических образов. Дело в том, что, участники антиавторитарных движений прибегают к методам герильи, которая потеряла вооруженный характер, стала ненасильственной. Сочетание мобильности и создания «очагов», где происходит интенсивное общение и обучение – черта уличной активности времен Перестройки и «оккупаев». Не случайно, организовывая митинги в 1988-1990 гг., неформалы использовали советы Че: продумывали пути отхода, альтернативные маршруты, возможности внезапного действия и психологического воздействия на противника.

Че Гевара не является основоположником такой тактики, но его раздумья и практика оказали влияние на формирование современной ненасильственной герильи. Левая часть актива уличных движений проявляет интерес не только в образу Че, но и его наследию, которое, подчиняясь спросу, снова появилось на прилавках книжных магазинов.

Важной идеей Че остается “очаг” - небольшой социум, созданный в сельской местности и воспитывающий человека, привыкшего к более моральным социальным условиям, чем существующие в “большом мире”. Че мечтал, как почкующиеся очаги будут разрастаться по стране и вытеснять существующие общественные отношения. В последние дни своей жизни он понял, что успех здесь возможен только в связи с существующими гражданскими движениями. И без насилия - добавим от себя. Очаги-поселения - идея, завоевавшая себе путевку в XXI век. Но и здесь идеи команданте нуждаются в корректировке, особенно если учесть неблагоприятный моральный климат в его отряде. Возможно, соединяясь с традицией коммунитарного движения, идея «фоко» Че послужит со-

---

⁷³ The complete... P. 286.

зданию ядер альтернативной социальной системы, которая сегодня складывается в виртуальном пространстве. Здесь тоже возможны и свои очаги, и своя герилья. Ненасильственный путь к новому обществу - это “партизанские тропы” разных групп, выходящих из “империалистического окружения” на оперативный простор.

Че не был банальным экстремистом - радикалом только в вопросах метода, но и радикалом идеи, мечтавшем об обществе, построенном на этическом регулировании. Трагедия Че заключалась в попытке привести человечество к такому обществу через насилие. А это ведет к неизбежному авторитарному перерождению или поражению. Но его яркая деятельность имела огромное значение для латиноамериканской идейной традиции с ее сильным этическим акцентом, обеспечив ее распространение в мировом масштабе. Латиноамериканский этический социализм, зародившийся в XIX веке, проделал сложную эволюцию, переплетаясь с этическим либерализмом, и нашел в идеологах Кубинской революции глобальных трансляторов. В наследии Че Гевары этическая составляющая социализма выражена с такой жесткой последовательностью, а его жизнь настолько полно подтверждает верность принципам, что он стал моральным символом левых всего мира, как бы они не относились к насилию и авторитаризму.